# ИННОКЕНТІЙ,

# ЕПИСКОПЪ ПЕНЗЕНСКІЙ И САРАТОВСКІЙ.

---

## БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

---

СОСТАВИЛЪ

В. ЖМАКИНЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій просп., № 134.

1885.

# ИННОКЕНТІЙ,

# ЕПИСКОПЪ ПЕНЗЕНСКІЙ И САРАТОВСКІЙ.

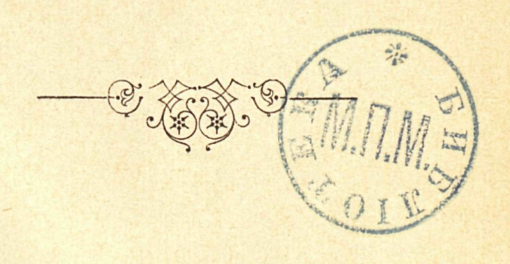
---

## БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

---

СОСТАВИЛЪ

В. ЖМАКИНЪ.




С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій просп., № 134.

1885.




(Изъ «Христ. Чтенія», за 1885 г.).

Печатать дозволяется. Октября 29 дня 1885 г. Ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Иванъ Троицкій*.

# ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

| *Страницы* | *строки*: | напечатано: | слѣдуетъ читать: |
|---|---|---|---|
| 3 | 6 снизу | благочестіи | благоговѣніи |
| 5 | 5 сверху | о. Бодянскимъ | О. Бодянскимъ |
| — | 8 снизу | притотовленіе | приготовленіе |
| 10 | 5 снизу | для завершенія | для завершенія и |
| 17 | 3 сверху | чины | члены |
| 26 | 13 сверху | гласный | главный |
| 68 | 19 снизу | Флешве | Флешье |
| 83 | 8 снизу | не есть | но есть |
| 85 | 17 сверху | аки бо | аки бы |
| 96 | примѣчаніе 1 | Русск. Стар. на 1873 г. | Русск. Стар. 1883 г. |
| 100 | 9 снизу | Проесвященнѣйшій | Преосвященнѣйшій |
| 149 | 12 снизу | Авраамій | Аркадій |

# СОДЕРЖАНІЕ.



ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

Преосвященнѣйшему ВЛАДИМІРУ,

Епископу Калужскому и Боровскому,

Милостивѣйшему Архипастырю и Отцу,

*съ глубокою признательностію*

*посвящаетъ*

*бывшій воспитанникъ.*

# Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій.

(Біографическій очеркъ).

Личность Иннокентія пензенскаго, этого замѣчательнѣйшаго по учености и еще болѣе по высотѣ своего нравственнаго характера мужа своего времени, до сихъ поръ остается какъ то въ тѣни, въ забытьи. Служа славою и красою православной русской церкви, какъ мѣтко и вѣрно выразился о немъ о. Морошкинъ въ своей книгѣ „Іезуиты въ Россіи“ (т. II), и представляясь для многихъ изъ своихъ современниковъ не иначе какъ „свѣтильникомъ, подававшимъ собою надежду во благо церкви“, Иннокентій тѣмъ не менѣе не сохранилъ по себѣ долгой памяти въ исторіи. Между тѣмъ нѣкоторые изъ современниковъ Иннокентія и дѣятелей, шедшихъ параллельно съ нимъ и во многомъ уступавшихъ ему въ нравственныхъ качествахъ, сошли въ могилу, завѣщавъ потомству громкое имя и отмѣтивъ собою особую эпоху въ исторіи русской церкви новаго времени (митрополитъ Филаретъ). Судьба какъ-то вообще не покровительствовала Иннокентію. Историческія событія его времени такъ сложились для него неблагопріятно, что не дали во всей силѣ развернуться его уму и дарованіямъ и не открыли предъ нимъ поприща широкой, продолжительной и обѣщавшей быть многоплодною, дѣятельности.

Первыя біографическія свѣденія объ Иннокентіѣ даны въ первомъ изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ двухъ частяхъ и сдѣланномъ современникомъ и почитателемъ его (въ 1821 г.) Владиміромъ, впослѣдствіи архіепископомъ тобольскимъ [1]).

---

[1]) Владиміръ, въ мірѣ Василій Алявдинъ, состоялъ инспекторомъ пензенской духовной семинаріи въ бытность Иннокентія пензенскимъ епископомъ,

Біографія преосвященнаго Иннокентія, составленная преосвященнымъ Владиміромъ, отличается краткостію и оффиціальнымъ характеромъ. Въ срединѣ сороковыхъ годовъ вышло второе изданіе сочиненій Иннокентія, сдѣланное Кораблевымъ и Сиряковымъ, отпечатанное въ трехъ частяхъ и снабженное портретомъ преосвященнаго [1]). Во введеніи ко второму изданію напечатана новая біографія Иннокентія, составленная на основаніи біографіи, помѣщенной при первомъ изданіи, но нѣсколько дополненная данными, заимствованными изъ записокъ (хотя и безъ прямаго указанія на источникъ) о жизни епископа Иннокентія, принадлежащихъ перу его ученика, извѣстнаго архимандрита Фотія [2]). Второе, оно же и послѣднее, изданіе сочиненій преосвященнаго Иннокентія замѣчательно между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ третьей части этого изданія помѣщено довольно значительное число его писемъ. Изданіе писемъ Иннокентія, неизвѣстно по какимъ причинамъ, сдѣлано не научно. Почти всѣ письма не сопровождаются указаніемъ тѣхъ лицъ, къ которымъ они, въ свое время, были адресованы. Нѣкоторыя письма помѣщены съ значительными пропусками, нѣсколько писемъ соединены въ одно и, наконецъ, нѣкоторыя передѣланы и въ содержаніи и въ языкѣ. Пропуски дѣлались тѣхъ именно мѣстъ, которые касались *фактовъ современной общественной и церковной жизни* и событій, относящихся собственно къ жизни самого Иннокентія [3]). Такой характеръ изданія писемъ обусловливался его цѣлями. Издатели выбирали изъ писемъ Иннокентія все то, что имѣло назидательный и нравоучительный характеръ. Поэтому было бы крайнею несправедливостью

---

затѣмъ онъ былъ епископомъ чигиринскимъ, потомъ костромскимъ, умеръ тобольскимъ архіепископомъ въ 1845 году. Филаретъ черниговскій, Обзоръ русск. дух. литературы, 2-е изд. 1863 года, кн. 11, 250. Обстоятельную біографію Владиміра, архіеп. тобольскаго см. въ «Страникѣ» 1861 года, ноябрь.

[1]) Спб. 1845—1847 гг.

[2]) Біографія преосв. Иннокентія, помѣщенная при второмъ изданіи его сочиненій, въ 1846 году была перепечатана въ «Пензенскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», №№ 22, 23 и 24.

[3]) Бодянскій такой характеръ изданія писемъ Иннокентія склоненъ объяснять цензурными затрудненіями.

дѣлать упрекъ почтеннымъ издателямъ за ихъ своеобразное отношеніе къ письмамъ Иннокентія тѣмъ болѣе, что они самымъ обнародованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ принесли русской богословской наукѣ немаловажную пользу.

Преосвященный Филаретъ черниговскій въ своемъ обзорѣ русской духовной литературы далъ краткія біографическія свѣденія объ Иннокентіѣ и сдѣлалъ перечень его учено-богословскихъ трудовъ [1]).

Въ Саратовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1867 годъ (№ 7 и 13) была напечатана статья подъ заглавіемъ: „нѣкоторыя черты изъ жизни преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго“, составленная на основаніи записки нѣкоего Ф. С. Вязовскаго. Эта статья есть не болѣе какъ пересказъ житія Иннокентія, составленнаго архимандритомъ Фотіемъ, о которомъ рѣчь у насъ будетъ ниже.

Въ Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1872 годъ (№ 16) напечатана была библіографическая замѣтка подъ названіемъ: „къ источникамъ жизнеописанія Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго“. Замѣтка посвящена критическому разбору рукописнаго житія Иннокентія, присланнаго въ 1827 году въ библіотеку пензенскаго каѳедральнаго собора самимъ его авторомъ, архимандритомъ Фотіемъ.

Въ 1875 году г. Рыбаковъ въ „Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ (№ 18) помѣстилъ небольшую статью подъ заглавіемъ: „благоговѣйное воспоминаніе объ Иннокентіѣ, епископѣ пензенскомъ и саратовскомъ“, гдѣ онъ сообщаетъ о томъ религіозномъ благочестіи, которымъ у мѣстныхъ жителей окружено имя святителя Иннокентія; причемъ онъ помѣстилъ и разсказъ объ одномъ исцѣленіи, совершонномъ по молитвамъ этого святителя.

Въ началѣ 1882 года въ Пензѣ появилась въ печати брошюра преподавателя пензенской духовной семинаріи Д. Троицкаго [2]) подъ заглавіемъ: „Иннокентій, епископъ пензенскій и

[1]) Обзоръ русск. дух. лит. кн. 11, 2 изд. 203—205.

[2]) Эта брошюра сначала печаталась въ видѣ особой статьи въ «Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1882 г. №№ 1, 2, 3 и д.

саратовскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности". Главными источниками для нея послужили: біографія Иннокентія, помѣщенная въ первой части его сочиненій, житіе его, составленное Фотіемъ, и письма Иннокентія, изданныя Бодянскимъ. Авторъ за неимѣніемъ подъ руками новыхъ, рукописныхъ матеріаловъ постарался сгруппировать всѣ болѣе или менѣе извѣстные въ печати факты, непосредственно относящіеся къ личности Иннокентія, и въ связномъ послѣдовательномъ разсказѣ представилъ ихъ въ своемъ трудѣ. Только одно рукописное житіе Фотія дало автору нѣсколько новыхъ свѣденій, но, къ сожалѣнію, онъ уже слишкомъ догматически отнесся къ творенію Фотія и потому принимаетъ за исторически достовѣрное все то, что находится въ житіи Иннокентія. А между тѣмъ здѣсь то болѣе всего необходима провѣрка показаній Фотія путемъ сравненія ихъ съ другими современными историческими данными, такъ какъ Фотій былъ человѣкомъ крайности и притомъ непосредственно заинтересованнымъ въ личности и въ судьбѣ Иннокентія. Отличительную черту труда г. Троицкаго составляетъ между прочимъ и то, что онъ разсматриваетъ личность преосвященнаго Иннокентія болѣе или менѣе обособленно отъ его эпохи. Эта черта особенно рельефно выступаетъ при изображеніи авторомъ дѣятельности Иннокентія въ Петербургѣ. Конечно нѣкоторыя отличительныя особенности появившейся въ Пензѣ брошюры обусловливались чисто случайными, мѣстными обстоятельствами, какова напримѣръ трудность собиранія необходимаго матеріала въ городахъ, не имѣющихъ обширныхъ и хорошо организованныхъ книгохранилищъ.

Однимъ изъ матеріаловъ для біографіи Иннокентія служатъ его письма. Кромѣ изданныхъ въ полномъ собраніи сочиненій четыре письма Иннокентія напечатаны въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ [1]), одно—въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ [2]) и одно письмо, адресованное на имя архимандрита Фотія, въ Русскомъ Архивѣ [3]).

[1]) Прибавлен. къ тв. св. от. кн. 1 и 2.

[2]) Чтен. въ москов. общ. ист. и древн. росс. 1846 г. № 8

[3]) Русск. Архивъ 1868 г., 944—945. Письмо издано священникомъ М. Я. Морошкинымъ.

Совершенно особую группу писемъ преосвященнаго Иннокентія и, нужно прибавить, самую драгоцѣнную по богатству содержащагося въ ней историческаго матеріала представляетъ изъ себя собраніе его писемъ къ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской, изданное въ 1874—1875 г. о. Бодянскимъ [1]).

Самый замѣчательный ученый трудъ преосвященнаго Иннокентія, это безспорно—его „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка“. Онъ былъ изданъ коммиссіею духовныхъ училищъ еще при жизни автора—именно въ 1817 году. Церковная исторія Иннокентія на довольно долгое время сохранила за собою значеніе классическаго сочиненія. Первое ея изданіе разошлось съ необыкновенною быстротою, такъ что скоро потребовалось новое. Трудолюбивый авторъ, находясь уже въ Пензѣ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, по порученію коммиссіи духовныхъ училищъ взялся было самъ за притотовленіе новаго изданія своей книги, но смерть пресѣкла его труды. За его смертью въ слѣдующемъ 1820 году коммиссія духовныхъ училищъ поручила исправленіе и приготовленіе къ новому изданію церковной исторіи Иннокентія протоіерею Кочетову. Редактированіе Кочетова состояло въ томъ, что онъ исправлялъ только обмолвки автора противъ источниковъ исторіи и кое-гдѣ исключилъ ненужное и излишнее и на оборотъ внесъ существенно необходимое [2]).

---

[1]) Письма Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго къ княгинѣ С. С. Мещерской 1817—1819 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при москов. университетѣ. М. 1875. Сначала эти письма (числомъ 56) были напечатаны въ видѣ особой статьи въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ за 1874 г. кн. IV. Изданію ихъ предпосланъ краткій біографическій очеркъ Иннокентія. Самое изданіе производилось Бодянскимъ съ рукописи, писанной рукою Екатерины Сергѣевны Гергардъ, родной сестры княгини С. С. Мещерской, безъ малѣйшихъ измѣненій, сравнительно съ ихъ оригиналомъ.

[2]) Филаретъ черниговскій. Обзоръ русск. дух. лит. кн. II, 205. Ученый отзывъ о церковной исторіи Иннокентія см. у Чистовича. Исторія петерб. дух. академіи, стр. 239. Послѣ Иннокентія остались еще экзегетическія сочиненія—каковы: объясненія перваго и вторага псалма и изъясненіе символа вѣры, но они въ ряду другихъ его сочиненій не имѣютъ особенно важнаго значенія.

Изъ проповѣдей преосвященнаго Иннокентія, кромѣ нѣкоторыхъ изданныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, немало напечатано было въ духовномъ журналѣ „Странникъ“.— Здѣсь въ шестидесятыхъ годахъ напечатаны были слѣдующія слова: слово въ недѣлю цвѣтоносную или недѣлю вайй [1]), въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли [2]), въ день сошествія Св. Духа или въ недѣлю пятидесятницы [3]), въ день воздвиженія честнаго и животворящаго креста [4]), въ недѣлю православія [5]), въ десятую недѣлю по пятидесятницѣ [6]), въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы [7]), на день рожденія св. Іоанна Крестителя [8]), на 12-е января [9]), въ день преподобнаго Сергія Радонежскаго [10]), слово въ день тезоименитства императора Александра Павловича [11]), слово на новый (1808 г.) годъ и слово въ великій пятокъ [12]).

Только одно событіе изъ жизни Иннокентія, именно его столкновеніе съ княземъ Голицынымъ по поводу пропуска имъ, какъ цензоромъ, книги Станевича: „бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, довольно хорошо извѣстно обществу какъ по запискамъ и воспоминаніямъ современниковъ, такъ и по ученымъ историческимъ монографіямъ. Къ первымъ относятся, напр., записки адмирала Шишкова [13]), записки о жизни митрополита Филарета— соч. Сушкова, отрывки изъ воспоминаній самого митрополита Фи-

---

1) «Странникъ» 1864 годъ, апрѣль, 11, 17.

2) «Странникъ» 1863 г., апрѣль, 11, 14.

3) «Странникъ» 1862 г., іюнь, 11, 310.

4) «Стран.» 1866 г., сент. 11, 126.

5) «Стран.» 1862 г., февр. 11, 74.

6) «Стран.» 1867 г., іюль, 11, 65.

7) «Стран.» 1862 г., мартъ, 11, 97.

8) «Стран.» 1866 г., іюнь, 11, 137.

9) «Стран.» 1863 г., янв., 11, 16.

10) «Стран.» 1862 г., іюль, 1, 347; 1864 г., іюль, 11, 37.

11) «Стран.» 1867 г., августъ, 11, 118.

12) «Странникъ» 1871 г., январь и мартъ.

13) Въ полномъ видѣ записки адмирала А. С. Шишкова изданы въ 1870 г. въ Берлинѣ, въ двухъ томахъ. Изданіе ихъ сдѣлано Киселевымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ. Отрывки изъ записокъ Шишкова напечатаны въ Чтен. общ. ист. и древн. 1868 г. кн. III.

ларета [1]). Изъ историческихъ трудовъ, касающихся нѣсколько и личности Иннокентія, слѣдуетъ указать на замѣчательное изслѣдованіе Пыпина „Россійское библейское общество“, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“ [2]).

Сдѣланными указаніями и исчерпывается почти весь кругъ печатныхъ источниковъ, касающихся личности Иннокентія. Нечего и говорить о томъ, что онъ далеко не отличается богатствомъ. Это обстоятельство имѣетъ до извѣстной степени опредѣляющее значеніе и для предпринимаемаго нами труда. Мы не можемъ ставить своею задачею всестороннее научно-критическое обслѣдованіе избраннаго предмета, которое при существованіи наличнаго матеріала объ Иннокентіѣ представляетъ не мало затрудненій. Главною цѣлію нашего труда служитъ изображеніе болѣе *фактической* стороны дѣятельности Иннокентія и преимущественно выясненія ея въ связи съ фактами современной ему эпохи. Преслѣдуя такую скромную задачу, мы избавляемъ себя отъ необходимости обозрѣвать ученые труды преосвященнаго Иннокентія, которые какъ обнародованные въ печати, всегда могутъ найти себѣ компетентныхъ цѣнителей и достойныхъ судей и отчасти уже находили ихъ.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ для настоящей статьи послужило и до сихъ поръ остающееся въ рукописи житіе Иннокентія, написанное его ученикомъ архимандритомъ Фотіемъ и имѣющее слѣдующее точное заглавіе: „сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго, скончавшагося въ Бозѣ 1819 г. октября 10 дня“. Въ послѣсловіи житія находится указаніе на то, что оно написано въ 1821 году, значитъ подъ болѣе или менѣе непосредственными и живыми воспоминаніями объ Иннокентіѣ, вызванными ближайшимъ образомъ его преждевременною кончиною. Списки съ рукописнаго житія Иннокентія чрезвычайно рѣдки. Безспорно самый лучшій списокъ его находится въ библіотекѣ Черниговской духовной семинаріи, куда онъ поступилъ отъ извѣстнаго историка Филарета, архіепископа черниговскаго, послѣ его смерти, а этотъ послѣдній получилъ его

[1]) Прав. Обозрѣніе. 1868 г. Августъ.

[2]) «Вѣстн. Европы» 1868 г. Августъ, сентябрь, ноябрь и декабрь.

изъ библіотеки Юрьева монастыря — мѣста служенія Фотія. Списокъ, принадлежащій черниговской духовной семинаріи, вышелъ непосредственно изъ подъ редакціи архимандрита Фотія. Другой списокъ житія Иннокентія находился у священника М. Я. Морошкина [1]) и переданъ былъ имъ въ редакцію „Странника“. Какая судьба постигла этотъ списокъ, мнѣ неизвѣстно. Съ рукописнаго житія епископа Иннокентія, находящагося въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи, сдѣлана мною точная копія для своихъ занятій. При пользованіи сказаніемъ Фотія о житіи и подвигахъ епископа Иннокентія я буду кратко обозначать его названіемъ „житія Иннокентія“. Довольно обширное по своему внѣшнему объему житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ, не отличается особеннымъ богатствомъ внутренняго содержанія. Характеръ писательства Фотія извѣстенъ. Его произведенія отличаются высокопарностью, витіеватостью языка и многословіемъ. Обиліе фразъ и общихъ выраженій торжественность и важность тона плохо гармонируютъ съ бѣдностію внутренняго содержанія и ограниченностію фактическихъ данныхъ. Житіе Иннокентія, написанное Фотіемъ, болѣе другихъ его произведеній страдаетъ указанными недостатками. Можно прямо сказать, что это трудъ не столько историка, сколько панегириста, написанный не столько для изображенія разнообразной дѣятельности Иннокентія, сколько разсчитанный вообще на возвеличеніе его личности, какъ одного изъ героевъ, отмѣтившихъ собою борьбу съ тѣмъ направленіемъ современной мысли, ярымъ врагомъ котораго былъ всегда самъ Фотій. Потому самому строго историческій элементъ въ житіи Иннокентія сравнительно слабъ: дѣйствующія историческія лица весьма часто не называются по имени, почему отъ читателя требуется хорошее знакомство съ исторіей того времени для того, чтобы догадаться о какихъ лицахъ говоритъ въ томъ или другомъ мѣстѣ авторъ житія [2]). Особенность религіознаго міровоззрѣнія Фотія, состоящая въ

---

[1]) «Русскій архивъ», 1868 г. 944—945. Списокъ житія Иннокентія имѣется еще въ библіотекѣ пензенск. каѳ. собора. «Пензен. Еп. Вѣд.» 1882. № 1.

[2]) Авторъ библіографической замѣтки, напечатанной въ «Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ», сдѣлалъ еще болѣе рѣзкій отзывъ о составлен-

его наклонности въ каждомъ самомъ заурядномъ явленіи обыденной жизни видѣть непосредственное дѣйствіе промысла Божія и отсюда наклонность къ чудесному заставляетъ быть весьма осторожнымъ при пользованіи его трудами.

Другимъ источникомъ для настоящей статьи была автобіографія архимандрита Фотія, также находившаяся въ числѣ рукописей преосвященнаго Филарета черниговскаго и послѣ него перешедшая въ библіотеку черниговской духовной семинаріи. Автобіографія Фотія обнимаетъ собою три большія части, раздѣленныя на три книги—по одной части въ каждой книгѣ. Она въ цѣломъ своемъ видѣ и до сихъ поръ остается не изданною; въ разныхъ историческихъ журналахъ напечатаны только нѣкоторые отрывки изъ нея [1]). Но такой способъ изданія, благодаря которому разбивается по частямъ то, что по самому существу своему составляетъ одно цѣлое, лишаетъ историка возможности видѣть преемство и связь историческихъ событій и можетъ приводить его къ ошибочнымъ или по крайней мѣрѣ не точнымъ выводамъ.

При пользованіи автобіографіей Фотія я хотя и располагаю собственно мнѣ принадлежащей копіей ея, но въ виду ея обширности и значитъ большой затруднительности при отысканіи мѣста ссылки или буквальнаго заимствованія я буду по мѣрѣ возможности ссылаться на оригиналъ ея, входящій въ составъ рукописей библіотеки черниговской духовной семинаріи. — Что касается до содержанія автобіографіи Фотія, то нужно сказать, что относительно личности Иннокентія она располагаетъ большими данными, чѣмъ какія сообщаются въ спеціально составленномъ Фотіемъ жи-

---

номъ Фотіемъ житіи Иннокентія. «Житіе Иннокентія, говоритъ онъ, составлено весьма неискусно, безъ плана, во взглядѣ весьма узкомъ, одностороннемъ и изложено языкомъ тяжелымъ, славяно-русскимъ, съ большими претензіями на риторство, а что особенно тяжело, такъ это постоянно желчное настроеніе автора противъ общества, каковое настроеніе онъ усвояетъ и почившему преосвященному». «Пензен. Еп. Вѣд.» 1872 г. часть неоффиціальная, № 16, стр. 514—520.

[1]) Одинъ отрывокъ изъ автобіографіи Фотія напечатанъ въ Чтеніяхъ въ общ. любителей духовн. просвѣщенія за 1868 г., приложеніе; другой—въ Чтен. общества исторіи и древн. рос. 1868 г. кн. 1; третій (о скопцахъ и тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ) въ Русскомъ Архивѣ за 1873 г.

тіи его. Это легко объясняется тѣмъ, что Фотій и Иннокентій были долгое время сослуживцами, всегда поддерживали между собою самыя близкія отношенія. Общій характеръ содержанія автобіографіи Фотія отличается крайнимъ раздраженіемъ и озлобленіемъ противъ людей противуположнаго ему направленія. У составителя ея замѣчается рѣдкая подозрительность и недовѣріе къ противникамъ. Онъ въ каждомъ иногда самомъ маловажномъ поступкѣ ихъ видитъ особый разсчетъ и тайныя интриги, часто читаетъ между строками, видитъ событія не послѣдней важности тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ были только явленія самыя обыкновенныя. Вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу Фотій въ своей автобіографіи впадаетъ, можетъ быть, совершенно не замѣтно для самого себя, въ преувеличенія и тѣмъ погрѣшаетъ противъ исторической правды.

Довольно обильнымъ источникомъ для меня служили письма Иннокентія, частью изданныя въ печати, частью же читанныя мною въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ, и наконецъ данныя, почерпнутыя изъ архивовъ.

## I.

Преосвященный Иннокентій (Смирновъ) родился 30 мая 1784 г. не вдалекѣ отъ Москвы, въ селѣ Павловѣ, гдѣ отецъ его Димитрій Егоровъ состоялъ причетникомъ при церкви Воскресенія Христова. При св. крещеніи ему дано было имя Иларіона. Фамилію Смирнова онъ получилъ въ школѣ за мягкость и кротость своего характера. Рано стали пробуждаться въ немъ богатыя отъ природы способности [1]). Нѣкоторыя начатки образованія онъ получилъ въ домѣ своего родителя. Собственно школьное образованіе его началось въ московской перервинской семинаріи, гдѣ онъ и получилъ свою настоящую фамилію Смирнова. Изъ перервинской семинаріи для завершенія усовершенствованія своего богословскаго образованія онъ перешолъ въ главную троицкую семинарію, находившуюся при Сергіевской лаврѣ и славившуюся высокимъ уровнемъ своего образованія.—Въ лаврской семинаріи онъ, продолжая заниматься начатымъ еще въ перервинской семинаріи изученіемъ

[1]) Житіе Иннокентія.

русскаго и латинскаго краснорѣчія, обучался преимущественно предъ прочими предметами церковной и гражданской исторіи, философіи, богословскимъ наукамъ и наконецъ греческому и французскому языкамъ. Еще до окончанія полнаго курса наукъ Иларіонъ Смирновъ за свои отличныя способности и блестящіе успѣхи въ наукахъ на двадцать первомъ году своей жизни, именно 13 февраля 1805 года, опредѣленъ былъ учителемъ сергіевской семинаріи въ низшій грамматическій классъ, а 30 августа слѣдующаго 1806 года переведенъ былъ въ высшій грамматическій классъ, а 9 марта 1808 года на вакансію учителя въ поэзію. Будучи учителемъ поэзіи онъ въ тоже самое время занимался истолкованіемъ воскресныхъ евангелій и преподаваніемъ катихизическаго ученія для всей семинаріи; 8 января слѣдующаго 1809 года онъ сдѣланъ учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики; 10 августа того же года на него возложены были должности префекта семинаріи и учителя философіи, каковыя должности онъ и проходилъ по 13-е января 1812 года.

Иларіонъ Смирновъ еще въ лѣтахъ цвѣтущей юности обнаруживалъ большую склонность къ монашеству. Въ бытность свою учителемъ сергіевской семинаріи онъ удовлетворилъ давнему влеченію своего сердца и по благословенію митрополита Платона 13 октября 1809 года былъ постриженъ въ монашество въ Сергіевой лаврѣ, принявъ имя Иннокентія въ честь Иннокентія, перваго епископа иркутскаго. 6 августа 1810 года Иннокентій получилъ назначеніе въ игумена Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря, откуда 14 октября того же года переведенъ былъ въ званіи игумена въ московскій Знаменскій монастырь.

Въ 1812 году игуменъ Иннокентій вызванъ былъ св. синодомъ по представленію коммиссіи духовныхъ училищъ въ С.-Петербургъ и 22 января опредѣленъ баккалавромъ въ с.-петербургскую духовную академію по каѳедрѣ церковной исторіи; 18 мая тогоже 1812 года избранъ былъ академическимъ правленіемъ и утвержденъ митрополитомъ Амвросіемъ библіотекаремъ академіи; а въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года на основаніи указа св. синода посвященъ былъ лично въ санъ архимандрита; съ 17 іюля 1813 года

и до половины сентября мѣсяца архимандритъ Иннокентій имѣлъ надзоръ за студентами академіи въ званіи ея инспектора, причемъ онъ вошелъ въ обязанности члена внутренняго и внѣшняго академическихъ правленій. Наконецъ въ сентябрѣ 1813 года архимандритъ Иннокентій избранъ былъ новгородскимъ митрополитомъ Амвросіемъ и 23 числа того же мѣсяца коммиссіею духовныхъ училищъ утвержденъ ректоромъ и богословскихъ наукъ профессоромъ въ с.-петербургскую духовную семинарію съ оставленіемъ за нимъ и академической каѳедры по предмету церковной исторіи. Въ тоже самое время онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ второклассной Сергіевой пустыни.

Неутомимая дѣятельность Иннокентія въ служеніи дѣлу духовнаго просвѣщенія скоро обратила на себя общее вниманіе и была оцѣнена по достоинству. Въ августѣ мѣсяцѣ 1814 года архимандритъ Иннокентій, въ уваженіи его ученыхъ трудовъ и заслугъ, коммиссіею духовныхъ училищъ былъ возведенъ на степень доктора богословія и въ тоже время всемилостивѣйше пожалованъ драгоцѣннымъ наперснымъ крестомъ и орденомъ св. Анны втораго класса съ алмазными знаками.—7 марта 1816 года, архимандритъ Иннокентій, по указу св. синода, возведенъ на степень первокласснаго архимандрита съ оставленіемъ въ Сергіевой пустыни; 7-го іюня того же года Иннокентій назначенъ былъ архимандритомъ новгородскаго Юрьева первокласснаго монастыря, а въ 1818 году всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени [1]).

Главная дѣятельность Иннокентія въ это время сосредоточивалась на занимаемой имъ должности ректора с.-петербургской духовной семинаріи. Но, будучи ректоромъ семинаріи, онъ въ тоже

---

[1]) Послужной списокъ архимандрита Иннокентія. Дѣло архива спб. дух. семинаріи отъ 1814 г. сент. 10, № 66 и отъ 1815 г. августа 15 № 53. Дѣла внутренняго правленія с.-петерб. дух. акад. 1812 г. №№ 13, 19, дѣла 1813 г. №№ 11, 14. Дѣла внѣш. академич. правленія 1817 г. № 34. 1819 г. № 21, 1813 г. № 34. Біографія Иннокентія, помѣщенная при 2-мъ изд. его сочиненій, часть первая. Чистовичъ. Исторія с.-петербургской дух. академіи, Спб. 1857. 248—249. Смирновъ. Исторія троицкой лаврской семинаріи, М. 1867. 49—50.

самое время несъ на себѣ не мало и другихъ должностей и имѣлъ не мало постороннихъ занятій.

Состоя ректоромъ семинаріи, Иннокентій, какъ мы замѣтили, исполнялъ и обязанности профессора академіи по каѳедрѣ церковной исторіи, и принадлежалъ къ числу членовъ внѣшняго академическаго правленія. Въ 1814 году въ теченіи всего іюня мѣсяца о. Иннокентій былъ членомъ комитета, составленнаго для испытанія студентовъ академіи предъ окончаніемъ перваго ея учебнаго курса послѣ ея преобразованія, причемъ онъ составлялъ вчернѣ и самый отчетъ о результатахъ произведенныхъ испытаній. Кромѣ того съ 1817 года онъ былъ сдѣланъ членомъ академической конференціи [1]).

Одновременно съ назначеніемъ на должность ректора семинаріи Иннокентій получилъ и другое назначеніе—быть членомъ цензурнаго комитета, учрежденнаго при с.-петербургской духовной академіи. По званію ректора семинаріи Иннокентій былъ присутствующимъ и членомъ с.-петербургской духовной консисторіи [2]). Съ 15 января 1814 года на Иннокентія возложена была должность благочиннаго надъ законоучителями, состоявшими при свѣтскихъ заведеніяхъ столицы [3]). Въ 1813 и 1814 годахъ Иннокентій проходилъ чреду священнослуженія и пріобрѣлъ извѣстность отличнымъ даромъ проповѣданія слова Божія.

Лѣтомъ 1817 года на Иннокентія возложено было особаго рода порученіе. Ему предписано обревизовать существовавшую тогда въ С.-Петербургѣ армейскую семинарію. Въ октябрѣ того же года о. Иннокентій представилъ во внѣшнее правленіе с.-петербургской духовной академіи отчетъ о произведенной имъ ревизіи, въ которомъ отзывался довольно хорошо о состояніи армейской семинаріи. „Оная семинарія, писалъ Иннокентій въ своемъ отчетѣ, далеко превосходитъ состояніе прежнихъ духовныхъ училищъ, будучи въ близкомъ разстояніи отъ своего преобразованія". Отозвав-

---

[1]) Чистовичъ. Ист. спб. дух. акад. 392. Дѣла внутр. правленія с.-петерб. дух. акад. 1814 года, № 24.

[2]) Послужной списокъ Иннокентія.

[3]) Дѣло архива спб. дух. семинаріи отъ 20 декабря 1816 года, № 56.

шись хорошо объ учебной и нравственно-воспитательной части, о. Иннокентій сдѣлалъ одно замѣчаніе, касавшееся не вполнѣ правильнаго расходованія нѣкоторыхъ суммъ казенныхъ денегъ [1]).

Архимандритъ Иннокентій, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, былъ приглашаемъ къ участію въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія [2]) и съ 17 апрѣля 1817 года состоялъ членомъ главнаго правленія народныхъ училищъ.

2 іюня 1816 года состоялось особое Высочайшее повелѣніе о назначеніи Иннокентія вмѣстѣ съ ректоромъ академіи, архимандритомъ Филаретомъ, членомъ коммиссіи по финляндскимъ дѣламъ. Для того чтобы понять смыслъ этого назначенія я привожу самое отношеніе князя А. Н. Голицына къ митрополиту Амвросію, которымъ объявлялось объ этомъ назначеніи.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый государь и архипастырь!

Святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ заключеніе коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, что по существующимъ тамъ законамъ допускаемые въ присутствіе судебныхъ мѣстъ депутаты со стороны греко-россійской церкви по слѣдственнымъ дѣламъ о людяхъ духовнаго званія не могутъ иначе быть признаваемы какъ въ качествѣ повѣренныхъ, и потому не имѣютъ права ни засѣдать, ни имѣть голоса, поручилъ мнѣ довести до высочайшаго свѣденія, что по нашимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ духовнаго званія подлежитъ сужденію свѣтскаго правительства, не можетъ иначе быть судимъ развѣ при духовномъ депутатѣ, который имѣетъ право засѣдать и подавать голосъ.

Его императорское величество получивъ по сему же предмету представленіе и отъ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, высочайше повелѣть соизволилъ учредить коммиссію изъ двухъ членовъ греко-россійскаго исповѣданія и двухъ лютеранскаго для разсмотрѣнія и представленія на высочайшее утвержденіе: какимъ образомъ должны впредь производиться въ финляндскихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла о людяхъ духовнаго званія греко-россійскаго исповѣданія. Съ симъ вмѣстѣ государь императоръ соизволилъ назначить въ сію коммиссію съ нашей стороны

---

[1]) Дѣло внѣшн. правл. с.-петербургской духовной академіи, 1817 года. № 35 отъ 23 окт.

[2]) *Вороновъ*. Историко-статистическое обозрѣніе уч. зав. с.-п-б-скаго учебн. округа. Спб. 1849. 196.

ректора с.-петербургской духовной академіи архимандрита Филарета и ректора семинаріи архимандрита Иннокентія.

Сообщая о таковомъ высочайшемъ повелѣніи вашему высокопреосвященству для объявленія означеннымъ архимандритамъ, имѣю честь присовокупить, что я не оставлю отнестись о семъ къ статсъ-секретарю по части финляндскихъ дѣлъ, барону Ребиндеру, съ тѣмъ, чтобы по избраніи двухъ членовъ лютеранскаго исповѣданія онъ извѣстилъ васъ, милостивый государь, о времени и мѣстѣ открытія коммиссіи.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопреосвященства, милостиваго государя и архипастыря, покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ». 2 іюня 1816 года [1]).

При императорѣ Александрѣ I наши церковныя дѣла не отличались ни строгою послѣдовательностію въ проведеніи той или другой правительственной программы, ни особенною устойчивостью и опредѣленностью даже во внѣшнихъ формахъ церковной администраціи. Они находились въ какомъ-то состояніи постояннаго колебанія. Религіозное воспитаніе Александра I представляло много недостатковъ, оно ограничивалось только знаніемъ краткаго катихизиса и исполненіемъ церковныхъ обрядовъ. Благодаря такому воспитанію религіозное міровоззрѣніе его отличалось крайнею ограниченностію, въ которой самъ онъ торжественно и сознавался [2]). Не обладая твердыми религіозными убѣжденіями, Александръ Павловичъ конечно не могъ болѣе или менѣе послѣдовательно относиться къ церкви и къ ея высшему учрежденію—синоду. Все дѣло здѣсь зависѣло не отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ самого императора, а отъ совершенно простаго случайнаго подбора лицъ, которымъ съ его стороны поручалось вѣдать дѣла церкви.

Въ царствованіе Александра I оберъ-прокуроромъ синода былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, которому принадлежало первое мѣсто между любимцами императора. Голицынъ, хотя безспорно былъ человѣкъ умный и образованный, но совершенно не соотвѣтствовалъ тому мѣсту, которое занималъ; кромѣ того онъ участвовалъ въ такого рода удовольствіяхъ, которыя сильно ком-

---

[1]) Дѣло архива с.-петербургской дух. семин. отъ 1816 г. 3-го іюня № 35. Дѣло внѣшняго правленія с.-петербургской духовной академіи 1816 г. № 22.

[2]) *Морошкинъ.* Іезуиты въ Россіи, часть II, 1—25. *Ковалевскій,* Графъ Блудовъ и его время, 58—63.

прометировали его какъ оберъ-прокурора св. синода [1]). Занимая долгое время постъ синодальнаго оберъ-прокурора и потомъ министра духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ былъ совершенный невѣжда въ православіи, что, конечно, ставило его въ фальшивое положеніе къ тому вѣдомству, во главѣ котораго онъ стоялъ.

Царствованіе Александра Благословеннаго замѣчательно богато реформами, касавшимися всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни Россіи. Тогда между прочимъ появилось совершенно новое учрежденіе—министерства. Въ видахъ ли введенія однообразія во всѣхъ сферахъ государственной и народной жизни, или же въ болѣе простыхъ цѣляхъ удовлетворенія властолюбивымъ стремленіямъ князя Голицына, только вмѣстѣ съ другими министерствами явилось и *министерство духовныхъ дѣлъ*, во главѣ котораго сталъ тотъ же князь Голицынъ. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ разсматривалось современниками какъ униженіе церкви [2]), во главѣ которой *оффиціально* становился свѣтскій человѣкъ, притомъ почти ничего не понимавшій въ православіи. Такъ какъ министерство духовныхъ дѣлъ обнимало дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій, то святѣйшій синодъ оказался въ положеніи только одного особаго отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ, завѣдывавшаго православнымъ исповѣданіемъ. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ дѣла православныя вѣдались наряду съ дѣлами католическими, протестантскими, наконецъ магометанскими и еврейскими. Для всякаго строго-православнаго человѣка представлялось настоящимъ соблазномъ видѣть управленіе своей церкви въ однихъ рукахъ и въ одинаковомъ положеніи съ иновѣрными. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ въ церковныхъ дѣлахъ игралъ первенствующую роль [3]). Для того, чтобы предупре-

---

[1]) *Шиманъ*. Императоръ Александръ Павловичъ и его дворъ въ 1804 году. «Русск. Старина», 1880 г. декабрь, 802. Воспоминанія *Т. П. Пассекъ*. «Русск. Стар.» 1878 годъ, томъ. XXI, 220.—О судьбѣ православной русской церкви въ царствованіе Александра I. Изъ записокъ Стурдзы. «Русск. Старина», 1876. Февр. 268.

[2]) «Русск. Старина». 1876 г. Февраль. Изъ записокъ А. Стурдзы. Судьба русск. церкви въ царств. Александра I.

[3]) Автобіографія Фотія, книга II, 77. 60. 74. 164. 62.

дить всякую возможность оппозиціи себѣ со стороны синода, князь Голицынъ придумалъ особый, сохраняющійся и по сіе время, способъ назначенія въ синодальные чины. Голицыну принадлежитъ идея вызова архіереевъ изъ епархій для временнаго присутствованія въ синодѣ [1]). Въ видахъ окончательнаго изолированія и уничтоженія всякаго вліянія высшихъ іерарховъ церкви при дворѣ при участіи князя Голицына состоялось особое распоряженіе, которымъ у духовныхъ лицъ отнималось право говорить при дворѣ проповѣди [2]). Образъ дѣйствій Голицына въ данномъ случаѣ легко поддается объясненію. Запрещеніе говорить при дворѣ проповѣди предупреждало собою появленіе такихъ духовныхъ іерарховъ, которые своими талантами и дарованіями могли бы обратить на себя вниманіе императора и другихъ особъ высочайшаго двора и тѣмъ или инымъ способомъ войти къ нимъ въ довѣріе, а чрезъ него въ концѣ концовъ могли бы парализировать деспотическое управленіе министра духовныхъ дѣлъ дѣлами православной церкви. Помимо всего этого, придворный проповѣдникъ могъ въ своей проповѣди коснуться ненормальностей современнаго строя церковной жизни и открыть глаза императору на незаконный деспотизмъ князя Голицына въ дѣлахъ церкви. Вообще еще при своемъ оберъ-прокурорствѣ въ синодѣ князь Голицынъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ императора, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ людей въ государствѣ, съумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ полную власть надъ всѣми церковными дѣлами и заявилъ себя здѣсь особеннымъ деспотомъ. Деспотическимъ притязаніямъ

---

[1]) Цѣль такого вызова такъ объясняетъ Фотій: «дабы вездѣ имѣть силу а синодъ ничему не могъ противиться, выдумалъ закономъ ввести министръ духовныхъ дѣлъ не членовъ дѣлать синода архіереевъ, а изъ всѣхъ епархій вызывать для присутствованія на время и тѣмъ всѣхъ православныхъ усмотрѣвъ лично совершенно какъ себѣ противныхъ *политически удалялъ*, скорѣе отправляя на епархіи, а архіереевъ имѣющихъ или наклонность все въ угодность министру духовныхъ дѣлъ чинить противу всѣхъ правилъ церковныхъ и законовъ государственныхъ, или явныхъ недоброхотовъ къ дѣлу церкви и вѣры... выписывалъ и рекомендовалъ императору и въ члены св. синода старался подѣлать». Автобіографія Фотія, кн. II, 62.

[2]) Автобіографія Фотія, кн. III, 22.

министра духовныхъ дѣлъ вторили и его подчиненные свѣтскіе чиновники, въ рукахъ которыхъ сосредоточивался весь административный механизмъ министерства духовныхъ дѣлъ [1]). Министерство духовныхъ дѣлъ до того централизировало церковныя дѣла и до такой степени ограничило свободу дѣйствій представителей церкви, архіереевъ, что послѣдніе принуждены были почти по каждому дѣлу сноситься съ министромъ духовныхъ дѣлъ и испрашивать его разрѣшенія даже на такое дѣло, какъ совершеніе крестнаго хода по случаю лѣтней засухи. Въ случаѣ же неисполненія со стороны какого либо изъ архіереевъ подобныхъ требованій министръ духовныхъ дѣлъ считалъ своимъ законнымъ правомъ дѣлать имъ выговоры и замѣчанія. И подобнаго рода выговоры приходилось получать такимъ архіереямъ, какъ петербургскій митрополитъ.

Время дѣятельности архимандрита Иннокентія въ Петербургѣ падало на вторую половину царствованія Александра I, столь рѣзко отличающуюся отъ первой и замѣчательную какъ время реакціи и крайняго распространенія мистицизма. Страшный 1812 годъ произвелъ болѣе или менѣе сильный переломъ въ русскомъ обществѣ. Большая перемѣна со времени отечественной войны произошла и во внутренней душевной жизни императора Александра. Событія двѣнадцатаго и послѣдующихъ годовъ въ сильной степени пробудили въ немъ религіозное чувство, до того времени весьма слабо проявлявшееся. Императоръ впалъ въ мистицизмъ, который въ то время дѣлалъ громадные успѣхи какъ въ западной Европѣ,

[1]) Директоромъ департамента министерства духовныхъ дѣлъ былъ А. И. Тургеневъ, извѣстный для своего времени воротила во всемъ духовномъ вѣдомствѣ: по словамъ автобіографіи Фотія синодъ силы не имѣлъ, правили синодальными и прочими духовными дѣлами канцелярія министра духовныхъ дѣлъ и ея директоръ *Тургеневъ*. (автобіогр. кн. II. 62—77). Одинъ изъ почитателей Тургенева характеризуетъ его какъ человѣка легкомысленнаго, съ извѣстною долею шарлатанства, и какъ диллетанта по службѣ, наукѣ и литературѣ. Русск. Архивъ 1875 г. кн I, 58—60. Недавно напечатаны письма А. И. Тургенева («Русск. Старина» 1882 г. апрѣль) къ К. Сербиновичу, въ которыхъ между прочимъ находится слѣдующая любопытная въ данномъ случаѣ фраза А. Тургенева: «я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катихизисы съ перемѣною министровъ и оберъ-прокуроровъ».

такъ и у насъ къ Россіи—и особенно въ высшихъ слояхъ русскаго общества. Распространеніе мистицизма въ самыхъ разнообразныхъ его развѣтвленіяхъ имѣло много благопріятныхъ условій въ политическихъ и соціальныхъ явленіяхъ того времени. Мистицизмъ являлся тогда реакціей господствовавшему до того времени религіозному индиферентизму и, какъ всякое сильное увлеченіе, не удержался въ должныхъ предѣлахъ. Строгіе мистики того времени въ своемъ религіозномъ увлеченіи не хотѣли удовлетворяться существующими порядками церкви, которые для нихъ казались мертвыми, сухими и до крайности однообразными. Современные мистики стремились поставить себя выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей и отличій, они мечтали о достиженіи высшей религіозности, объ основаніи внутренней духовной церкви, о непосредственномъ сліяніи съ божественнымъ духомъ. Въ концѣ концовъ мистики увлекались до того, что выдавали себя за истинныхъ истолкователей религіи, за единственныхъ хранителей высшей истины, и съ большимъ пренебреженіемъ и холодностію относились ко всему тому, что имѣло прямое отношеніе къ требованіямъ и правиламъ господствующей церкви. Увлеченіе мистицизмомъ простиралось такъ далеко, что переходило въ ханжество, экзальтацію, сектаторское изувѣрство. Охватившее значительную часть русскаго общества религіозно-мистическое одушевленіе нашло для себя хорошо подготовленную почву въ старомъ, новиковскомъ масонствѣ.

Императоръ Александръ окружилъ себя всякаго рода мистиками. Въ обществѣ ихъ онъ предавался самой изысканной религіозности и все болѣе и болѣе погружался въ религіозную мечтательность. Онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми болѣе или менѣе извѣстными русскими и заграничными мистиками своего времени—каковы г-жа Крюднеръ [1]), Татаринова [2]), Хво-

---

[1]) Автобіографія Фотія, кн. II, 132. «Вѣстникъ Европы» 1868 г. сентябрь. 272—275. «Русскій Архивъ» 1868 г. 1340—1390. Записка о крамолахъ враговъ Россіи.

[2]) Автобіографія Фотія, кн. II, 78—79. 132—133. Записки Вигеля, III, ч. VI, 38—39. А также имѣющаяся у меня рукопись: списокъ съ секретной записки д. ст. сов. Липранди, поданной министру внутреннихъ дѣлъ графу

стова [1]), англичанинъ квакеръ Стефанъ Грелье [2]) и наконецъ самъ знаменитый Юнгъ Штилингъ, а также пасторы Линдль и Госнеръ [3]).

По примѣру императора мистическимъ настроеніемъ увлекся и его ближайшій совѣтникъ и другъ, князь Голицынъ. Онъ отдался мистицизму всѣмъ своимъ существомъ. Мистическое увлеченіе Голицына переходило въ сильную экзальтацію, въ которой мало удѣлялось мѣста для дѣятельности разсудка. Подъ вліяніемъ своего мистическаго увлеченія князь Голицынъ стремился къ самой изысканной религіозности. Онъ принадлежалъ къ числу жаркихъ поклонниковъ Крюднеръ [4]), Татариновой [5]), увлекался мистическими проповѣдями католическихъ патеровъ Линдля и Госнера, самъ совершалъ квакерскія моленія въ ожиданіи осѣненія Св Духомъ [6]), наконецъ онъ самому занимаемому имъ помѣщенію старался дать особенную религіозно-мистическую окраску [7]). Но при всемъ возбужденіи религіозная пустота князя Голицына сказалась осязатель-

---

Перовскому. «Русскій Архивъ» 1868, 1352—1354. Записка о крамолахъ враговъ Россіи.

[1]) О Хвостовой Фотій пишетъ: прославляется подъ именемъ христіанки женка нѣкая Хвостова яко богодухновенная, какъ посланія апостольскія письма ея исполненныя бабьихъ мудрованій чествуются отъ первыхъ духовныхъ и ученыхъ. Автобіографія Фотія, кн. II, 25—30. 80.

[2]) Статьи *А. Пыпина*: императоръ Александръ І-й и квакеры. «Вѣстн. Европы» 1869 г. № 10. Квакеръ Грелье въ 1818—1819 годахъ былъ въ Россіи. Онъ получилъ доступъ къ императору Александру и даже три раза молился съ нимъ молчаливой молитвой, съ колѣнопреклоненіемъ, въ чаяніи сошествія на обоихъ Св. Духа. *Сушковъ*. Записки о жизни митрополита Филарета. М. 1868 г. 104. 206. Прилож. стр. 105—106. Имѣющаяся у меня рукопись, содержащая въ себѣ на французскомъ языкѣ дневникъ Грелье. Съ английск. языка дневникъ Грелье перев. И. Т. Осининымъ. «Русск. Старина» 1874 г. январь.

[3]) Александръ I посылалъ значительные денежные подарки мистику Юнгу Штилингу. «Вѣстникъ Европы» 1868 г. Сентябрь. 274. 276—280. Дѣло Госнера въ рукоп. Импер. пуб. биб. F. 1. № 484.

[4]) Крюднеръ—см. статью *А. Пыпина*. «Вѣстникъ Европы» 1869 г. № 8 и 9.

[5]) Автобіогр. Фотія, кн. II, 78—79, 132.

[6]) Записки Вигеля, III, ч. VI, 38. «Русск. Старина» 1874 г. Январь. Дневникъ квакера Грелье. О Линдлѣ и Госнерѣ см. сочиненіе графа Д. А. Толстаго: римскій католицизмъ въ Россіи. том. II, гл. XIII.

[7]) «Русская Старина» 1880. Сентябрь и ноябрь. Автобіографія священника Ѳеодосія Левицкаго.

нымъ образомъ. „Ему дорого было, говоритъ о князѣ Голицынѣ Бодянскій, проявленіе благочестія, *какую бы форму оно ни принимало*, онъ цѣнилъ одно чувство; положительныя вѣрованія для него не составляли существеннаго“ [1]). И дѣйствительно Голицынъ чрезъ свой мистицизмъ сдѣлался жалкой игрушкой всѣхъ сектантовъ и явился въ тоже время покровителемъ и для пропагандистовъ западныхъ исповѣданій. Онъ защищалъ духоборцевъ, покровительствовалъ скопцу Селиванову, содѣйствовалъ прозелитскимъ успѣхамъ іезуитовъ, при его покровительствѣ опутавшихъ Россію цѣлою сѣтью своихъ миссій [2]), вызывалъ и оказывалъ постоянную поддержку разнымъ протестантскимъ миссіонерамъ [3]) и под. Являясь покровителемъ представителей всѣхъ религіозныхъ теорій, исповѣданій и сектъ князь Голицынъ оказывался слишкомъ тяжелымъ бременемъ только для господствующей церкви.

Мистическое настроеніе охватило собою значительную часть современнаго русскаго общества. Однимъ изъ выдающихся проповѣд-

---

[1]) Чтен. въ общ. ист. и древн. 1868 г. кн. I. Два письма кн. Голицына къ Фотію.

[2]) *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. II. 30—40. Іезуиты прекрасно воспользовались покровительствомъ простодушнаго князя Голицына и такъ горячо взялись за пропаганду, что нѣкоторые изъ болѣе дальновидныхъ членовъ общества Іисуса изъ опасенія большими совращеніями вызвать противъ себя бурю преслѣдованій *сами старались сдерживать* чрезмѣрный пылъ своихъ собратій. Ректоръ римско-католической духовной академіи въ Полоцкѣ, отъ 18 января 1816 года. писалъ въ Петербургъ къ одному высокопоставленному лицу своего вѣроисповѣданія: «Studium illud quorundam, traducendi e Graeco ritu ad Latinum pueros et feminas, nemo est hic nostrum, qui non vehementer improbet. Fidenter hoc assero; cum enim septennium in missionibus, quinquennium Prepositus Provinciae cum que omnia Albae Russiae Collegia vel in coluerim vel lustrarim nemo me melius scire potest, quid Patres nostri in his regionibus sentiant. Liceat cum bona suae Excellentiae venia, quod verum est, dicere: non memini legisse me in Historiâ Eclesiasticâ exemplum zeli ut modeste loquor, imprudentioris ac ineptioris, quam zelus ille fuerit, quem nonulli in praecipuâ Imperii urbe edercere sunt ausi. Zelus talis, in talibus rerum adjunctis neque prudentiae Evangelicae, neque instituto Societatis nostrae, neque Sanctorum Majorum nostrorum exemplis conveniebat, id quod sua Excellentia ipsa novit optime et mihi non foret difficile demonstrare». Имѣющаяся у меня рукопись.

[3]) Англійская миссія за Байкаломъ. «Христ. Чтен.» 1881. Сентябрь-октябрь.

никовъ мистицизма и характеристическимъ представителемъ его въ литературѣ былъ А. Ѳ. Лабзинъ. Унаслѣдовавъ еще старыя масонскія преданія [1]), Лабзинъ теперь старался оживлять и дополнять ихъ новыми вѣяніями въ области мистицизма. Особенно много онъ позаимствовался у Юнга Штилинга и Эккартсгаузена. Лабзинъ не былъ доволенъ современнымъ положеніемъ церкви, которое онъ считалъ сухимъ и однообразнымъ а потому и слабо дѣйствующимъ на душу человѣка. Онъ задался цѣлію оживить церковь и выдавалъ себя за истиннаго истолкователя религіи. Стремленіе быть реформаторомъ церкви сдѣлало то, что онъ неуважительно и даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относился къ настоящимъ законнымъ представителямъ ея. Съ цѣлію популяризаціи своихъ мистическихъ идей Лабзинъ началъ издавать свой собственный журналъ подъ названіемъ „Сіонскій Вѣстникъ“ [2]). Кромѣ изданія мистическаго журнала благодаря неутомимой дѣятельности Лабзина появилась въ печати масса и другихъ мистическихъ произведеній. Такъ Лабзину принадлежатъ переводы изъ Эккартсгаузена: „путешествіе молодаго Костиса отъ востока къ полудню“. „наставленіе мудраго испытанному другу“, „ночи или бесѣды мудраго съ другомъ“, „облако надъ святилищемъ“, „ключъ къ таинствамъ натуры“, „важнѣйшіе іерогливы человѣческаго сердца“, „наука числъ“ и др., изъ другихъ мистиковъ ему принадлежатъ переводы: „приключенія къ смерти“ (Штилинга), „брань духовная“, „просвѣщенный пастухъ“, „таинство Креста Христова“, „таинство евангелія“ [3]) и др. Всѣ эти и другія мистическія сочиненія и переводы печатались съ разрѣшенія свѣтской цензуры.

Мистицизмъ сдѣлался настолько распространеннымъ въ то время, что проникъ даже въ духовныя школы. Фотій сообщаетъ, что нѣкоторые студенты с.-петербургской духовной академіи его времени сильно увлекались мистическими сочиненіями, особенно пере-

---

[1]) Въ рукописяхъ Импер. пуб. биб. сохраняется значительное количество протоколовъ масонскихъ ложъ, изъ коихъ многіе находятся за скрѣпою Лабзина. Протоколы относятся къ 1815—1822 годамъ. Рукоп. Им. пуб. биб. F. III, №№ 65, 66, 67, 68 и 69.

[2]) «Русскій Архивъ» 1866. Біографія Лабзина.

[3]) «Русскій Архивъ» 1868 г. 817—858.

водами изъ сочиненій Ю. Штилинга, и зачитывались ими до самозабвенія [1]).

Мистицизмомъ заражались даже самыя духовныя лица. Печальнымъ примѣромъ тому можетъ служить законоучитель втораго кадетскаго курпуса іеромонахъ Іовъ, который въ порывѣ какого-то религіознаго изступленія пришелъ однажды въ церковь и изрѣзалъ ножемъ иконы Спасителя и Божіей Матери [2]).

Въ 1812 году въ Россіи открылось библейское общество устроенное по образцу и подъ непосредственнымъ руководствомъ дѣятелей, принимавшихъ самое живое участіе въ судьбѣ британскаго библейскаго общества. Британское библейское общество преслѣдовало одну, поставленную при самомъ его основаніи, задачу— это изданіе и распространеніе Библіи безъ всякихъ объясненій и примѣчаній и устраненіе всякихъ вѣроисповѣдныхъ отличій. Значитъ въ основаніи дѣятельности англійскаго общества находился принципъ самой широкой вѣротерпимости. Отличительною особенностію англійскаго библейскаго общества было и то, что оно состояло изъ свѣтскихъ по преимуществу людей и дѣйствовало внѣ санкціи духовныхъ представителей того или другаго исповѣданія. Основанное по образцу британскаго, россійское библейское общество первоначально исключительною задачею своей дѣятельности поставило— распространеніе священнаго Писанія на разныхъ языкахъ, и среди разныхъ племенъ, населяющихъ русскую имперію, чрезъ изданіе книгъ ветхаго и новаго завѣта на языкахъ иностранныхъ. Что же касается въ частности до изданія книгъ священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ, то оно по прежнему осталось въ исключительномъ вѣденіи св. синода. По примѣру англійскаго при открытіи россійскаго библейскаго общества въ составъ членовъ его главнаго комитета (въ С.-Петербургѣ) вошли почти исключительно одни свѣтскія лица. Президентомъ общества избранъ былъ министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ, вице-президентами: графы Кочубей и Разумовскій, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ и др.;

---

[1]) Автобіогр. кн. I, глава 4, 71.

[2]) Автобіографія Фотія, кн. II. Воспоминанія А. П. Бѣляева. «Русск. Старина» 1880 г. Сентябрь. 40—41. Матеріалы для исторіи мистицизма и масонства въ Россіи. П. *Сладкопѣвцевъ*. Духовная бесѣда 1865 года № 10, 27—29 стр. и 1874 г. № 40.

директорами — князь П. С. Мещерскій, графъ Ливенъ, баронъ Фитингофъ и др.—Въ 1814 году въ обществѣ появилось девять новыхъ вице-президентовъ, изъ духовныхъ лицъ *разныхъ христіанскихъ исповѣданій* (Амвросій, митрополитъ новгородскій, Михаилъ, архіепископъ черниговскій, Серафимъ, архіепископъ тверской, впослѣдствіи митрополитъ московскій а затѣмъ и петербургскій, католическій митрополитъ Сестренцевичъ Богушъ, Іоаннесъ, архіепископъ русскихъ армянъ и др.). Въ тоже время и въ спискѣ директоровъ библейскаго комитета явились новыя лица какъ изъ православнаго духовенства (архимандритъ Филаретъ, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, протоіерей Музовскій), такъ и изъ другихъ исповѣданій — католическаго, армянскаго, лютеранскаго, греко-уніатскаго. Въ 1814 году въ число директоровъ библейскаго общества вступилъ извѣстный А. Ѳ. Лабзинъ. Такимъ образомъ библейскій комитетъ получилъ смѣшанный характеръ какъ въ отношеніи сословномъ, такъ равно и въ отношеніи вѣроисповѣдномъ. Но достойно вниманія при этомъ и то обстоятельство, что составъ членовъ библейскаго комитета, выходившихъ изъ разряда свѣтскихъ людей, всегда превышалъ своей численностью членовъ, принадлежавшихъ къ духовному сословію. Какъ уже было сказано, во главѣ библейскаго общества стояли первѣйшіе сановники государства, занимавшіе высшія государственныя должности и вліявшіе на цѣлыя отрасли государственнаго управленія. Ихъ содѣйствіе процвѣтанію библейскаго общества выражалось въ мѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ ихъ положенію, т. е. въ мѣрахъ чисто оффиціальнаго характера. Приглашенія ихъ къ содѣйствію библейскому обществу, обращенные ими къ своимъ подчиненнымъ понимались послѣдними какъ предписанія „по начальству", ихъ письма имѣли значеніе оффиціальныхъ циркуляровъ, за полученіемъ которыхъ слѣдовало ихъ немедленное исполненіе. Благодаря высокому оффиціальному положенію этихъ лицъ, спустя нѣсколько лѣтъ по основаніи общества, отдѣленія его появились во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ иниціатива ихъ открытія принадлежала губернскимъ властямъ, которые дѣйствовали здѣсь по предписаніямъ высшаго своего начальства изъ столицы.

При всѣхъ высокихъ, истинно христіанскихъ цѣляхъ, какія начертывали себѣ дѣятели библейскаго общества, они тѣмъ не менѣе не удержались въ должныхъ предѣлахъ, а напротивъ ударились въ крайность, погубившую и самое столь благодѣтельное по своей идеѣ учрежденіе. Главная причина паденія библейскаго общества заключалась въ томъ, что религіозный элементъ, лежавшій въ основаніи всей его дѣятельности, не удержался въ предѣлахъ здравой вѣры. Самое время открытія библейскаго общества (1812 года), когда въ русской общественной жизни произошелъ быстрый поворотъ къ мистицизму, говоритъ въ пользу того, что послѣдній оказалъ извѣстную долю вліянія на начало и особенно на успѣшный ходъ дѣла въ библейскомъ обществѣ. Открытіе и дѣятельность россійскаго библейскаго общества совпали у насъ съ господствомъ крайней мистики и піэтизма. Вся бѣда произошла отъ того, что главные заправители дѣлами библейскаго общества оказались самыми крайними и односторонними мистиками. Всѣ выдающіеся дѣятели по библейскому обществу какъ-то: президентъ общества князь Голицынъ, директоръ—Лабзинъ, секретарь—Поповъ и другіе принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ друзей и почитателей квакера Грелье, Крюднера, Госнера и всегда считались ревностными посѣтителями религіозныхъ оргій г-жи Татариновой.

Какъ президентъ библейскаго общества, князь Голицынъ давалъ большой ходъ и силу въ дѣятельности общества послѣдователямъ излюбленнаго имъ самимъ мистицизма; а какъ министръ духовныхъ дѣлъ онъ предоставлялъ въ своемъ обширномъ вѣдомствѣ самые выдающіеся посты своимъ библейскимъ дѣятелямъ. Такимъ образомъ мистицизмъ слился съ библейскимъ обществомъ, а библейское общество соединилось съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ.

Отсюда и судьба такихъ разнородныхъ учрежденій какъ министерство духовныхъ дѣлъ и россійское библейское общество и такихъ явленій, какъ мистицизмъ, становится одинаковою [1]).

---

[1]) Свѣденія о библейскомъ обществѣ сгруппированы мною изъ капиталь-

Среди дѣятелей россійскаго библейскаго общества возникла мысль о необходимости русскаго перевода Библіи. Возникновеніе ея было совершенно естественно для общества, заботившагося о доставленіи Библіи на родномъ языкѣ всѣмъ иностранцамъ и инородцамъ, населяющимъ русское государство, и до сихъ поръ обходившаго самую многочисленную часть населенія имперіи — именно много-милліонный русскій православный народъ. Вопросъ о переводѣ Библіи на русскій языкъ открыто выступилъ въ 1815 году, когда, по представленію князя Голицына, императоръ Александръ сдѣлалъ предложеніе св. синоду о необходимости перевода священнаго Писанія на русскій языкъ. Синодъ чрезъ коммиссію духовныхъ училищъ поручилъ сдѣлать переводъ св. Писанія ученымъ петербургской духовной академіи и гласный надзоръ за ходомъ переводнаго дѣла предоставилъ ректору академіи архимандриту Филарету. Въ 1818 году явилось впервые на русскомъ языкѣ четвероевангеліе — вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, а въ 1820 году вышло полное изданіе новаго завѣта въ русскомъ переводѣ [1].

Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ, открытіе и дѣятельность библейскаго общества и наконецъ распространеніе въ русскомъ обществѣ мистицизма—все это самымъ непосредственнымъ образомъ касалось православной церкви и ея духовенства. Указанные факторы русской общественной жизни съ той или другой стороны затрогивали самые существенные и живые интересы православія.

Прежде всего нужно сказать, что духовенство ни какъ не могло сочувствовать учрежденію министерства духовныхъ дѣлъ. На духовное министерство оно смотрѣло какъ на глубокое униженіе православной церкви, во главѣ которой правительство поставило свѣтскаго человѣка, а высшее церковное учрежденіе—синодъ оффиціально оказался въ подчиненномъ ему положеніи. Во всемъ духовенствѣ учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ возбудило

---

ной статьи Пыпина о библейскомъ обществѣ, напеч. въ Вѣстникѣ Европы, 1868 г., августъ—ноябрь.

[1]) Исторія перевода Библіи на русскій языкъ изложена въ статьяхъ И. А. Чистовича, напеч. въ Христ. Чт. 1872 г., томъ I—IV.

сильный ропотъ и негодованіе [1]). Помимо того, современный ходъ церковныхъ дѣлъ сложился такимъ образомъ, что не столько самое существованіе министерства духовныхъ дѣлъ возбуждало въ духовенствѣ общее недовольство, сколько деспотическій, иногда доходившій до потери всякаго приличія, образъ дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и его клевретовъ. Деспотизмъ князя Голицына въ церковныхъ дѣлахъ простирался до предѣловъ, оскорблявшихъ религіозное чувство не только духовныхъ но и мірянъ. Нѣкоторые факты деспотизма Голицына будутъ представлены ниже. Здѣсь достаточно припомнить слова архимандрита Фотія. Онъ насчитываетъ до двѣнадцати человѣкъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ, которыя „безъ всякаго суда синодальнаго или были низведены во гробъ или изгнаны съ своихъ мѣстъ министромъ духовныхъ дѣлъ“ [2]).

---

[1]) Записки Вигеля III, ч. V, 67.

[2]) Автобіографія архим. Фотія, кн. III, 27. Какъ ненавистно было духовенству министерство духовныхъ дѣлъ, это можно видѣть изъ той радости, съ какою оно встрѣтило его уничтоженіе. Архимандритъ Фотій такъ описываетъ послѣднія обстоятельства, сопровождавшія закрытіе министерства духовныхъ дѣлъ. «1824 года въ день вознесенія Господня, 15 мая, все нужное, главное совершилъ государь на пользу государства, церкви православныя, вѣры, отраду всероссійскаго духовенства и всѣхъ вѣрныхъ, далъ свое высочайшее повелѣніе не токмо уволить князя Голицына отъ св. синода, но министерство духовныхъ дѣлъ онымъ уничтожено вовсе, отъ министерства просвѣщенія онъ отрѣшенъ и прочія чести отъ него отняты. Послѣдовалъ по сему дѣлу указъ св. синоду и прочіе указы по своимъ мѣстамъ. Повечеру уже поздно вдругъ царевъ вѣстникъ приноситъ пакетъ митрополиту въ домъ отъ императора и карандашемъ на пакетѣ написано: «Серафиму митрополиту». Трепещущими руками взялъ архіерей, и не зная тайны дѣла еще, но видя царскую печать, палъ на землю моляся Господу предъ Его образомъ трижды покланяяся вмѣстѣ съ Фотіемъ, потомъ распечаталъ перекрестяся пакетъ, царское повелѣніе прочелъ объ оставленіи святѣйшаго синода по прежнему и объ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ. О, какая была радость іерарха, лице всея церкви въ себѣ представлявшаго! О, какая была радость вкупѣ Фотію! Старецъ архіерей обнялъ его, яко споспѣшника въ дѣлѣ семъ единаго, цѣловалъ, благословлялъ и радости всей не могъ выразить иначе какъ хвалебными словами, пѣніемъ, а посему онъ возглашалъ радуяся: «кто Богъ велій яко Богъ нашъ», «съ нами Богъ». Какъ свѣтъ солнца утренняго разліялся свѣтлый слухъ о паденіи столпа злобы, о прогнаніи тьмы зловѣрія, о изчезаніи

Первенствующая роль князя Голицына въ библейскомъ обществѣ и характеристическій составъ его дѣятелей также вызывали въ большинствѣ духовенства, а отчасти даже и въ свѣтскомъ обществѣ большое неудовольствіе.—Несомнѣнно то, что многіе просвѣщенные люди въ современномъ русскомъ духовенствѣ относились съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ идеѣ библейскаго общества и старались по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать успѣхамъ его дѣятельности. Однако и у нихъ находились поводы къ тому, чтобы питать нѣкоторую долю недовѣрія къ этому обществу. Происхожденіе неудовольствія въ духовенствѣ противъ библейскаго общества понятно. Болѣе чѣмъ скромное положеніе, какое занимали представители православной церкви въ библейскомъ обществѣ, и само по себѣ щекотливое для нихъ какъ представителей господствующаго исповѣданія, получало для нихъ еще болѣе непріятный характеръ отъ того, что они въ составѣ библейскаго общества числились на ряду съ духовными лицами другихъ исповѣданій и засѣдали въ библейскомъ комитетѣ вмѣстѣ съ иновѣрцами. Совмѣстное существованіе и присутствованіе въ комитетѣ православныхъ пастырей съ иновѣрцами, которыхъ старыя православныя преданія считали не иначе какъ за еретиковъ, казались профанаціей православной вѣры и сана православнаго пастыря не только для самихъ духовныхъ лицъ, но и для мірянъ [1]).

---

молвы земнаго мірскаго владычества надъ церковію. Слава вѣры, побѣда церкви нечестія отъ устъ въ уста отъ слуха въ слухъ общій отъ единаго вси узнаютъ свободу свою отъ рабства мірскаго. Пронесся слухъ во всемъ градѣ и вся столица славы великія исполнилася. Всѣ радовались, всѣ ликовали мірскіе и духовные, что власть темная, новые Корей, Даѳанъ и Авиронъ падоша. Нѣсколько дней всѣ радовались вкупѣ о благѣ церкви святыя, домы духовныхъ и мѣста оживляются отъ радости, ибо сіе дѣло было таково, что во власти бывъ церковь вся у князя Голицына была яко въ плѣнѣ у князя тьмы». Автобіогр. кн. III, 103—105.

[1]) Не странны-ли, не смѣшны-ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, пишетъ въ своихъ запискахъ Шишковъ, засѣдающіе въ противность апостольскихъ постановленій вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, квакерами? Они съ сѣдою головою въ своихъ рясахъ и клобукахъ сидятъ съ мірянами всѣхъ націй и имъ человѣкъ *во фракѣ* проповѣдуетъ слово Божіе. Гдѣ же приличіе? Гдѣ церковь? Чтен. въ общ. истор. и древн. 1868 г. кн. III, 73.

Но главный источникъ, откуда исходило въ духовенствѣ недовольство и раздраженіе противъ князя Голицына, заключался въ его уродливомъ мистицизмѣ. Голицынъ въ покровительствѣ мистицизму заявилъ себя большимъ фанатикомъ, чѣмъ какимъ выступилъ противъ него извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій. По запискамъ современниковъ [1]) и по другимъ историческимъ даннымъ князь Голицынъ отличался крайнею нетерпимостію ко всему тому, что не носило отпечатка мистицизма. Съ одной стороны какъ министръ духовныхъ дѣлъ, съ другой какъ министръ народнаго просвѣщенія, Голицынъ, опираясь на свое вліяніе при дворѣ, поставилъ задачею своей дѣятельности дать полное господство мистицизму въ русской жизни, и до извѣстной степени осуществлялъ ее—при помощи массы чиновниковъ, подобранныхъ подъ одинъ мистическій колоритъ.—Благодаря покровительству Голицына мистическая литература получила всѣ права гражданства. Проникнутыя мистицизмомъ произведенія издавались безпрепятственно и расходились въ тысячахъ экземпляровъ, при чемъ употреблялся „начальственный“ пріемъ ихъ разсылки, исходившій отъ министра просвѣщенія, рекомендація котораго имѣла обязательное значеніе для всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій [2]).

До какой безцеремонности и безтактности доходило министерство духовныхъ дѣлъ достаточно показываетъ обстоятельство, которое въ свое время было сообщено Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ. Въ бытность Филарета архіепископомъ ярославскимъ (въ 1820 году) однимъ изъ членовъ татаринскаго общества была издана книга о скопцахъ. Здѣсь говорилось о внутреннемъ живомъ словѣ, котораго надлежало искать *только въ ихъ обществѣ*. Книга издана была въ пользу бѣдныхъ. Князь Голицынъ прислалъ архіепископу Филарету десять экземпляровъ этой книги для распространенія по епархіи. Филаретъ заплатилъ деньги, но отка-

---

[1]) Воспоминанія Т. П. Пассекъ, Русск. Ст. рина 1878 г., т. XXI, 220.

[2]) Къ исторіи мистицизма въ Россіи. *Н. Барсовъ*. Христіан. Чтен. 1876 г. январь — февраль. А также дѣла внѣшняго правленія спб. духовн. академіи, 1818 г. № 8, 1819 г. № 21, 1817 г. № 5. Записка о пропущенныхъ цензурою книгахъ, наполненныхъ богохульствомъ. Чтен. въ общ. ист. 1870 г. кн. I.

зался распространять книгу, явно одобряющую скопчество [1]). Но покровительство мистицизму со стороны князя Голицына простиралось еще дальше. Какъ министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ стоялъ во главѣ свѣтской цензуры, а какъ министръ духовныхъ дѣлъ онъ располагалъ большою властью и въ отношеніи цензуры духовной. Такимъ образомъ вся современная литература, и духовная и свѣтская, находилась подъ гнетомъ мистицизма. Современная цензура голицынскаго направленія давила всякую мысль, противную господствовавшему мистицизму. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда являлось въ печати сочиненіе съ противомистическимъ направленіемъ, правительственныя преслѣдованія и кары обрушивались какъ на авторовъ, такъ и на издателей, и вообще на всѣхъ лицъ такъ или иначе содѣйствовавшихъ выходу въ свѣтъ книги. Понятно при такомъ положеніи вещей невозможны были протесты противъ мистиковъ. Цензурныя запрещенія предупреждали выходъ каждой противомистической книги. Свидѣтельства о существованіи протестовъ противъ господства мистическаго направленія въ современномъ обществѣ сохранились большею частію въ рукописяхъ [2]).

Какъ ни сильно было негодованіе духовенства противъ министра духовныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе оно одно долгое время не

---

[1]) Прав. Обозр., 1868 г. № 8, августъ. Изъ воспоминаній покойнаго митрополита Филарета. Длинный перечень мистическихъ книгъ, разосланныхъ княземъ Голицынымъ по епархіямъ представленъ въ статьяхъ И. А. Чистовича, напечат. въ Христ. Чт., 1872 г., т. I, 690—709. Здѣсь видно, что нѣкоторыя книги разсылались въ количествѣ отъ 50 до 2,000 экземпляровъ на епархію. Всѣ мистическія изданія по опредѣленію св. синода въ 1843 году были вытребованы изъ епархій въ синодъ.

[2]) Въ рукописи Импер. публ. библіотеки, отд. III, F. № 45 находятся слѣдующія противомистическія статьи: 1) примѣчанія на книгу наставленіе ищущимъ премудрости, 2) безпристрастное мнѣніе православнаго христіанина о Сіонскомъ Вѣстникѣ 1817 года, 3) о книгопечатаніи, 4) о словѣ одного губернатора и наконецъ 5) слово на 1821 годъ. Въ другой рукоп. Импер. публ. библ., отдѣлъ III, F. № 46 находятся слѣдующія противомистическія статьи: 1) отозваніе души моей на книгу «воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», 2) ученія новой вѣры послѣднихъ временъ и 3) пагубы гангрены послѣднихъ временъ.

могло дать ему никакого отпора. Для того, чтобы могла составиться оппозиція, нужна широкая самостоятельность, но пройденная духовенствомъ со времени Петра I суровая школа отучила его отъ самостоятельности. Со времени уничтоженія патріаршества духовенство лишилось высшаго своего представителя и могущественнаго защитника своихъ интересовъ и въ сферѣ государственной жизни заняло болѣе чѣмъ скромное положеніе *средняго* сословія. Высшій представитель церкви—синодъ, по самому характеру своего административнаго устройства, не могъ замѣнить патріарха. Князь Голицынъ, очень легко могъ подобрать желательный для него составъ членовъ синода, чему много помогалъ ему и впервые введенный имъ способъ вызова епархіальныхъ архіереевъ для временнаго только присутствованія въ синодѣ [1]). На нѣкоторыхъ членовъ синода князь Голицынъ дѣйствовалъ системою террора. Такимъ образомъ брать на себя инициативу протеста могли только отдѣльныя личности изъ членовъ синода или изъ рядоваго духовенства, и—брать на свой собственный страхъ и почти на вѣрную гибель.—Если и возможно было ожидать оппозиціи въ духовенствѣ, то это скорѣе всего со стороны петербургскаго митрополита, какъ постояннаго и притомъ первенствующаго члена синода, и какъ человѣка въ большинствѣ случаевъ самаго вліятельнаго и сильнаго. При вступленіи императора Александра I на престолъ петербургскимъ митрополитомъ и первенствующимъ членомъ синода былъ Амвросій (Подобѣдовъ) [2]). Въ первые два года царствованія Александра Амвросій пользовался большимъ значеніемъ при дворѣ и даже однажды успѣлъ оказать ему услугу,

[1]) Въ подтвержденіе этого обстоятельства достаточно указать на тотъ фактъ, что два синодальные члена—тверской архіепископъ Іона и кишиневскій митрополитъ Димитрій сдѣланы были членами синода единственно по рекомендаціи любимца князя Голицына, архимандрита Өеофила. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. росс. 1868 г. кн. III. Записки адмирала *А. С. Шишкова*, 64—66. Ср. Христ. Чтен. 1872 г., т. I, 670—676. Статья *И. А. Чистовича* «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ».

[2]) Біографію митроп. Амвросія, составленную И. А. Чистовичемъ, хотя далеко не полную, см. въ Странникѣ 1860 г. май—іюнь. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Амвросіѣ см. въ ст. *Сушкова*, «три митрополита», напеч. въ Чтен. общ. ист. 1867 г. кн. I.

когда однимъ своимъ ловкимъ дипломатическимъ визитомъ избавилъ дворъ отъ ненавистнаго петербургскаго генералъ-губернатора Палена [1]. Въ самомъ синодѣ голосъ митрополита Амвросія имѣлъ всегда безусловно рѣшающее значеніе. Но могущество Амвросія продолжалось не долго. Въ 1803 году оберъ-прокуроромъ синода назначенъ былъ Яковлевъ, человѣкъ энергическій и съ деспотическимъ характеромъ. Яковлевъ очень скоро разошелся съ митрополитомъ, съ вліятельнымъ положеніемъ котораго онъ никакъ немогъ помириться. Произошла упорная хотя и непродолжительная борьба. Оберъ-прокуроръ долженъ былъ уступить сильному своими связями митрополиту. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ Яковлева уволили отъ должности оберъ-прокурора въ синодѣ. Однако онъ, оставляя свой постъ, успѣлъ наговорить государю такъ много нелестнаго о митрополитѣ, что императоръ Александръ, пригласивъ къ себѣ однажды митрополита, сдѣлалъ ему строгій выговоръ [2]. Послѣ этого положеніе митрополита Амвросія при дворѣ и въ синодѣ измѣнилось. Государь сталъ относиться къ нему очень холодно и даже не старался скрывать отъ него своего къ нему нерасположенія. Митрополитъ Амвросій чувствовалъ охлажденіе къ себѣ государя и сдѣлался какъ въ своемъ образѣ жизни такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ значительно сдержаннѣе. Новый оберъ-прокуроръ синода князь Голицынъ, о роли котораго, какъ перваго любимца государя, всѣмъ было хорошо извѣстно, сталъ въ совершенно независимое положеніе относительно митрополита Амвросія. Къ несчастію для послѣдняго въ это время искателемъ петербургской митрополіи и противникомъ Амвросія выступилъ Ѳеофилактъ Русановъ, архіепископъ рязанскій, человѣкъ молодой, даровитый и главное — сильный своими связями въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ. Митрополитъ Амвросій устоялъ въ борьбѣ съ Ѳеофилактомъ. Однако онъ послѣ охлажденія къ нему государя постоянно опасался за свое мѣсто, много боялся могущественнаго Голицына и

---

[1] О. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, ч. II, 13—15.

[2] Записки оберъ-прокурора Яковлева. Памятники новой русской исторіи изд. Базунова, т. III.

уступалъ ему во всемъ [1]). Поэтому архимандритъ Фотій говоритъ совершенную истину, когда отзывается о митрополитѣ Амвросіѣ, что тотъ „безмолвствовалъ“ предъ княземъ Голицынымъ и его клевретами и вольно или невольно служилъ его послушнымъ орудіемъ [2]). Много оказалъ услугъ митрополиту Амвросію въ борьбѣ его съ Ѳеофилактомъ ректоръ с.-петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій. Однако митрополитъ Амвросій въ концѣ концовъ все таки вынужденъ былъ отказаться отъ митрополіи. Это было въ 1818 году, въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ концѣ мая того же года онъ скончался въ Новгородѣ.

Преемникомъ Амвросія по петербургской митрополіи сдѣлался въ мартѣ 1818 года Михаилъ, архіепископъ черниговскій. Личность этого замѣчательнаго архипастыря къ сожалѣнію и до настоящаго времени остается въ совершенномъ забвеніи. До сихъ поръ русская историческая наука не располагаетъ даже болѣе или менѣе обстоятельной біографіей его. Михаилъ, въ мірѣ Матѳей Десницкій, получилъ блестящее не только богословское но и свѣтское образованіе (онъ былъ воспитанникомъ московской духовной академіи и въ тоже время слушалъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ). Онъ обладалъ въ высшей степени благороднымъ и симпатичнымъ характеромъ и отличался глубокою, болѣе сердечною, чѣмъ внѣшнею, религіозностію. У него, какъ у человѣка главнымъ образомъ чувства, и святая вѣра по преимуществу воплощалась въ чувствѣ. Карьера Матѳея Десницкаго началась со скромной роли приходскаго священника въ Москвѣ, гдѣ онъ еще въ ранней молодости заявилъ себя замѣчательнымъ проповѣдникомъ и—главное—проповѣдникомъ съ новымъ направленіемъ. Онъ не хотѣлъ нисколько рисоваться ни своею ученостію, ни тѣмъ болѣе своимъ краснорѣчіемъ. Его проповѣдь всегда отличалась самою неподдѣльною простотою и главное—искренностію и задушевностію. Глубо-

---

[1]) Статья подъ названіемъ «Изъ прошлаго», напеч. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., апрѣль, кн. IV. Біографическій очеркъ архіеп. Ѳеофилакта, напеч. въ Вѣстникѣ Европы 1873 г. № 11 и 12.

[2]) Автобіографія Фотія, кн. II, 25.

кое религіозное чувство Матѳея Десницкаго изливалось во всѣхъ проповѣдяхъ его. Значеніе его какъ проповѣдника увеличивалось еще тѣмъ, что онъ, кромѣ отдѣльныхъ—поученій на разные предметы и случаи, преподавалъ время отъ времени цѣлые курсы поученій въ разныхъ видахъ [1]). Москвичи массами стекались слушать проповѣди приходскаго пастыря церкви св. Іоанна Воина. Слава о московскомъ проповѣдникѣ достигла Петербурга, о немъ узналъ и высочайшій дворъ. Въ 1796 году о. Матѳей по высочайшему повелѣнію императора Павла I вызванъ былъ въ Петербургъ и сдѣланъ придворнымъ священникомъ. Тутъ о. Десницкій скоро овдовѣлъ и принялъ монашество съ именемъ Михаила [2]).

Въ 1802 году Михаилъ рукоположенъ былъ во епископа старорусскаго, викарія новгородскаго митрополита, а въ началѣ 1804 года онъ получилъ самостоятельную епархію, черниговскую, гдѣ вскорѣ отличенъ былъ званіемъ архіепископа. Въ 1813 году архіепископъ Михаилъ вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ, а потомъ сдѣланъ и членомъ онаго. Въ мартѣ 1818 года, какъ уже извѣстно, состоялось его

---

[1]) Нѣкоторыя черты изъ жизни м. Михаила. Бесѣды м. Михаила т. IX.

[2]) Относительно поступленія въ монашество митрополита Михаила могу сообщить слѣдующее любопытное, но не во всемъ вѣрное свидѣтельство англичанина-квакера Стефана Грелье, бывшаго въ Россіи въ 1818—1819 г. и ведшаго здѣсь свой дневникъ. «Митрополитъ Михаилъ, говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, еще недавно былъ простымъ священникомъ, въ одной изъ церквей столицы; онъ былъ набоженъ, занимался ревностно своею паствою и поучалъ ее языкомъ удобопонятнымъ. Жена его умерла. Тогда многіе стали убѣждать его постричься въ монахи, но онъ не чувствовалъ призванія къ иноческой жизни. Тогда императоръ Павелъ, всегда покровительствовавшій монашеству, приказалъ передать ему, чтобы онъ явился въ александроневскую лавру и готовился къ постриженію. Михаилъ вынужденъ былъ принять это сообщеніе за непреклонное приказаніе. Хотя противъ воли онъ въ назначенный день явился въ лавру. Императоръ Павелъ лично присутствовалъ при хиротоніи (?). По окончаніи обряда онъ велѣлъ принесть митру и къ величайшему изумленію Михаила поставилъ его въ санъ митрополита». Имѣющійся у меня въ рукописи на французскомъ языкѣ дневникъ Грелье, л. 7—8. Изъ словъ Грелье вѣрно то, что Михаилъ дѣйствительно принялъ монашество по приказанію Павла I и самое постриженіе его происходило въ присутствіи императора, но только не въ лаврѣ, а въ гатчинской придворной церкви. Нѣкоторыя черты изъ жизни митроп. Михаила. Бесѣды м. Михаила т. IX.

назначеніе на каѳедру петербургскаго митрополита, возсѣдать на которой ему, къ сожалѣнію, пришлось очень не долго. Митрополитъ Михаилъ, близко стоявшій къ центру высшаго церковнаго управленія, отлично хорошо понималъ щекотливое положеніе перваго архипастыря русской церкви и, получивъ высочайшій рескриптъ о своемъ высокомъ назначеніи, не только не обрадовался, а напротивъ пролилъ надъ нимъ горькія слезы. Онъ конечно хорошо зналъ свой характеръ, равно какъ ему хорошо были извѣстны тѣ лица, съ которыми ему придется имѣть дѣло, и потому не ожидалъ ничего для себя хорошаго въ своемъ новомъ высшемъ назначеніи. Предчувствіе не обмануло его.

И въ Петербургѣ высокопреосвященный Михаилъ скоро пріобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе и пользовался всеобщею любовію, чему много способствовало его широкое всестороннее образованіе, его въ высшей степени мягкій общительный характеръ и наконецъ его увлекательныя проповѣди [1]). Проповѣдническій талантъ митрополита Михаила въ это время обнаружился во всей своей силѣ, что естественно дѣлало его имя весьма популярнымъ въ столицѣ. Въ доказательство громкой извѣстности митрополита Михаила, какъ проповѣдника, достаточно указать на то, что еще при его жизни изъ его поученій составлялись нравственно-назидательные сборники и издавались въ печати [2]). Любовь и уваженіе, какимъ пользовался въ Петербургѣ митрополитъ Михаилъ, обусловливались его прекраснымъ и добрымъ характеромъ. Поклонникъ внутренняго сердечнаго благочестія, до увлеченія, въ нѣкоторыхъ хотя и не

---

[1]) Нѣкоторыя черты изъ жизни митрополита Михаила. Бесѣды митропол. Михаила т. IX, XXXIII—XXXIV. Проповѣдническіе труды (далеко не всѣ) митрополита Михаила изданы были въ 1817—1824 годахъ въ девяти томахъ при денежномъ вспомоществованіи императора Александра Павловича.

[2]) Въ дѣлахъ архива спб. комитета духовной цензуры, при александроневской лаврѣ, находится слѣдующая записка: ея сіятельство княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, представивъ въ комитетъ 26 главъ, выбранныхъ изъ сочиненій его высокопреосвященства, Михаила митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, словесно просила разсмотрѣть оныя и «по разсмотрѣніи учинить свое рѣшеніе». Цензурный комитетъ дозволилъ Мещерской печатаніе избранныхъ изъ сочиненій м. Михаила главъ. Дѣло архива ценз. комитета 1819 г. № 9, на 18 листахъ.

противо-православныхъ случаяхъ, мистицизмомъ (онъ былъ воспитанникомъ московскаго дружескаго общества, гдѣ еще живы были традиціи стараго новиковскаго мистицизма), Михаилъ дѣйствовалъ на всѣхъ очаровательнымъ образомъ своею мягкостію, добросердечіемъ и можно сказать рыцарскою деликатностію. Всѣ лица, имѣвшія съ нимъ какое нибудь дѣло, выносили самое лестное мнѣніе о добротѣ его души. Они видѣли въ немъ не столько высокаго начальника, сколько любвеобильнаго и снисходительнаго отца. Къ митрополиту Михаилу всегда и для всѣхъ былъ открытъ доступъ. Каждый членъ паствы могъ непосредственно и во всякое время являться къ своему архипастырю и излагать предъ нимъ свои нужды и изливать свое горе. Будучи самъ человѣкомъ въ высшей степени общительнымъ, добрымъ и кроткимъ, Михаилъ терпѣть не могъ ссоръ, пререканій и особенно судебныхъ процессовъ. Случалось, что мѣстная духовная консисторія затруднялась рѣшеніемъ какого нибудь длиннаго и крайне запутаннаго дѣла. Митрополитъ разрѣшалъ его легко и просто. Онъ приглашалъ къ себѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, собственнымъ увѣщаніемъ старался примирить ссорящихся и тяжущихся, открывалъ болѣе виновную сторону, дѣлалъ виновному отеческое внушеніе и оканчивалъ все дѣло и скоро и судомъ милости [1]). У многихъ изъ современниковъ митрополита Михаила имя его всегда соединялось съ именемъ Михаила *кроткаго* [2]). Много симпатіи вызывали къ себѣ и другія черты его характера. Занимая высокій постъ первенствующаго члена св. синода и располагая большею властію и значеніемъ, чѣмъ другіе его члены, Михаилъ иногда допускалъ промахи и ошибки, но за то выслушивалъ и замѣчанія не только съ полною покорностію и сознаніемъ своей ошибки, но и съ благодарностію [3]).

---

[1]) Филаретъ черн. Обзоръ русск. дух. лит. ч. II, 207, изд. второе.

[2]) О судьбѣ православной русской церкви въ царствованіе Александра I. Изъ записокъ современника Стурдзы. Русск. Старина 1878 г., февраль. Записки Панаева. Вѣстникъ Европы, 1867 г., кн. IV, 84. Къ гуманному и благородному характеру м. Михаила питали глубокое уваженіе даже самые враги его, горячіе поклонники князя Голицына. Истор. Вѣстникъ, 1882, апрѣль.

[3]) Сушковъ. Записки о жизни м. Филарета, 53. Ср. воспоминанія о Д. М. Велланскомъ. Русск. Вѣстникъ 1867 г. № 11, стр. 99—137.

Не смотря на свой мягкій и кроткій характеръ, Михаилъ оказывался твердымъ и стойкимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось не его личныхъ интересовъ, а интересовъ церкви и православія. Таковъ въ общихъ чертахъ былъ характеръ новаго митрополита, которому предстояло направлять дѣла высшаго церковнаго управленія вмѣстѣ съ министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ Голицынымъ. Ясное дѣло, что при такомъ характерѣ митрополитъ Михаилъ не могъ быть послушнымъ орудіемъ князя Голицына, какимъ былъ его предшественникъ. Митрополитъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ могущественнымъ временщикомъ. Сначала онъ нѣкоторое время присматривался къ своему новому и, нужно прибавить, крайне щекотливому положенію и по временамъ уступалъ министру духовныхъ дѣлъ. Архимандритъ Фотій называетъ митрополита Михаила истиннымъ ревнителемъ вѣры [1]) и прибавляетъ, что хотя онъ и „безмолвствовалъ“ нѣкоторое время предъ врагами церкви, но и то онъ дѣлалъ въ видахъ ознакомленія съ своимъ положеніемъ и въ цѣляхъ подготовленія къ борьбѣ. Что митрополитъ въ началѣ отличался большою сдержанностію относительно мистицизма, это видно изъ автобіографіи Фотія, гдѣ послѣдній разсказываетъ слѣдующій бывшій съ нимъ самимъ случай. Фотій, сдѣлавшись законоучителемъ втораго кадетскаго корпуса, выступилъ открытымъ врагомъ мистицизма, причемъ онъ своими оригинальными выходками и крайнимъ раздраженіемъ противъ мистиковъ вызвалъ подозрѣнія въ нормальности состоянія своихъ умственныхъ способностей. Фотія отправили въ лавру и отдали его подъ надзоръ ректора семинаріи, архимандрита Иннокентія. Конечно умопомѣшательства у Фотія никакого не оказалось. Митрополитъ Михаилъ и самъ лично и при посредствѣ Иннокентія убѣждалъ Фотія отказаться отъ всякой мысли о борьбѣ съ мистиками. Фотій однако остался непреклоненъ [2]).

Изъ этого обстоятельства, по времени относящагося къ 1818 году т. е. къ самому началу митрополитства Михаила, видно, что послѣдній еще не рѣшался выступить открыто противъ министра

---

[1]) Автобіографія, кн. II, л. 24—30, 31.

духовныхъ дѣлъ. Но онъ не могъ долго колебаться: князь Голицынъ все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ мистицизма и тѣмъ все болѣе и болѣе вооружалъ противъ себя все духовенство. Скоро между княземъ Голицынымъ и митрополитомъ Михаиломъ начались недоразумѣнія, которыя немедленно перешли въ борьбу въ настоящемъ ея смыслѣ. Всѣ выгоды и преимущества борьбы находились на сторонѣ князя Голицына. Митрополитъ Михаилъ былъ одинокъ. Другіе члены синода, бывшіе или креатурами министра духовныхъ дѣлъ, или же людьми, торговавшими своими убѣжденіями и ставившими выше всего отличія и награды, не только не поддерживали Михаила, но даже тайно и явно вредили ему. Однако митрополитъ, не смотря на свое одиночество, рѣшился выступить на борьбу съ княземъ Голицынымъ. Министръ духовныхъ дѣлъ всѣми мѣрами старался вредить митрополиту и унижать его даже въ самомъ присутствіи св. синода. Во время самыхъ синодальныхъ засѣданій между митрополитомъ Михаиломъ и министромъ духовныхъ дѣлъ часто происходили сильныя столкновенія, а иногда даже и совсѣмъ бурныя сцены. Случаи открытыхъ столкновеній митрополита съ Голицынымъ въ синодѣ были настолько часты и бурны, что митрополитъ иногда пріѣзжалъ изъ синода до такой степени разстроеннымъ, что былъ не въ состояніи самъ выйти изъ кареты и его лакеи должны были буквально на своихъ рукахъ выносить изъ нея и вносить въ митрополичьи покои [1]). Всѣ предрекали

---

[1]) Записки о крамолахъ враговъ Россіи. Русск. Арх. 1868 г. 1389—1390. О характерѣ столкновеній Голицына съ митрополитами можетъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующій разсказъ Фотія: «Во время оно, такъ между прочимъ повѣствуетъ Фотій, былъ нѣкій день присутственный въ синодѣ, былъ князь Голицынъ и всѣ члены синода. Началась рѣчь о важнѣйшемъ дѣлѣ. Митрополитъ Серафимъ (преемникъ Михаила), уже имѣя на сердцѣ скорбь на всѣхъ зловѣрныхъ и на князя, содѣйственника всякой злобѣ во вредъ единыя церкви православныя, не соглашался съ нимъ и яко пастырь и архіерей отверзъ уста своя претилъ противному дѣлу, врагъ діаволъ такъ поколебалъ душу и сердце министра, что онъ всталъ съ мѣста. Тогда митрополитъ воставъ на средину вышелъ. Всѣ члены синода съ своихъ мѣстъ сошедше, дивилися дерзновенію по Бозѣ Серафима. Князь не могъ нетокмо противиться устамъ и премудрости сего архіерея, но не могъ даже слушать, тяжко было духу его и онъ, схвативъ шляпу свою во гнѣвѣ и ярости какъ дикій звѣрь бѣ-

митрополиту близкое паденіе [1]) и высказывали горькія жалобы на постыдный образъ дѣйствій могущественнаго царедворца. И дѣйствительно только преждевременная смерть Михаила предупредила его низложеніе [2]). Фотій говоритъ о митрополитѣ Михаилѣ и его отношеніяхъ къ князю Голицыну въ самыхъ общихъ чертахъ. О митрополитѣ Михаилѣ онъ выражается, что онъ, не смотря на тихость нрава, не могъ „молчать и началъ учить противъ и писать", за что князь Голицынъ „началъ гнать его за его пастырскія внушенія и дѣйствія" [3]).

Изъ другихъ членовъ синода и вообще высшихъ и вліятельныхъ іерарховъ церкви одни были креатурами министра духовныхъ дѣлъ, другіе отличались крайнимъ равнодушіемъ къ интересамъ церкви (Іона, епископъ орловскій, а затѣмъ архіепископъ тверской) [4]), третьи въ своей дѣятельности руководились болѣе честолюбивыми стремленіями, чѣмъ сознаніемъ важности и необходимости охраненія православія (Ѳеофилактъ, архіепископъ рязанскій, а затѣмъ экзархъ Грузіи) [5]), наконецъ иные, не обладая большимъ умомъ и твердымъ характеромъ, хотя и неохотно но до болѣе благопріятнаго времени мирились съ существующими порядками (Серафимъ, сначала архіепископъ минскій, за тѣмъ тверской, а потомъ митрополитъ московскій) [6]). Изъ современныхъ іерарховъ находились и такіе, которые старались разными путями и средствами поддѣлы-

---

жалъ изъ святѣйшаго синода. Тогда всѣ очи устремили на Серафима и помышляли что оттого будетъ». Автобіогр., кн. III, 27.

[1]) Письма митрополита Евгенія къ Анастасевичу. Древняя и Новая Россія. 1881 г., февраль, 289.

[2]) Незадолго до своей смерти митрополитъ Михаилъ подалъ государю докладную записку съ обвиненіемъ князя Голицына въ пренебреженіи дѣлами церкви. Историч. Вѣстникъ, 1882, апрѣль.

[3]) Автобіогр., кн. II, 135.

[4]) Филаретъ черниговъ. Обзоръ русск. дух. лит. II, 223, по изд. 1863 г.

[5]) Русскій Вѣстникъ 1868 г. кн. IV. Статья подъ названіемъ «Изъ прошлаго». Прав. обозрѣніе 1868 г. Августъ. Изъ воспоминаній покойнаго митроп. Филарета.

[6]) Записки Панаева. Вѣстникъ Европы 1867 г. т. IV, 80—84. Филаретъ, черниговъ. Обзоръ русск. духовн. литер. ч. II, 247—248. Объ умѣ Серафима былъ не особенно высокаго мнѣнія и почитатель его о. Фотій. Автобіографія, кн. II.

ваться подъ мистическій вкусъ князя Голицына. Изъ вліятельныхъ лицъ петербургскаго духовенства особенно выдавался въ то время Филаретъ Дроздовъ, ректоръ петербургской духовной академіи. Въ 1817 году онъ получилъ санъ епископа ревельскаго съ сохраненіемъ за собою должности ректора академіи, въ 1819 году онъ уже носилъ званіе архіепископа тверскаго, а въ слѣдующемъ 1820 году получилъ назначеніе въ архіепископа въ Ярославль, откуда въ 1821 году онъ уже занимаетъ почетное мѣсто архіепископа, а потомъ и митрополита московскаго [1]). Филаретъ очень рано познакомился съ княземъ Голицынымъ и находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Связующею нитью между ними послужилъ мистицизмъ. Былъ періодъ въ жизни Филарета, когда онъ нѣсколько увлекался мистическими воззрѣніями своего времени, но конечно его мистическія увлеченія не доходили до такихъ предѣловъ, до какихъ доходилъ мистицизмъ у князя Голицына [2]). Филаретъ, не раздѣляя многихъ крайнихъ мистическихъ увлеченій министра духовныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе не шелъ на перекоръ министру духовныхъ дѣлъ, но всегда держалъ себя относительно его и покровительствуемыхъ имъ лицъ въ высшей степени осторожно. Князь Голицынъ очень рано полюбилъ Филарета и, считая его во всемъ солидарнымъ съ собою, много помогъ ему въ его необыкновенно быстромъ возвышеніи. Добрыя отношенія между Филаретомъ и Го-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о митр. Филаретѣ см. въ Страникѣ, 1868 г. апрѣль и май, и у Сушкова. Записки о жизни м. Филарета.

[2]) Любопытныя данныя, свидѣтельствующія о наклонности митрополита Филарета къ мистицизму, находятся въ дневникѣ квакера Грелье, бывшаго въ Россіи въ 1818—1819 годахъ. Вотъ какъ напримѣръ описываетъ Грелье прощальный свой визитъ Филарету. «Наше свиданіе съ нимъ (т. е. съ Филаретомъ), говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, по истинѣ было торжественно и умилительно. Онъ выяснялъ намъ свободно съ чувствомъ христіанина свои смущенія и старанія познать истинную вѣру, и мы, проведя нѣсколько минутъ въ духовномъ сосредоточеніи, признали наше духовное родство съ нимъ, всемогущее крещеніе въ истинѣ осѣнило насъ, онъ былъ сильно взволнованъ, прощаясь съ нами, обнялъ насъ и облобызалъ во имя любви къ Господу нашему І. Христу. По возвращеніи мы нашли у себя письма къ личностямъ духовно развитымъ и которыя ему извѣстны». Имѣющійся у меня въ рукописи на французскомъ языкѣ дневникъ Ст. Грелье. Сравн. Русск. Старина 1874 г., январь.

лицынымъ сохранялись, не смотря на нѣкоторыя временныя и случайныя размолвки, до самой смерти князя Голицына († 1844 г.) [1]. При своемъ глубокомъ умѣ и при постоянномъ покровительствѣ министра духовныхъ дѣлъ Филаретъ, не смотря на свою молодость, скоро пріобрѣлъ большое значеніе въ духовномъ мірѣ и рано началъ играть видную роль въ современныхъ церковныхъ дѣлахъ [2]. Иннокентій былъ товарищемъ Филарета Дроздова по московской троицкой семинаріи, откуда оба они вызваны были въ Петербургъ. Совмѣстность воспитанія естественно болѣе или менѣе связывала обоихъ архимандритовъ. И служба въ Петербургѣ по одному и тому же учебному вѣдомству, въ тѣсно связанныхъ общими научными и жизненными интересами духовныхъ заведеніяхъ, способствовала сближенію Иннокентія съ Филаретомъ—и тѣмъ болѣе и скорѣе, что Иннокентій былъ сослуживцемъ Филарета по академіи, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ церковной исторіи и долгое время членомъ академической конференціи. И высшее начальство одинаково высоко цѣнило ученыя заслуги обоихъ архимандритовъ, что съ особенною очевидностію обнаружилось въ сопричисленіи ихъ обоихъ еще въ званіи архимандрита къ ордену св. Владиміра 2 ст.—наградѣ весьма рѣдкой для духовныхъ лицъ особенно по тому времени [3]. И дѣйствительно между ректоромъ петербургской семинаріи архимандритомъ Иннокентіемъ и ректоромъ академіи пе-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма митрополита Филарета къ А. Н. Голицыну, недавно напеч. въ Древн. и Нов. Россіи за 1881 г., кн. I.

[2]) О вліяніи Филарета на современный характеръ церковныхъ дѣлъ можно судить по слѣдующему отзыву о немъ квакера Грелье. «Филаретъ, говоритъ послѣдній въ своемъ дневникѣ, способствовалъ большимъ преобразованіямъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Императоръ, которому извѣстны его достоинства, имѣетъ къ нему полное довѣріе. Ему главнымъ образомъ порученъ выборъ лицъ, отличающихся особенной набожностію и духовнымъ развитіемъ, и назначеніе таковыхъ на должности самыя видныя въ греко-россійской церкви; равнымъ образомъ онъ ставитъ ихъ во главѣ школъ, которыхъ имѣется нѣсколько въ имперіи и которыя всѣ находятся на содержаніи правительства». Имѣющаяся у меня рукопись на франц. языкѣ.

[3]) Замѣчательно, что Иннокентій въ своей служебной карьерѣ шелъ всегда рядомъ съ Филаретомъ. Подробн. у Бодянскаго. Письма Иннокентія къ княгинѣ С. С. Мещерской. Предисловіе VI—VII.

тербургской архимандритомъ Филаретомъ поддерживались искреннія и вполнѣ дружественныя отношенія [1]). Связующею нитью между тѣмъ и другимъ служила, прежде всего, общая имъ обоимъ сильная любовь къ наукѣ и научнымъ занятіямъ. Какъ Иннокентій такъ и Филаретъ являлись для того времени великими свѣтилами богословской науки, стоявшими цѣлою головою выше своихъ современниковъ. Иннокентій и Филаретъ не иначе назывались тогда на языкѣ своихъ современниковъ какъ „искренними свѣтильниками, подававшими собою надежду во благо церкви“. Много способствовала ко взаимному сближенію Иннокентія и Филарета и присущая имъ обоимъ склонность къ аскетизму. Оба они отличались строго подвижническою жизнію и любовію къ иноческимъ подвигамъ. Трудно опредѣлить точно степень взаимной привязанности, существовавшей между Иннокентіемъ и Филаретомъ. Кромѣ указанныхъ условій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ трудно подмѣтить такія черты и факты, которые говорили бы о болѣе крѣпкихъ узахъ дружбы, соединявшихъ обоихъ архимандритовъ. Если же всмотрѣться въ личные характеры и индивидуальныя особенности того и другаго, то въ нихъ едвали можно много найти такихъ чертъ, которыя бы способствовали развитію между ними самой тѣсной дружбы. Между воззрѣніями Иннокентія и Филарета, какъ увидимъ ниже, находилось весьма мало общаго. Еще менѣе находилось сходства въ чисто нравственныхъ качествахъ того и другаго. Филаретъ отличался холоднымъ разсудкомъ и крайней сдержанностью въ словахъ и поступкахъ, оказавшею ему большую услугу при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Иннокентій напротивъ отличался замѣчательною искренностію и прямотою и особенно мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ; склонный отъ природы къ тихой уединенной жизни, онъ вовсе не обращалъ вниманія и мало интересовался своимъ внѣшнимъ положеніемъ. Какая діаметральная противуположность раздѣляла взгляды на жизнь Иннокентія и Филарета, это доказываетъ слѣдующій фактъ, разсказанный самимъ Филаретомъ. Въ одно время ректор-

---

[1]) Филаретъ митроп. московскій и архимандритъ Иннокентій Смирновъ въ 1812—1818 г., статья Барсова, напеч. въ Русской Старинѣ 1883 г., апрѣль.

ства Филарета въ с.-петербургской академіи положеніе его было очень щекотливымъ. Въ то время большихъ реформъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, въ коммиссіи духовныхъ училищъ, заправлявшей судьбою всѣхъ духовныхъ школъ, произошло раздвоеніе. Митрополитъ петербургскій Амвросій въ одномъ своемъ лицѣ представлялъ одну сторону, тогда какъ остальные члены коммиссіи—какъ-то: Ѳеофилактъ Русановъ, архіепископъ рязанскій, князь Голицынъ и графъ Сперанскій — другую. Филаретъ всегда находился на сторонѣ митрополита Амвросія. Такъ было и теперь. Филарету угрожало паденіе. Сознавая свое положеніе, Филаретъ однажды во время разговора своего съ Иннокентіемъ сказалъ ему: „вотъ какое мое положеніе: вѣдь очень можетъ случиться, что меня отсюда выгонятъ". „Что же? отвѣчалъ спокойно Иннокентій, *лишь бы за правду*" [1]).

Иннокентій уважалъ въ Филаретѣ глубокій умъ и дипломатическій тактъ, Филаретъ могъ почитать въ Иннокентіѣ его доброе, мягкое сердце. Они нѣкоторымъ образомъ дополняли другъ друга. Но совершенно не въ характерѣ Иннокентія было подражать Филарету. Послѣдній, уважая мягкій и открытый характеръ Иннокентія, — характеръ, совершенно не отвѣчавшій запутаннымъ обстоятельствамъ того времени и способствовавшій быстрому и неожиданному паденію среди водоворота противоположныхъ теченій въ церковной жизни, старался поддерживать его и по возможности предупреждать грозившія ему опасности. Филаретъ при своемъ замѣчательномъ умѣньѣ ладить съ людьми противоположныхъ лагерей весьма много помогалъ Иннокентію, который безъ его поддержки можетъ быть палъ бы скорѣе, чѣмъ это вышло на самомъ дѣлѣ. Вотъ, по моему мнѣнію, характеръ того „союза любви" между Иннокентіемъ и Филаретомъ, о которомъ говоритъ въ своей автобіографіи Фотій и въ прочности и искренности котораго по отношенію Филарета къ Иннокентію онъ здѣсь же высказываетъ свое сомнѣніе, когда свое сообщеніе сопровождаетъ оговоркой, выразившейся въ словѣ „по видимому" [2]). Строго го-

[1]) Изъ воспоминаній м. Филарета. Прав. Обозр. 1868, августъ, 515.

воря, характеръ Иннокентія отличался такими высокими и благородными и такъ сказать святыми чертами, что нѣкоторые современники представляли его почти не земнымъ человѣкомъ. Поэтому всякій, кому только извѣстенъ былъ Иннокентій, относился къ нему съ величайшимъ участіемъ.

Заслуживаетъ вниманія характеръ отношеній Иннокентія и Филарета къ петербургскимъ митрополитамъ,—своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальникамъ. Митрополитъ Амвросій, ко времени котораго относится первая половина дѣятельности Иннокентія въ Петербургѣ, высоко цѣнилъ ученые труды Иннокентія и уважалъ его за его строгую аскетическую жизнь. Извѣстно, что по инициативѣ м. Амвросія Иннокентій получилъ ректорство въ петербургской семинаріи. Митрополитъ въ оффиціальныхъ документахъ всегда съ рѣдкою похвалою отзывался объ Иннокентіѣ и выражался о немъ какъ о человѣкѣ „съ честнымъ поведеніемъ и съ прилежаніемъ примѣрнымъ". Но Иннокентій все-таки не могъ быть настоящимъ любимцемъ Амвросія. Не таковъ былъ характеръ митрополита. Амвросій, славившійся въ свое время своимъ тонкимъ дипломатическимъ умомъ, теперь уже устарѣлъ и нуждался въ посторонней поддержкѣ. Эту поддержку онъ нашелъ въ ректорѣ академіи архимандритѣ Филаретѣ, который, самъ обладая широкими дипломатическими способностями, сдѣлался правою рукою митрополита Амвросія. Нѣкоторые современники прямо называли Филарета соправителемъ митрополита Амвросія [1]). Архимандритъ Иннокентій по своему характеру совершенно не былъ способенъ къ подобной роли и во все время первосвятительства митрополита Амвросія держался въ сторонѣ. Вездѣ при митрополитѣ стоялъ на первомъ планѣ архимандритъ Филаретъ. Положеніе друзей-архимандритовъ существенно измѣнилось при вступленіи въ мартѣ 1818 года на митрополію митрополита Михаила. Высокопреосвященный Михаилъ, еще будучи архіепископомъ черниговскимъ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ своимъ благочестіемъ семействомъ князей Мещерскихъ, о чемъ можетъ свидѣтельствовать

---

[1]) Изъ прошлаго. Русск. Вѣстн. 1868 г., апрѣль. Изъ воспоминаній м. Фи-

сохраняющаяся и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ лицъ переписка преосвященнаго Михаила съ семействомъ Мещерскихъ [1]). Изъ числа

[1]) Для характеристики отношеній митрополита Михаила къ благочестивому семейству Мещерскихъ предлагаю вниманію читателей три доселѣ еще находящіяся только въ рукописи письма его къ княгинѣ С. С. Мещерской.

I. Отступленіе ваше отъ внутренняго бдѣнія не кажется мнѣ мудренымъ. Оно доказываетъ несовершенное наше человѣчество. Всякій еще ѣздитъ на своемъ конькѣ. Пѣшеходствомъ сдѣлаться не такъ то легко! Апостольская духовная нищета, у коихъ ни жезла, ни спиры, ни при поясѣ мѣди не было, не скоро въ сердце человѣческое приходитъ, хотя небеснымъ Учителемъ и повелѣвается. Всякое такое дѣйствіе наше смирять и уничижать насъ должно..., всякій изъ насъ слабъ въ своемъ родѣ и всякаго слабость открыта очамъ Божіимъ. Да укрѣпитъ Господь души наши, дабы не дрожать намъ предъ царскими вратами страшнаго Его суда. Желаю искренне вамъ душевнаго спокойствія, прося на васъ и на семейство ваше благословенія Божія, яко усердный вашъ богомолецъ,

Михаилъ, архіепископъ черниговскій.

Сентября 6.
Послѣ вечерни.

II. Ваше сіятельство!

Читалъ прежнюю вашу записку и поблагодарилъ Господа за обращеніе ваше, прося Его же Самого о подкрѣпленіи вашемъ въ искушеніяхъ, кои описываете въ нынѣшней запискѣ. Праведный Іовъ есть вѣрный образецъ и благословенія Божія и испытанія и паки благословенія: Господь даде, Господь отъя, Господь и паки даруетъ, когда то будетъ надобно. Трудно имѣть терпѣніе его, но необходимо надобно. Аще хотимъ, аще не хотимъ, испытаніе возлагается, душеспасительнѣе принимать оное съ покорностію, нежели съ упорствомъ духа. Подвизайтеся не ослабѣвая. Богъ поможетъ побѣдить и внѣшнія и внутреннія искушенія... Прося сладчайшаго Іисуса, да услаждаетъ горести ваши благодатью своею, и моля Его о благословеніи всѣхъ васъ, есмь

Михаилъ, архіепископъ черниговскій.

17 апрѣля.
Понедѣльникъ.

III. Княгиня! Кто безъ грѣха? Аще речемъ грѣха не имамъ, себѣ прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ. Корень всякаго грѣха остается въ насъ яко жало смерти, доколѣ самая наша смерть не истребится. Сіе жало должно держать насъ всегда на стражѣ, во бдѣніи. Единый рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, но и тотъ не творитъ по намѣренію (далѣе чтеніе рукописи затруднительно), а жало грѣха также чувствуетъ, и, строго взявши и таковаго на судъ, должно сказать, что и сей многажды согрѣшаетъ. Но для таковыхъ согрѣшеній очищеніе имамы о Іисусѣ Христѣ, въ дражайшей крови Его. А посему то и грѣшница, возлюбившая Его много, не страшится и припадая съ дерзновеніемъ многое получаетъ отпущеніе согрѣшеній. Бодрствуя же всегда

членовъ этого семейства особеннымъ благочестiемъ заявила себя княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, жена маiора князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго. Княгиня Мещерская принадлежала къ числу самыхъ горячихъ сторонниковъ библейскаго общества и не мало способствовала самому его открытiю. Она всегда принимала живое участiе въ дѣятельности библейскаго общества и находилась въ близкихъ дружественныхъ отношенiяхъ со всѣми его выдающимися членами. Въ то же время она была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ комитета о тюрьмахъ, по нѣскольку разъ въ недѣлю сама являлась въ тюрьмы, читала и объясняла заключеннымъ св. Писанiе. Съ 1813 года кн. Мещерская занималась изданiемъ разныхъ религiозно-назидательныхъ книгъ, предназначавшихся одинаково для всѣхъ классовъ общества. На изданiе брошюръ княгиня Мещерская истратила болѣе десяти тысячъ рублей собственнаго капитала и напечатала до ста разныхъ брошюръ и въ массѣ экземпляровъ. Брошюры продавались по самымъ низкимъ цѣнамъ, а иногда раздавались даромъ. Княгинѣ Мещерской въ ея изданiяхъ помогали нѣкоторыя высшiя духов-

---

работать во внутреннемъ вертоградѣ своемъ, то есть исторгать корень зла, всегда выспрь прозябающiй, и насаждать безпрестанно до конца жизни сѣмена добродѣтелямъ есть обязанность каждаго христiанина. Доколѣ состоимъ въ состоянiи уничиженiя, дотолѣ грѣшники почитать себя должны и уничижаться обязаны. Состоянiе только славы можетъ поставить насъ въ совершенство непоколебимыя любви и слѣдовательно въ безгрѣшность. Въ семъ духѣ приступите къ святой исповѣди и причащенiю и Господь подастъ благодать свою, грѣхи прощающую, совѣсть очищающую и любящую душу обильно утѣшающую, о чемъ Бога молю за всѣхъ васъ, помолитесь и о мнѣ подобно согрѣшающемъ. Жаль, что не могу завтра быть вмѣстѣ у трапезы Господней... Духъ Божiй вездѣ единомыслящихъ соединяетъ и чаша общенiя всѣхъ во единъ духовный составъ совокупляетъ. Благодать убо Господа нашего Iисуса Христа и любовь Бога Отца и причастiе Святаго Духа да будетъ со всѣми вами. Аминь.

Михаилъ, архiепископъ черниговскiй.

4 августа.
Пятокъ.

Послѣ утрени, когда будутъ ваши исповѣдываться прошу пожаловать въ комнаты.

По времени эти письма относятся къ 1806—1818 годамъ, когда Михаилъ состоялъ архiепископомъ черниговскимъ.

ныя лица и болѣе другихъ архіепископъ, а потомъ митрополитъ Михаилъ и самъ императоръ Александръ Павловичъ [1]). Очень рано познакомился архимандритъ Иннокентій съ благочестивымъ семействомъ князей Мещерскихъ и ближе всего сошелся съ княгинею Софьею Сергѣевною. Иннокентій съ теченіемъ времени сдѣлался роднымъ человѣкомъ для Мещерскихъ. Онъ былъ духовнымъ отцемъ всей ихъ семьи, часто служилъ въ ихъ домовой церкви, разрѣшалъ устно и письменно всѣ ихъ религіозныя сомнѣнія и недоумѣнія. Равнымъ образомъ и всѣ Мещерскіе, а за ними и другіе аристократическіе дома (князья Трубецкіе, Шихматовы, гр. Потемкины) [2]) съ благоговѣніемъ относились къ Иннокентію. Аристократамъ и вообще всѣмъ знавшимъ его особенно нравились въ Иннокентіѣ его замѣчательная скромность и добросердечіе. Отличаясь высокою ученостью, онъ всегда ставилъ себя ниже другихъ, всегда старался уклониться отъ всякой почетной и выдающейся роли. Много приковывали къ Иннокентію и его простыя, задушевныя проникнутыя искренней религіозностью, проповѣди. Мещерскіе принимали самое непосредственное участіе даже въ домашней жизни Иннокентія. Они присылали ему своихъ дворовыхъ людей для услуженія, высылали собственные экипажи для его выѣздовъ въ городъ и пріѣздовъ въ ихъ домъ, доставляли провизію для его стола, рекомендовали и отправляли къ нему на свой счетъ самыхъ лучшихъ докторовъ, которые были совершенно необходимы при его частыхъ заболѣваніяхъ [3]). Иннокентій по своей скромности и безпритязательности къ комфорту крайне стѣснялся тратами на него Мещерскихъ и сначала отклонялъ ихъ. Но въ виду искренности этого участія и изъ опасенія своими постоянными отказами оскорбить ихъ наконецъ уступилъ ихъ настойчивости.

Семейство Мещерскихъ послужило связующимъ звѣномъ между архимандритомъ Иннокентіемъ и митрополитомъ Михаиломъ. Между ректоромъ семинаріи и митрополитомъ завязались самыя тѣсныя

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1868 г., сент., 253—255. Russia Пинкерота. Русск. Арх. 1868 г., 1113.

[2]) Филаретъ, митр. московскій и архим. Иннокентій въ 1812 — 1818 гг. Русск. Старина, 1883 г., апрѣль. Статья Н. Барсова.

[3]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 15—18.

отношенія; ихъ соединяло большое сходство нравственныхъ характеровъ. Близость Иннокентія къ митрополиту возрастала все болѣе и болѣе и онъ сталъ въ положеніе его ближайшаго совѣтника и сдѣлался его правою рукою. Въ столицѣ стало извѣстно вліятельное положеніе, какое занималъ Иннокентій при митрополитѣ Михаилѣ. Нѣкоторые и особенно люди съ мистическою подкладкою, опасались этого вліянія Иннокентія и старались его парализировать [1]). Ректоръ академіи и епископъ ревельскій Филаретъ, игравшій видную роль при митрополитѣ Амвросіѣ, теперь отодвинулся на задній планъ. Оффиціальное положеніе викарія митрополита мало давало ему значенія и вѣса. Между тѣмъ Иннокентій выдвигался все болѣе и болѣе на видъ, оставляя за собою Филарета. Иннокентій еще болѣе выигрывалъ отъ того, что его вообще болѣе любили въ Петербургѣ за его простоту и добросердечіе и святость жизни, чѣмъ холоднаго и практическаго Филарета. Все болѣе и болѣе привязываясь къ Иннокентію, митрополитъ Михаилъ напротивъ довольно холодно держалъ себя въ отношеніи къ Филарету. Митрополитъ не могъ быть доволенъ своимъ викаріемъ, который находился въ тѣсной дружбѣ съ княземъ Голицынымъ. Митрополитъ хотѣлъ было подъ разными предлогами удалить Филарета подальше изъ Петербурга и предлагалъ ему епископскую каѳедру въ Каменецъ-Подольскѣ, что собственно считалось высокимъ назначеніемъ, такъ какъ каменецъ-подольская епархія принадлежала къ числу второклассныхъ епархій. Филаретъ понялъ смыслъ сдѣланнаго ему митрополитомъ предложенія и отказался отъ Каменецъ-Подольска [2]). Очень вѣроятно, что митрополитъ, стараясь выпроводить Филарета, очищалъ его мѣсто для своего любимца Иннокентія. Филаретъ во все время митрополитства Михаила дѣйствовалъ очень осторожно и не разсчитывалъ на его къ себѣ расположеніе. Свое недовѣріе къ митрополиту Филаретъ до нѣкоторой степени перенесъ и на своего друга Иннокентія, который былъ, собственно говоря, ни къ чему не причастенъ. Самъ онъ не напрашивался на викаріатство въ Петербургѣ и не мѣшалъ Филарету, который однако могъ ви-

[1]) Автобіогр. Фотія, кн. II, 35.

[2]) Изъ воспоминаній м. Филарета. Правосл. Обозр. 1868 г., 525, 341. Сушковъ. Записки о жизни м. Филарета 108—111.

дѣть въ немъ опаснаго соперника. Вотъ, кажется, гдѣ кроется причина того, почему Филаретъ, искренно сочувствуя лично самому Иннокентію и поддерживая его при возможныхъ случаяхъ, не прочь былъ желать его удаленія изъ Петербурга подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ. Многіе изъ современниковъ такъ именно и понимали отношенія Филарета къ Иннокентію хотя могли конечно и ошибаться.

## II.

Мы опредѣлили отношенія Иннокентія къ представителямъ высшей духовной іерархіи, теперь необходимо указать его отношеніе какъ вообще къ современному ему мистическому направленію, такъ въ частности и къ тѣмъ лицамъ, которыя стояли во главѣ мистическаго движенія въ Россіи и въ рукахъ которыхъ въ то время сосредоточивались судьбы русской церкви. Здѣсь необходимо опредѣлить отношеніе Иннокентія вообще къ мистицизму, какъ особому религіозному направленію, затѣмъ указать отношеніе его къ дѣятельности библейскаго общества, и наконецъ — уже отношеніе его лично къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Голицыну, стоявшему во главѣ и мистицизма, и библейскаго общества, и церковнаго управленія.

Нѣтъ нужды распространяться здѣсь о характерѣ религіозныхъ убѣжденій Иннокентія [2]). Нужно только вообще замѣтить, что Иннокентій отличался высокимъ благочестіемъ, которое у него, какъ у человѣка болѣе сердца, чѣмъ разсудка, воплощалось болѣе всего въ чувствѣ, во внутренней глубокой религіозной настроенности. Благочестіе Иннокентія, питавшееся главнымъ образомъ чувствомъ, съ этой стороны и могло соприкасаться съ мистицизмомъ. И даже болѣе, подъ вліяніемъ общаго увлеченія мистическимъ направле-

---

[1]) На развитіе въ Иннокентіи особенной религіозности и склонности къ аскетизму имѣлъ вліяніе извѣстный подвижникъ своего времени, архимандритъ ростовскаго Яковлева монастыря Иннокентій, у котораго онъ нерѣдко бывалъ въ вакаціонное время во время своего обученія въ троицко-сергіевской семинаріи. Воспоминанія священника Я. Л. Морошкина. «Русская Старина» 1876 г. Октябрь.

ніемъ, въ немъ въ большей или меньшей степени могло отразиться и вліяніе современныхъ мистическихъ идей. Можно допустить, что религіозное настроеніе Иннокентія оттѣнялось нѣсколько и мистической окраской, но все это происходило ни какъ не отъ увлеченія ложнымъ современнымъ и моднымъ аристократическимъ мистицизмомъ, а являлось плодомъ глубоко проникавшаго все его нравственное существо благочестія. Въ жизни Иннокентія можно указать нѣкоторые факты, которые повидимому даютъ поводъ предполагать о его склонности къ мистицизму, но которые на самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакого рѣшающаго значенія для опредѣленія его отношеній къ современной мистикѣ, сдѣлавшейся крайне дикою и уродливою. Факты эти слѣдующіе. Такъ Иннокентій, подобно нѣкоторымъ изъ современныхъ мистиковъ, обнаруживалъ особенную любовь къ разнаго рода юродивымъ и любилъ покоить ихъ у себя. Странники, богомольцы, разнаго рода калѣки составляли предметъ его особеннаго вниманія: на досугѣ онъ любилъ бесѣдовать съ ними по поводу разныхъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ. Въ житіи Иннокентія между прочимъ разсказывается объ одномъ юродивомъ нѣкоемъ воинѣ Іоаннѣ, который былъ уже очень старъ и слабъ зрѣніемъ и притворялся пьяницей, но въ то же время отличался высокимъ религіознымъ настроеніемъ, обладалъ даромъ провидѣнія и подъ видомъ юродства обличалъ недостатки даже многихъ архіереевъ. Между прочимъ Фотій сообщаетъ, что этотъ юродивый предсказалъ Иннокентію близкую смерть. Но къ разсказу Фотія слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и едва-ли можно отсюда вывести что-либо важное для характеристики Иннокентія. Любопытнѣе и компетентнѣе другаго рода факты, которые сообщаетъ самъ Иннокентій. Изъ словъ Фотія можно вывести то одно, что Иннокентій дѣйствительно любилъ давать у себя пріютъ всевозможнымъ лицамъ съ сильнымъ религіознымъ настроеніемъ и большою набожностью. Эта черта характера подтверждается и собственными письмами Иннокентія, которыя онъ писалъ уже изъ Пензы. „У меня живетъ, пишетъ онъ въ одномъ своемъ письмѣ въ Петербургъ, одинъ послушникъ Тихонъ Смирновъ, который писалъ бумагу въ синодъ въ видѣ жалобы на пензенскую консисто-

рію: онъ проповѣдуетъ всеобщее покаяніе, ибо близъ есть, при дверяхъ, повторяетъ онъ! Еще семь лѣтъ и что будетъ? а мы вѣрующіе должны и говорить и чувствовать, — еще семь минутъ и что будетъ, кому достанется все,—и чего ожидать на этой землѣ, какъ не разрушенія всего?" — „Вы не знаете моего или Господня Тихона, пишетъ Иннокентій въ другомъ письмѣ изъ Пензы и къ другому лицу. Нѣтъ, я объ немъ никогда вамъ и не говорилъ. Онъ явился въ Пензѣ изъ одного пензенскаго монастыря. Недавно у него была жена съ дочерью. Не дивитесь, жена благороднаго званія. Онъ оставилъ все, хотя ей и не хочется того, ждетъ его возвращенія къ супружеству: а онъ хоть умереть готовъ только-бы пожертвовать собою славѣ Господа Іисуса Христа, только-бы обратить христіанъ ко Христу на путь правый. Вамъ не нравится или кажется сомнительнымъ его пророчество о семи лѣтахъ. Правда, что такая вѣсть необыкновенна. Но что намъ до сужденія и до осужденія? Часъ смертный приходитъ безъ числъ и безъ измѣреній нашихъ. Онъ отъ Господа, но и можемъ ли воспретить Господу *говорить устами избранныхъ своихъ?* Можемъ ли отрицать седмилѣтіе, не знавши судебъ, ибраннымъ Божіимъ открываемыхъ? Кто знаетъ, какъ и чѣмъ надобно искуситься и самому Тихону: кто знаетъ, сколько и въ немъ остается человѣческой темноты, которая мѣшаетъ вполнѣ открыться свѣту духовному—Божественному? Кто знаетъ, что предсказаніе есть тьма человѣческая для сокрытія другихъ даровъ Божественныхъ: или свѣтъ, открывающій множество свѣта душамъ пробуждающимся отъ усыпленія? Господи, сердца человѣческія глубоки,—а твои судьбы? О, кто измѣритъ бездну ихъ! Кто стерпитъ самое приближеніе къ нимъ, если дерзаемъ приступить безъ очищенія и благословенія [1])?—Расположеніе Иннокентія ко всевозможнаго рода юродивымъ въ эпоху дѣятельности въ Петербургѣ увлекало его иногда за предѣлы умѣренности. Къ нему подъ маскою религіознаго юродства являлись иногда продажныя лица, переодѣтые шпіоны съ цѣлью узнать его дѣйствительный образъ мыслей и довести до свѣденія покровительствовавшаго подобнаго рода низкимъ пріемамъ министра духовныхъ дѣлъ. По-

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 59—60, 69—70.

явленіе такихъ лицъ тѣмъ большую представляло опасность для Иннокентія, что онъ отличался простотою и откровенностью и никогда не умѣлъ скрывать своихъ убѣжденій. Другъ его Филаретъ не разъ предостерегалъ его отъ разныхъ проходимцевъ—святошъ и тѣмъ конечно избавлялъ Иннокентія отъ большихъ непріятностей. Иннокентій нерѣдко слушался испытанныхъ и практическихъ совѣтовъ своего ментора, но чаще отступалъ отъ нихъ. Фотій въ своей автобіографіи разсказываетъ [1]), что въ кельѣ у Иннокентія нѣкоторое время жилъ вмѣстѣ съ нимъ одинъ слѣпецъ, прослывшій у мистиковъ за святаго и духовнаго человѣка, а на самомъ дѣлѣ подосланный шпіонъ, какъ представляетъ Фотій, или во всякомъ случаѣ человѣкъ подозрительный. Не послушавшись Филарета, Иннокентій послушался Фотія и удалилъ отъ себя слѣпца [2]). Изъ представленныхъ фактовъ только самый предзанятый умъ можетъ видѣть въ Иннокентіѣ склонность къ какому-нибудь мистицизму. Въ его расположеніи къ разнаго рода убогимъ, нищимъ, юродивымъ сказалось не болѣе какъ только его доброе сердце, готовое помогать всякой нищетѣ и убожеству.—Въ дѣятельности Иннокентія вообще не замѣтно такихъ выдающихся явленій, которыя бы прямо свидѣтельствовали о его расположеніи къ мистицизму. Если и Филаретъ, ученѣйшій человѣкъ, отдалъ нѣкоторую дань духу своего времени и увлекался нѣкоторое время мистическими воззрѣніями, то къ чести его друга, Иннокентія, нужно сказать, что онъ за все время своей общественной дѣятельности удержался на точкѣ болѣе правильныхъ религіозныхъ воззрѣній.

Непричастный къ мистицизму Иннокентій тѣмъ не менѣе съ самаго начала своей ученой дѣятельности въ Петербургѣ, которая почти совпала съ открытіемъ библейскаго общества, сталъ въ самыя близкія отношенія къ дѣятельности этого общества и все время своего пребыванія въ столицѣ находился въ самомъ средоточіи ея. По одному искреннему благочестію онъ признавалъ совершенно естественными и законными тѣ цѣли, которыя легли въ основу библейскаго общества, распространявшаго въ народѣ массу книгъ

---

[1]) Книга II.

[2]) Тамъ-же.

св. Писанія на всевозможныхъ языкахъ. Уже въ 1814 году онъ сдѣлалъ денежный вкладъ на расширеніе дѣятельности библейскаго общества [1]. Въ слѣдующемъ 1815 году Иннокентій былъ избранъ директоромъ библейскаго общества—вмѣстѣ съ ректоромъ академіи Филаретомъ, Лабзинымъ и др. [2]. Въ то же самое время онъ вошелъ въ составъ членовъ комитета, разсматривавшаго переводы св. Писанія, въ числѣ членовъ котораго находились тогда: черниговскій архіепископъ Михаилъ, Серафимъ архіепископъ тверской, ректоръ академіи Филаретъ, Лабзинъ и В. М. Поповъ [3], директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, любимецъ Голицына и извѣстный послѣдователь секты татариновой. Подъ надзоромъ архимандритовъ Иннокентія и Филарета производилось самое печатаніе переводовъ св. книгъ. Будучи уже епископомъ въ Пензѣ, Иннокентій продолжалъ интересоваться дѣлами библейскаго общества. Онъ и изъ Пензы посылалъ денежныя пожертвованія [4]. Но замѣчательнѣе всего то, что Иннокентій, явившись въ Пензу, сдѣлалъ комитету библейскаго общества заявленіе о необходимости перевода св. Писанія и въ особенности Евангелія на мордовскій языкъ, въ виду того, что какъ въ пензенской такъ равно и въ сосѣднихъ съ нею епархіяхъ среди мѣстнаго населенія насчитывалось много крещеной мордвы. Преосвященный Иннокентій даже указывалъ путь, какимъ легче всего можно было достигнуть цѣли, а именно чрезъ порученіе перевода Евангелій на мордовскій языкъ знающимъ этотъ языкъ священникамъ пензенской епархіи, при чемъ самъ бралъ на себя трудъ надзора надъ предполагавшимся переводомъ св. Писанія на мордовскій языкъ [5]. Очень можетъ быть, что Иннокентій предпринялъ бы въ Пензѣ и другіе труды для расширенія дѣятельности библейскаго общества, если бы только преждевременная его смерть не прекратила его пастырской ревности. Послѣ всего ска-

---

[1]) Въ 1814 году Иннокентій внесъ въ кассу библейскаго общества 100 руб. Отчетъ библейскаго общества за 1814 годъ.

[2]) Отчетъ комитета россійскаго библейскаго общества за 1815 годъ, XII.

[3]) Отчеты за 1815—1817 гг.

[4]) Изъ отчета 1819 года. Иннокентій выслалъ 150 руб. въ кассу библейскаго общества.

[5]) Отчетъ комитета библейскаго общества а 1818—1819 гг.

заннаго является совершенно невѣрнымъ приписываемое Фотіемъ Иннокентію отрицательное отношеніе къ переводу св. Писанія на русскій языкъ [1]). Очевидно Фотій приписалъ своему учителю тѣ идеи, горячимъ партизаномъ которыхъ въ свое время былъ онъ самъ.

Такимъ образомъ общій характеръ отношеній архимандрита Иннокентія къ современному религіозному движенію покоится на полномъ отрицаніи имъ мистическаго направленія. Единственное, что его интересовало, это библейское общество. Но сочувствіе благой дѣятельности библейскаго общества никогда не доходило у него до одобренія мистическихъ тенденцій людей, стоявшихъ во главѣ и заправлявшихъ судьбою библейскаго дѣла. Вотъ гдѣ кроется разгадка и того явленія, почему Иннокентій, противникъ всякаго уродливаго мистицизма, въ первое время своей дѣятельности въ Петербургѣ пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ и уваженіемъ министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, и не рѣдко, по его собственному приглашенію, проповѣдывалъ въ его домовой церкви. Но взгляды Иннокентія находились въ противорѣчіи съ мистическими тенденціями министра; нуженъ былъ только поводъ къ тому, чтобы это противорѣчіе обнаружилось и расположеніе князя—министра къ Иннокентію превратилось въ совершенно противоположное чувство. Мало того; нуженъ былъ только поводъ для того, чтобы Иннокентій опредѣленно и открыто высказался и на него необходимо должно было обрушиться фанатическое преслѣдованіе Голицына.

Въ борьбу съ мистицизмомъ Иннокентій вступилъ не вдругъ, а постепенно, что впрочемъ объяснялось отчасти и тѣмъ, что мистическое направленіе не такъ давно началось и только съ теченіемъ времени стало возрастать все болѣе и болѣе и тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе вызывало противъ себя оппозицію. Въ исторіи борьбы Иннокентія съ мистиками играетъ немаловажную роль извѣстный архимандритъ Фотій Спасскій.—Не такъ давно въ свѣтской литературѣ [2]) высказанъ былъ очень странный взглядъ на

---

[1]) Автобіограф. кн. II, л. 34.

[2]) *С. Миропольскій* въ своей статьѣ объ архимандритѣ Фотіѣ Спасскомъ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы" 1878 г. ноябрь—декабрь.

сущность отношеній Фотія къ Иннокентію. Авторъ указанной статьи говоритъ, что жизнь при с.-петербургской семинаріи, гдѣ Фотій былъ нѣкоторое время учителемъ, послужила для него практической подготовкой къ той роли, какую онъ съигралъ впослѣдствіи, при этомъ особенно сильное вліяніе на Фотія оказалъ ректоръ семинаріи архимандритъ Иннокентій, человѣкъ добрый, но *съ фанатической закваской. И онъ-то, Иннокентій, и вселилъ въ Фотія ту нетерпимость, какою онъ заявилъ себя впослѣдствіи.* Въ виду такого взгляда необходимо остановиться подольше на опредѣленіи истинныхъ началъ, на которыхъ покоились взаимныя отношенія Иннокентія и Фотія. Прежде всего при допущеніи разсматриваемаго взгляда трудно психологически уяснить себѣ то, какимъ образомъ Иннокентій, человѣкъ добрый, мягкій, симпатичный могъ сдѣлаться воспитателемъ суроваго фанатика. Самъ Фотій, по своему черствому характеру, конечно имѣлъ въ себѣ задатки для развитія фанатизма. Но въ характерѣ Иннокентія нельзя указать такихъ чертъ, которыя бы располагали его къ нетерпимости. Если уже кто могъ навязывать фанатическія тенденціи, такъ это скорѣе всего Фотій Иннокентію, а никакъ не наоборотъ. То, что Фотій постоянно называлъ себя ученикомъ Иннокентія, ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ, потому что Фотій сдѣлался ученикомъ его тогда, когда поступилъ на службу при семинаріи и, значитъ, имѣлъ уже вполнѣ сложившіяся убѣжденія.

Въ виду того, съ одной стороны, что вопросъ о характерѣ вліянія Иннокентія на Фотія въ смыслѣ развитія въ немъ нетерпимости получаетъ важное значеніе для опредѣленія личнаго характера Иннокентія, и съ другой стороны въ виду того, что борьба Иннокентія съ мистиками велась при прямомъ или косвенномъ участіи Фотія, я постараюсь въ общихъ чертахъ изложить послѣдовательно весь ходъ развитія и предѣлы той дружественной связи, какая установилась и существовала все время между Фотіемъ и Иннокентіемъ.

Фотій явился въ с.-петербургскую академію 12 августа 1814 года, когда Иннокентій былъ уже ректоромъ семинаріи. Онъ вмѣстѣ съ другими студентами представлялся ректору академіи Филарету

и ректору семинаріи Иннокентію. Ректоръ академіи принялъ вновь явившихся студентовъ такъ строго, что „въ страхѣ всѣ отошли отъ него“. Иннокентій, напротивъ, принялъ всѣхъ весьма кротко, ласково и любезно. При самомъ поступленіи въ академію Фотій заявилъ себя ярымъ противникомъ распространенныхъ тогда въ средѣ академическихъ студентовъ сочиненій мистическаго содержанія, каковы наприм. были: „Тоска по отчизнѣ“ — *Штилинга*, „Угрозъ Свѣтовостоковъ“ и др. и до того заявилъ себя твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что товарищи дали ему прозваніе „Кифы“— или камня.—Лѣтомъ 1815 года Фотій, еще будучи въ мірскомъ званіи, поступилъ учителемъ с.-петербургской духовной семинаріи и оказался такимъ образомъ подъ начальствомъ Иннокентія, который, замѣтивъ въ немъ религіозное настроеніе, приблизилъ его къ себѣ, часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Иннокентій произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Фотія, что тотъ представлялся ему какъ „отецъ и ангелъ Господень“. Фотій старался замѣчать всѣ слова, дѣйствія и изучать религіозныя воззрѣнія Иннокентія и старался во всемъ подражать ему и Филарету. Эти два лица служили для него „двумя живыми свѣтильниками“. Въ 1817 году Фотій принялъ монашество и поступилъ законоучителемъ во второй кадетскій корпусъ. Во время своего законоучительства Фотій лицомъ къ лицу столкнулся съ людьми, зараженными модными идеями масонскаго мистицизма и рѣшился выступить на борьбу съ зловѣріемъ. „Ближе всѣхъ, говоритъ Фотій о себѣ, былъ къ нему по сердцу Иннокентій, нерѣдко изъ корпуса въ праздники приходилъ Фотій къ нему и онъ принималъ его какъ своего сына. Нерѣдко изъ своихъ рукъ за столомъ его кормилъ. Фотій-же, разсказываетъ далѣе самъ о себѣ Фотій, послушая его наставленій, между прочимъ, успѣвалъ повѣсти говорить о живыхъ людяхъ, кто и какіе суть враги церкви, чьи и какіе книги исполнены духа лести и коварства, — *внушалъ ему* (Иннокентію) *Фотій и то, чего въ немъ недостаетъ, и что ему начать нужно творить и учить* и что не дѣлать касательно вѣры и церкви“. Мягкій Иннокентій склонялся иногда на убѣжденія суроваго и упорнаго своего ученика и благословлялъ его смѣло говорить истину и открытую его пропо-

вѣдь противъ мистицизма называлъ иногда дѣломъ Божіимъ [1]). Изъ словъ Фотія можно видѣть, что самъ онъ больше вліялъ на своего учителя въ смыслѣ развитія въ немъ нетерпимости, чѣмъ послѣдній на него. Фотій въ первый разъ открыто выступилъ на обличеніе мистицизма въ своемъ кадетскомъ корпусѣ. Корпусное начальство, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, заподозрило умственную правоспособность своего законоучителя и, какъ полупомѣшаннаго человѣка, распорядилось отправить его на испытаніе въ невскую лавру.—Митрополитъ около четырехъ разъ призывалъ къ себѣ Фотія съ цѣлію испытать состояніе его умственныхъ способностей и въ то же время убѣждалъ его не вооружаться противъ мистиковъ и масоновъ. Точно также и Иннокентій совѣтовалъ Фотію оставить начатую борьбу противъ масонства, но Фотій и предъ митрополитомъ и предъ Иннокентіемъ остался непреклоненъ. По примѣру другихъ и самъ Иннокентій нѣкоторое время сомнѣвался въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Фотія. Когда же въ послѣднемъ не оказалось никакихъ признаковъ умопомѣшательства, Иннокентій, какъ бы въ оправданіе себя предъ Фотіемъ, сталъ относиться къ нему съ особенною любовью и проявлялъ ее иногда въ довольно оригинальныхъ формахъ. Разъ Фотій и Иннокентій находились въ митрополичьемъ саду и тамъ Иннокентій, скажемъ словами самого Фотія, „ягоды собиралъ своими руками и его оными кормилъ, перстами своими во уста ему влагая“. Фотій же, видя признательную его любовь къ себѣ, сказалъ: „отче святый, я помнить буду всегда твои нынѣ пресладкія ягоды, ими-же ты меня кормишь. Я не хощу ясти ягоды, но любве ради твоея я угодное тебѣ творю, вкушаю мало оныхъ отъ тебя“ [2]). Изъ многихъ другихъ фактовъ, разбросанныхъ въ автобіографіи Фотія, видно, что онъ много вліялъ на Иннокентія, который въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ мистикамъ нерѣдко руководился его совѣтами и наставленіями [3]). Несомнѣнно Фотій,

[1]) Автобіографія Фотія, книга II гл. 1.

[2]) Автобіографія Фотія, книга II, гл. 1.

[3]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автобіографіи Фотія находятся прямыя указанія на то, что *Фотій убѣждалъ Иннокентія начать борьбу противъ мистиковъ*. Автобіографія, книга II, л. 30.

постоянный собесѣдникъ Иннокентія, сдѣлалъ то, что послѣдній, по своей особенной впечатлительности и болѣзненности, выступилъ на борьбу ранѣе, чѣмъ самъ ожидалъ, и заявилъ себя въ ней дѣйствіями, можетъ быть, съ практической стороны и не совсѣмъ послѣдовательными и тактичными. Какъ иногда расходились взгляды друзей на отношеніе къ мистикамъ, это видно изъ того уже, что, когда наприм. Фотій рѣзко отзывался о возмутительныхъ дѣйствіяхъ князя Голицына, Иннокентій, самъ на себѣ испытавшій всю тяжесть деспотическихъ замашекъ министра духовныхъ дѣлъ, относился къ нему со смиреніемъ истиннаго христіанина и не хотѣлъ даже заочно осуждать его ни однимъ словомъ за оказанную имъ къ нему несправедливость [1].—Фотій въ борьбѣ съ мистиками всегда стоялъ впереди Иннокентія. Еще въ 1817 году, когда Иннокентій самъ не заявлялъ себя никакими дѣйствіями противъ масонства, Фотій уже „дѣйствовалъ противъ нихъ, какъ онъ самъ говоритъ, и разорвалъ связь духовныхъ лицъ и членовъ синода съ тайными обществами и масонами“, а въ 1818 году Фотій уже дѣйствовалъ противъ Сіонскаго вѣстника Лабзина и масонства „съ опасностію жизни“ [2]. И въ это же самое время онъ по горячности своей высказывалъ неоднократно жалобы на то, что „Филаретъ и Иннокентій молчали совершенно, чествовали великодушно издаваемыя противухристіанскія сочиненія“ [3].

Какъ ректоръ семинаріи и представитель заведенія Иннокентій соединялъ въ себѣ замѣчательную внимательность и всестороннюю дѣятельность съ рѣдкою гуманностью. На сколько только позволяютъ судить имѣющіяся подъ руками данныя, Иннокентій высоко цѣнилъ труды семинарскихъ наставниковъ и старался выставлять на видъ ихъ предъ высшимъ начальствомъ и въ то же время указывалъ на нихъ какъ на примѣръ, достойный подражанія и для другихъ менѣе даровитыхъ и усердныхъ наставниковъ. Въ концѣ учебнаго 1815 года, послѣ строгихъ въ присутствіи

---

[1]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

[2]) Автобіографія Фотія, книга III.

[3]) Автобіографія, книга II, 30.

профессоровъ академіи испытаній, ректоръ с.-петербургской семинаріи вошелъ въ правленіе съ слѣдующимъ представленіемъ небезъинтереснымъ для исторіи с.-петербургской семинаріи. Въ этомъ представленіи Иннокентій писалъ между прочимъ:

I. Профессоръ философскихъ наукъ, магистръ, іеромонахъ Поликарпъ [1]) весь курсъ философіи преподалъ ученикамъ съ отличнымъ раченіемъ и желаемыми успѣхами. Нетокмо недостатки классическія авторъ восполнилъ поясненіями письменными и изустными, но и ознакомилъ учащихся съ лучшими систематиками новѣйшими и съ глубокими мнѣніями древнихъ философовъ. Тѣмъ съ большею произвелъ сіе пользою, что различныя различныхъ философовъ мнѣнія изложилъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ особенно въ дополненіе практической философіи. Прочія части философіи какъ-то логику и метафизику и при краткомъ повтореніи раскрылъ въ лучшемъ и яснѣйшемъ порядкѣ, нежели въ какомъ находятся у классическаго автора.

II. Профессоръ математики и физики магистръ Петръ Веселовскій всевозможныя употребилъ усилія въ преподаваніи математическихъ наукъ: хотя между тѣмъ недостатокъ совершеннаго успѣха въ ученикахъ частію потому, что нѣкоторые требовали повторенія ариѳметическихъ правилъ, частію же потому, что всѣмъ нужно было преподавать самыя первыя начала математики, между тѣмъ какъ оставался одинъ годъ до окончанія математическаго съ прочими науками курса. Физика же съ какимъ преподана раченіемъ, съ таковыми и успѣхами въ ученикахъ. Особенной дѣятельности и способности профессора успѣхъ по сей части есть тотъ, что нѣкоторые ученики слабые по другимъ предметамъ по сему предмету оказались отличными. Классическій авторъ, какъ ощутительно недостаточный, скудный и мало основательный замѣненъ собственными записками профессора, сокращенными впрочемъ въ ясномъ и математическомъ порядкѣ (methodo) предложенными. Сей трудъ г. профессора какъ единственный плодъ его соображенія извлеченій изъ древнихъ и новѣйшихъ физиковъ написанъ имъ на 52 листахъ.

III. Старшій кандидатъ профессоръ церковной исторіи и греческаго языка Иванъ Щелкуновъ обучалъ греческому языку съ надлежащимъ раченіемъ и успѣхами. Сверхъ сего занимался прилежно приготовленіемъ къ церковной исторіи.

IV. Кандидатъ, въ должности профессора словесныхъ наукъ и нѣмецкаго языка Иванъ Смирновъ постоянною ревностію къ наукамъ и усердіемъ къ учащимся возбудилъ и въ нихъ ревность къ ученію, не-

---

[1]) По фамиліи Гайтанниковъ, былъ потомъ ректоромъ моск. дух. академіи, умеръ новоспасскимъ архимандритомъ.

достатки свѣденія въ ученикахъ по нѣмецкому языку восполнилъ своимъ особеннымъ прилежаніемъ, поощреніями и требованіями. Нѣкоторыхъ же въ немаломъ количествѣ пріучилъ мыслить съ такою основательностію, какой отъ малолѣтныхъ неможно бы и надѣяться. Весь курсъ словесности преподалъ съ отличнымъ раченіемъ, съ устными дополненіями того, что знать нужно, но авторомъ опущено, и достаточнымъ изъясненіемъ всего того, что у автора оставлено въ темнотѣ и сбивчивости. Ректоръ, архимандритъ Иннокентій [1]).

Замѣчательною гуманностью о. Иннокентій отличался и къ воспитанникамъ семинаріи. Воспитанники его любили и чтили какъ отца и не иначе называли его какъ „добрѣйшимъ Иннокентіемъ", хотя въ то же время боялись его, такъ какъ за большіе проступки онъ не прочь былъ прибѣгать къ мѣрамъ сильнымъ даже къ такимъ, какъ увольненіе изъ семинаріи [2]). Въ ряду проступковъ воспитанниковъ въ то время встрѣчались и такіе, какъ винопитіе. Но и самыя строгія наказанія, вызванныя выдающимися проступками учениковъ, всегда смягчались Иннокентіемъ. Даже въ такихъ случаяхъ, когда воспитанники семинаріи совсѣмъ увольнялись изъ заведенія, сердобольный ректоръ старался облегчать ихъ жалкое положеніе. Онъ при удобномъ случаѣ подыскивалъ для нихъ занятія и средства къ жизни на сторонѣ и помѣщалъ ихъ въ такія учрежденія, гдѣ бы они могли заработывать себѣ кусокъ хлѣба [3]). До какой степени простиралась гуманность Иннокентія, какъ начальника заведенія, къ своимъ питомцамъ, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай, разсказанный въ житіи Иннокентія, составленномъ Фотіемъ. — Одинъ изъ семинарскихъ воспитанниковъ допустилъ выходящій изъ ряда проступокъ. Помимо того; онъ заявилъ себя такою грубостью предъ начальникомъ заведенія, что три раза позволилъ себѣ отказаться нести заслуженное наказаніе,

---

[1]) Дѣло архива спб. дух. семинаріи отъ 14 іюня 1815 года, № 45.

[2]) Записки протоіерея Виноградова. Русская Старина 1878 года. Августъ, 563—568. Дѣло архива с.-петербургской семинаріи за 1814 годъ отъ 28 января, № 17.

[3]) Дѣло архива с.-петербургской духовной семинаріи 1816 г. отъ 16 сентября, № 50. Дѣло по запискѣ о. ректора семинаріи о избраніи трехъ по неспособности къ ученію учениковъ для поступленія въ типографію россійскаго библейскаго общества.

положенное на него ректоромъ. Иннокентій, уже страдавшій въ то время чахоткою и потому отличавшійся болѣзненною раздражительностью, ограничился только однимъ кроткимъ отеческимъ увѣщаніемъ загрубѣлаго своего питомца, и до того подѣйствовалъ на него, что тотъ залился слезами; заплакалъ и самъ Иннокентій. Тѣмъ дѣло о наказаніи воспитанника и кончилось. Фотій, бывшій свидѣтелемъ такого крайне снисходительнаго отношенія къ воспитанникамъ, замѣтилъ своему учителю его крайность. „Крайность неумѣстна, вредна, сказалъ онъ Иннокентію, почему ты не наказалъ достойно за порокъ отрока, между тѣмъ какъ писаніе и раны повелѣваетъ дѣтямъ за пороки налагать многи“?—„То и другое въ свое время быть благо и полезно можетъ дѣтямъ, отвѣчалъ добрый Иннокентій на замѣчаніе своего духовнаго ученика, а во всякое время полезнѣе есть поступая внимать въ наказаніяхъ и прещеніяхъ сему слову апостола Павла: *братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости*“ (Галат. VI, 1).

Одною изъ особенныхъ чертъ о. Иннокентія, какъ начальника заведенія, служило его безкорыстіе и даже самопожертвованіе въ пользу молодаго учащагося юношества. Онъ не только дѣлалъ разныя единичныя денежныя пожертвованія въ пользу того или другаго изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно отличавшихся благочестіемъ и заявлявшихъ расположеніе къ монашеству, онъ принималъ на собственное свое содержаніе, снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ, помѣщалъ въ своей квартирѣ и непосредственно самъ руководилъ ихъ занятіями и слѣдилъ за ихъ религіознымъ воспитаніемъ [1]). Какою любовію и привязанностію платили воспитанники семинаріи своему добрѣйшему ректору и какая крѣпкая нравственная связь соединяла ихъ съ своимъ воспитателемъ, это можно видѣть даже изъ прощанія Иннокентія съ семинаріею предъ отъѣздомъ его въ Пензу. Но объ этомъ послѣ.

Учебно-воспитательная часть въ петербургской семинаріи сто-

---

[1]) Житіе Иннокентія.

яла при Иннокентіи на очень высокой степени, что и обнаружилось со всею ясностію при ревизіи семинаріи.

Въ іюлѣ 1817 года въ с.-петербургскую духовную семинарію назначена была ревизія. Ревизоромъ послали ректора здѣшней духовной академіи преосвященнаго Филарета, епископа ревельскаго. Въ сентябрѣ того же года преосвященный Филаретъ представилъ во внѣшнее правленіе с.-петербургской духовной академіи обстоятельный отчетъ о результатахъ произведенной имъ ревизіи петербургской семинаріи, изъ котораго мы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ, относящихся болѣе или менѣе близко къ изучаемой нами личности архимандрита Иннокентія.

«О состояніи учебной части въ семинаріи долгомъ поставляю засвидѣтельствовать, такъ писалъ между прочимъ преосв. Филаретъ въ своемъ отчетѣ ревизорскомъ, что она усмотрѣна мною частію въ довольномъ совершенствѣ, частію въ добромъ направленіи и постоянномъ ходѣ къ совершенству. Богословскія науки (преподавалъ архимандритъ Иннокентій), не смотря на ограниченность пособій по нѣкоторымъ частямъ еще не обработаннымъ въ училищахъ, преподаны основательно и удовлетворительно, съ утѣшеніемъ можно было видѣть, что духовныя познанія пустили корни въ умахъ и сердцахъ учениковъ. Часть нравственная также найдена въ добромъ устройствѣ, которымъ она обязана неослабному вниманію обоихъ старшихъ членовъ семинарскаго правленія (т. е. ректора Иннокентія и инспектора іеромонаха Поликарпа Гайтанникова). Въ ученикахъ не видно разсѣянности или грубости, но спокойствіе, послушаніе и вниманіе къ своему дѣлу. Часть хозяйственная не равняется въ устройствѣ двумъ первымъ. Къ сожалѣнію можно примѣчать, что семинарскій экономъ (протоіерей Петръ Турчаниновъ) несоотвѣтствуетъ своею дѣятельностію тѣмъ усиліямъ, какія употребляетъ семинарское правленіе для соблюденія хозяйства и порядка въ хозяйствѣ».

Объ самомъ ректорѣ семинаріи Иннокентіи преосвященный Филаретъ сдѣлалъ самый лестный отзывъ.

«Изъ лицъ начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи первое и совершенное одобрѣніе,—я токмо изъ покорности возложенной на меня обязанности свидѣтельствую о томъ, что вѣрнѣе и выше моего свидѣтельства,—принадлежитъ о. ректору архимандриту Иннокентію. Правленіе академическое самособою могло усмотрѣть сіе изъ предыдущихъ статей сего донесенія. Особенные труды его суть: продолжаемое имъ изданіе сочиненной имъ церковной исторіи, не одновременный, но прочный даръ ду-

ховному просвѣщенію, и уроки дѣятельной богословіи, также имъ самимъ написанные съ такою же цѣнностію и съ такою же надеждою для духовнаго просвѣщенія. Предѣлы моей обязанности не позволяютъ мнѣ распространяться о другихъ его трудахъ. Не могу умолчать объ одномъ случайномъ замѣчаніи, но которое много значитъ: я видѣлъ сочиненіе, писанное ученикомъ не его класса, въ вакаціонное время, имъ однакожъ читанное и разсмотрѣнное».

Коммиссія духовныхъ училищъ, основываясь на отчетѣ преосвященнаго Филарета, поручила здѣшнему академическому правленію пересмотрѣть сочиненіе Иннокентія подъ названіемъ: „уроки дѣятельнаго богословія“ и затѣмъ напечатать ихъ [1]).

Одинаковою гуманостію и добротою отличался Иннокентій и во всѣхъ другихъ сферахъ своей дѣятельности. Какъ членъ с.-петербургской духовной консисторіи, онъ, насколько только представлялось для него возможнымъ, старался смягчать строгость, а иногда и суровость стараго консисторскаго суда. Былъ напримѣръ такой случай. Одинъ изъ приходскихъ діаконовъ Петербурга во время хожденія съ требою по приходу затерялъ серебряный позолоченный крестъ, порученный ему для храненія священникомъ. Діакона, по сдѣланному на него доносу, осудили какъ пьяницу, и консисторія приговорила его къ тяжелому наказанію. Чрезъ посредство другихъ Иннокентій узналъ, что несчастный діаконъ подъ вліяніемъ страха наказанія и сознанія полной безъисходности своего положенія пришелъ въ большое отчаяніе и готовъ былъ даже покончить съ собою; сердобольный ректоръ семинаріи принялъ въ немъ самое живое участіе и діаконъ былъ прощенъ [2]).

Съ 1816 года Иннокентій, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ занимаемыми въ С.-Петербургѣ разными должностями получилъ еще, въ видѣ повышенія, настоятельство въ первоклассномъ Юрьевомъ монастырѣ, новгородской губерніи. Не смотря на свою древность и важность, Юрьевскій монастырь начала настоящаго столѣтія представлялъ изъ себя очень печальное зрѣлище. Это былъ не мона-

---

[1]) (Дѣло внѣшняго академическаго правленія 1817 года сент. 17, № 32). Дѣятельное богословіе Иннокентія было напечатано уже послѣ его смерти именно въ 1821 году.

[2]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

стырь, а рядъ развалинъ. Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ жалкое состояніе Юрьева монастыря одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Иннокентія, именно архимандритъ Фотій. „Всюду были крыши гнилыя, стѣны падающія, то входы, то проломы, а индѣ кельи и церковь были внѣ ограды, вездѣ было то разбито, то не покрыто, то изгнило, то разбросано и не убрано, иныя кельи были и стояли на краю горы и уже на бокъ, казались вскорѣ имѣющими пасти отъ трещинъ внизъ горы. Индѣ послѣ пожаровъ въ церквахъ одни гнѣзда птицъ разныхъ были, весь монастырь былъ какъ бы послѣ непріятеля въ разстройствѣ: почти никто ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ пріити въ Юрьевъ монастырь въ число братіи на жительство: наполненъ былъ монастырь присланными подъ надзоръ въ наказаніе, не имѣющими гдѣ главы приклонити, исключенными разнаго рода людьми“ [1]. Разстройство нѣкогда богатаго Юрьева монастыря зависѣло главнымъ образомъ отъ ненормальнаго порядка назначенія туда настоятелей. Съ начала настоящаго столѣтія званіе архимандрита Юрьевскаго монастыря сдѣлалось только почетнымъ титуломъ, которымъ украшались ректоры с.-петербургской духовной академіи или семинаріи, а иногда ректоры и семинаріи новгородской, никогда долго не жившіе въ монастырѣ. Занятые другими должностями они вынуждены были непосредственное управленіе монастыремъ поручать разнымъ намѣстникамъ, людямъ, мало подготовленнымъ къ занятію высокой должности настоятеля. Сдѣлавшись юрьевскимъ архимандритомъ, Иннокентій, вездѣ обнаруживавшій замѣчательную дѣятельность, крайне затруднялся своимъ новымъ назначеніемъ и не хотѣлъ ограничиваться ношеніемъ только одного титула настоятеля. Онъ, хотя издали, старался оказать своему монастырю какую-нибудь поддержку. Ему хорошо была извѣстна раззоренность Юрьевскаго монастыря и онъ успѣлъ выхлопотать у правительства шестнадцать тысячъ рублей на поддержку и возобновленіе нѣкоторыхъ монастырскихъ зданій [2]. Въ 1818 году въ Юрьевомъ монастырѣ открылись новыя постройки и поправки старыхъ зданій. Всегда

[1]) Автобіографія Фотія, книга II, л. 173.

[2]) Автобіографія Фотія, книга II.

энергичный и заботливый Иннокентій самъ лично хотѣлъ надзирать надъ подготовительными работами и для этой цѣли воспользовался короткимъ, свободнымъ отъ ученія, временемъ, наступившимъ по случаю масляницы. Не смотря на свою болѣзненность, не смотря на самое дурное время года, Иннокентій въ концѣ февраля 1818 года предпринялъ поѣздку въ Юрьевъ монастырь, съ разрѣшенія и одобренія митрополита Амвросія [1]).

Иннокентій въ свое время славился въ Петербургѣ какъ одинъ изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ. Его проповѣдь имѣла свои отличительныя черты, отвѣчавшія особенностямъ его нравственнаго характера. Противникъ мистики, онъ категорически высказывался противъ современнаго мистическаго направленія русскаго общества и въ частности противъ того ненормальнаго положенія, какое создало для современной церковной проповѣди поклоненіе мистицизму. Вотъ весьма замѣчательное разсужденіе Иннокентія о положеніи церковной проповѣди въ его время.

«Что-же касается проповѣди слова Божія, такъ разсуждалъ однажды Иннокентій, кто дерзнетъ сказать особенно въ дни сіи о неслышаніи слова Божія! Въ книгахъ-ли скудость нынѣ? Не мы ли дождались тѣхъ дней, что въ насъ исполняется пророчество Спасово: *проповѣстся Евангеліе царствія по всей вселенной въ свидѣтельство всѣмъ языкомъ?* Ей, не въ семъ скудость: нѣтъ недостатка ни въ чтеніи, ни въ проповѣдываніи, ни въ распространеніи слова Божія письменами: безъ сребра и злата даруется слово Божіе: неужели сего ради воцарилася нынѣ токмо проповѣдь Евангелія, паче нежели когда древле бывала? Ахъ, нѣтъ, она при всемъ множествѣ письменъ своихъ такъ нынѣ умалилась, что съ однимъ отцомъ церкви можно уже сказать вопрошая: гдѣ слово Божіе? гдѣ нынѣ могущее глаголати въ сердце новому Іерусалиму въ церкви Божіей? *Смѣетъ ли нынѣ кто кому-либо проповѣдать, яко же Илія пророкъ противу Ваала,* — *противу новыхъ вааловъ въ сеймахъ библейскихъ покланяемыхъ?* Возвѣщается-ли яко трубою постъ сынамъ и дщерямъ посредѣ православныхъ? Возвѣщается-ли прещеніе Божіе ходящимъ въ слѣдъ похотей своихъ? Хотятъ-ли наступить на змію и на скорпію, и на всю силу вражію, одолѣвающую злобою не малое число избранныхъ? Мнитъ-ли или вѣдаетъ ли, говорю, нынѣ

---

[1]) Дѣло архива с.-петербургской духовной семинаріи отъ 18 февраля 1818 года № 20.

крѣпкій изъ сыновъ царства, что надобно жало зміево притуплять немедленно, и что плевелы духовные, колико можно, крайне нужно сожигать огнемъ прещенія, и жаромъ клятвы? Но увы!—слово вси говорятъ, но о дѣлѣ вси молчатъ: о небесахъ мечтаютъ, а земная дѣять и очищать оставляютъ: когда бы гласъ Божій, а не паче гласъ лестчій, гласъ змія проповѣдывался библейскою каѳедрою, какъ можно, чтобы для многихъ была еще полунощь на земли въ наши дни? Какъ можно, чтобы спящіе и дремлющіе не востали отъ сна грѣховъ? А какъ все это мы нынѣ сами видимъ: то, увы, зѣло-зѣло скудна и худа нынѣ проповѣдь есть библейская. Не тѣмъ слѣдуетъ обличительное слово вѣщать наприм. о блудѣ, кои дѣвы, и не въ тѣхъ домахъ, гдѣ невинность и цѣломудріе витаетъ. Проповѣдь святыхъ древле разрушала домы блудницъ, капища ересей и церковь лукавнующихъ раскапывали руки проповѣдниковъ Христовыхъ: а нынѣ есть-ли въ насъ такая проповѣдь слова Божія, якоже во святыхъ была, когда со дня на день дома блудилищъ назидаются и скопища и толки лжепророковъ и лжеучителей и въ мудрыхъ составляются? Извѣстно намъ, что Господь даде языкъ на ученіе, чтобы вѣдать время, когда подобаетъ слово рещи: сей то мудрости, сей-то соли евангельской, сего-то духа разума, когда, кому, что, гдѣ и какъ проповѣдывать нужно, и не достаетъ нынѣ. А посему кая польза, хотя и гремитъ во многихъ устахъ ко многимъ сердцамъ проповѣдь Іоаннова: *Покайтеся, приближибося царствіе небесное.* Ей избранные, приблизися царствіе небесное, и внутрь оно насъ быть довлѣетъ; но проповѣдь истинная, письменами и житіемъ имѣющая проповѣдаться, далече отъ насъ удалилась и рѣдко гдѣ слышится. Есть-ли кто речетъ вѣрно слово проповѣди, многіе не хотятъ того и послушать, и кто глаголетъ непріятенъ есть имъ: а иные ищутъ и души того, кто глаголетъ слово Божіе, а не свое. Сего ради, человѣче Божій, кто бы ты ни былъ, есть-ли можешь, *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ; будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ ходящіе изберутъ себѣ учителей чешеми слухомъ и отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся.* И дѣйствительно: сколько нынѣ христіане уклонились къ бабіимъ баснямъ и подобнымъ сказкамъ, кои въ Штиллингѣ и въ другихъ находятся» [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ житія Иннокентія находятся еще болѣе грозныя филиппики противъ современныхъ мистиковъ. «Гдѣ не послушаешь, говоритъ напримѣръ авторъ этого житія отъ имени Иннокентія, вездѣ тотъ говоритъ о Христѣ Сынѣ Божіемъ, яко не много большимъ себя,

[1]) Житіе Иннокентія составленное Фотіемъ.

а сей глаголетъ безъ ума въ себѣ Духа Божія имѣтъ, тотъ блядословитъ, что посланъ глаголати съ неба отъ Бога, а сей творитъ неподобная; тотъ мнится пророчествовати яко пиѳія бѣсова, а сей слыветъ духовидцемъ; тотъ яко юродъ бѣсовъ скопляетъ себе, а сей яко бѣсъ кружится и бичами біется; тотъ хвалится слышати вѣсти отъ Сіона, а сей Бога въ себѣ имѣти; тотъ сказки и бредни бабіи лобжетъ, а сей слово Божіе прелагаетъ; тотъ брешетъ яко *песъ*, что уже нынѣ аки бы внѣшній храмъ Божій ненуженъ, а сей мнится возвѣщать стяжаніе какого-то храма въ себѣ внутренняго; тотъ славитъ безумныхъ еллинскихъ витій и софистовъ, а сей клянетъ святыхъ; тотъ хулитъ святая, мощи святыхъ презираетъ, иконоборствуетъ, а сей глотаетъ, яко калъ свиній, бѣсовы преданія, чарованія, магнизированія, гаданія»...

Невозможно здѣсь согласиться съ Фотіемъ, чтобы вышеприведенныя разсужденія буквально принадлежали Иннокентію. Самый тонъ разсужденій, ихъ рѣзкость, доходящая иногда до положительной грубости, составляетъ принадлежность литературнаго стиля самого Фотія, и ни въ какомъ случаѣ—Иннокентія, который по своему мягкому, симпатичному и любвеобильному характеру никогда не могъ допустить подобныхъ рѣзкихъ разсужденій. Въ представленныхъ выше разсужденіяхъ самому лично Иннокентію принадлежатъ только общія мысли, въ нихъ дѣйствительно, если не принимать во вниманіе ихъ рѣзкаго тона, можно видѣть не мало правдивыхъ указаній на тѣ уродливыя черты, какими заявляли себя нѣкоторые мистики того времени.

Иннокентій вооружился и противъ другихъ неудовлетворительныхъ сторонъ современной проповѣди, кода нѣкоторые изъ современныхъ проповѣдниковъ старались развить въ себѣ главнымъ образомъ даръ краснорѣчія, блистать витіеватостью языка, изящными манерами, а мало заботились о томъ, чтобы ихъ слово дѣйствовало на сердце слушателей. Точно также онъ отрицательно относился и къ тѣмъ изъ проповѣдниковъ, которые искали себѣ образцовъ въ гомилетическихъ произведеніяхъ новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ проповѣдниковъ, а не въ твореніяхъ древнихъ отцовъ и учителей восточной церкви. Вотъ какой трактатъ оставилъ Иннокентій о современныхъ проповѣдникахъ.

«О коль мы недостойные учители и проповѣдники слова истины! Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, но для насыщенія не-

чистой своей похоти: такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія чадъ духовныхъ по закону, но чтобы сказавъ слово токмо движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника, или почесать сердце свое щекотаніемъ, слухомъ чести, мзды и отличія, — тоже онъ дѣетъ, что и любодѣй: сей любодѣйствуетъ тѣлесно, а той духовно. А когда въ проповѣди проповѣдію слова Божія волковъ въ агнцевъ претворяли, а у насъ изъ агнцевъ дѣлаются волки. Безъ болѣзни и воздыханія не могу вспомнить, коль многіе изъ учителей и проповѣдниковъ въ дни сіи заблудили до конца. Чаютъ многіе навыкнуть проповѣди слова Божія не отъ дѣлъ, но изъ школьнаго наученія и покушаются проповѣдать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрованія и явленія плоти и крови: между тѣмъ какъ гласъ Божій гремитъ въ уши ихъ, глаголя: *плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ* Но что всего суетнѣе, горше и пагубнѣе во дни сіи дѣется еще? Нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія почиваютъ на западныхъ и новѣйшихъ словесникахъ и витіяхъ, а лучше сказать суемудрыхъ, покушаясь научаться суетному лепетанію слова и ученія въ церкви: а живыхъ водъ источника израилева, — воды благодатнаго ученія въ св. Златоустѣ Іоаннѣ, Василіи Великомъ, Григоріѣ Богословѣ и прочихъ святыхъ отцахъ и учителяхъ церкви не хотятъ и видѣть, аки бы не нужныя для настоящаго рода людей: о времена! о обычаи! ужели Массильонъ, Бурдалу, Боссюэтъ, Флешве и прочіе подобные имъ живыхъ водъ ученія Христова въ своихъ хартіяхъ заключаютъ болѣе и лучше и святѣе, нежели студенецъ книжный, отъ златыхъ устъ истекшій св. Іоанна Златоуста и иныхъ отцовъ церкви и учителей богомудрыхъ, святыхъ небесныхъ человѣковъ, во плоти сущихъ ангеловъ? Ужели мраки учености въ нечестивомъ Іаковѣ Бемѣ, сатанины глубины въ книгѣ «таинство креста», въ бредняхъ Штиллинговой побѣдной повѣсти, въ броженіи и круженіи умомъ жены француженки де-ла-Мотъ Гіонъ и прочая тьма вражія. міра и плоти сладостнѣе мнится быти нынѣ, паче слезныхъ источниковъ Богомыслія и Боголюбія Ефрема св., Іоанна Дамаскина, св. Кирилла, Іоанна Лѣствичника, Аввы Дороѳея и Максима Исповѣдника? Боюсь, что частію уже не исполняется-ли во дни наши слово апостольское: въ послѣдніе дни отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внимая духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, когда вижу, что избранныя дщери новаго Іерусалима, церкви нашей восточной, святой православной, читаютъ басни и сказки Штиллинга лукаваго, Еккартгаузена безумнаго, прелестнаго Ѳомы Кемпійскаго, безбожнаго Іерузалема, Іоанна Масона, адское зеркало, адскаго внутренняго человѣка и прочихъ вольнодумцевъ, лепетуновъ, лжеучителей и лжепророковъ суемудрыхъ, гордыхъ, совершенно плотскихъ и раз-

вращенныхъ человѣковъ, никуда и ни къ чему не годныхъ, и еще болѣе чтутъ все оное бѣсово ученіе, нежели чтутъ повѣсти святыхъ, чудеса, житія и сказанія дѣвственниковъ, постниковъ, совершенно безстрастныхъ человѣковъ, святыхъ избранныхъ Божіихъ, ихъ-же праха святаго недостоинъ весь міръ и ихъ же плоти и кости хранитъ Господь нетлѣнными и церковь почитаетъ? Бѣда! есть-ли еще къ тому-же дхнетъ въ дому Божіемъ новый, лестчій, духъ антихристовъ, подъ видомъ очищенной религіи и вновь раждающейся церкви, за святость нынѣ слывущей въ сынахъ тьмы и противленія [1]).

Въ проповѣдяхъ Иннокентій выше всего ставилъ ихъ содержаніе. Онъ не любилъ подвергать строгой критикѣ языкъ, какъ и другія внѣшнія особенности проповѣди. Вмѣсто того, онъ весь углублялся въ содержаніе и тамъ прежде всего старался открывать внутренній міръ самого проповѣдника, степень его убѣжденія въ томъ, о чемъ тотъ проповѣдуетъ. Онъ требовалъ отъ проповѣдника высокаго нравственнаго развитія и особенно хотѣлъ видѣть въ немъ *смиреніе*. Предлагаемые имъ проповѣдникамъ совѣты о усвоеніи смиренія вполнѣ являются естественными послѣ того, когда мы припомнимъ, что нѣкоторые изъ современныхъ ему проповѣдниковъ обращали вниманіе болѣе на внѣшнюю обработку проповѣди, чѣмъ на внутренюю ея силу и убѣдительность. Въ основѣ подобныхъ пріемовъ находилось ничто другое, какъ тщеславное желаніе прослыть краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Наперекоръ честолюбивымъ замашкамъ проповѣдниковъ Иннокентій и рекомендуетъ имъ совершенно противоположное качество—именно смиреніе. „Утѣшься отъ мнимой скорби, братъ возлюбленный, — такъ однажды писалъ Иннокентій къ Фотію,—мнѣ не нужна надъ тобою строгость, какой ты не желаешь. Да будетъ тотъ судіею твоего слова, который глаголетъ неизреченно воздыханіями неизглаголанными. Токмо — *смирись* пожалуй! Есть ли у тебя такія руки, чтобъ дары принимать безошибочно: уши, чтобы разслушивать, и такое око, чтобы различать безошибочно, когда шепчетъ діаволъ

---

[1]) Житіе Иннокентія, составлен. Фотіемъ. Хотя Фотій вышеприведенную длинную тираду выдаетъ какъ *буквальное* выраженіе Иннокентія, но можно сказать положительно, что здѣсь Иннокентію принадлежатъ только мысли, а самый способъ выраженія ихъ, особенно-же тонъ—рѣзкій и задорный—уже составляетъ принадлежность самого автора житія Иннокентія

врагъ прехитрый и преискусный, и когда внушаетъ нѣчто оскорбляемый нашими нечистотами ангелъ? Повѣрь, что безъ глубокаго смиренія, все еще низко, грубо и можетъ быть ниже, нежели мы вообразить можемъ, а смиреніе не на словахъ быть должно, но и на самомъ дѣлѣ. Для гордости будетъ тяжело молчаніе, а для смиренія необходимо. Ей, остерегись" [1]).

Проповѣди самого Иннокентія отличались необыкновенною простотою и безыскуственностью. Но за его простотою скрывалась замѣчательная сила убѣдительности. Его слово дѣйствовало глубоко на сердца слушателей потому главнымъ образомъ, что оно само было перечувствовано въ душѣ самого проповѣдника и высказывалось имъ какъ готовый плодъ его собственнаго убѣжденія. Убѣжденіе проповѣдника объясняетъ собою и ту ревность, какая отпечатлѣвалась въ проповѣдяхъ Иннокентія, который всегда говорилъ ихъ съ живостью и воодушевленіемъ; его горячее чувство проникало и въ сердца его слушателей. Особенною силою и дѣйственностію отличались частныя, домашнія наставленія, какія имѣлъ обыкновеніе давать Иннокентій своимъ почитателямъ. Здѣсь онъ заявлялъ иногда удивительную дальновидность и проницательность. Проницательность его была такъ сильна, что когда онъ бесѣдовалъ наединѣ, то казалось, что онъ угадывалъ тайные помыслы и желанія своего собесѣдника. Иной прежде, чѣмъ успѣвалъ открыться предъ нимъ, былъ уже обличаемъ имъ въ тайныхъ проступкахъ. Другіе краснѣли отъ внутренняго обличенія совѣсти во время бесѣды съ Иннокентіемъ и чувствовали, что онъ какъ бы читалъ внутреннія чувства ихъ. Иногда простое, изустное, сказанное наединѣ наставленіе Иннокентія окончательно перерождало человѣка и отклоняло его отъ пути порока [2]).

Почитатель и любимецъ митрополита Михаила Иннокентій старался подражать ему и въ своей проповѣди. Онъ съ благоговѣніемъ относился къ Михаилу и высказывался о немъ, что сердце его всегда было полно добра и весь онъ исполненъ кротости и любви и что не могъ бы онъ такъ много бесѣдовать изустно, про-

---

[1]) Житіе Иннокентія составленное Фотіемъ.

[2]) Житіе Иннокентія.

повѣдуя въ церкви, если бы съ нимъ не была особенная благодать Божія. 15 іюля 1819 года Иннокентій въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ изъ Пензы, между прочимъ, писалъ: „я началъ подражать митрополиту Михаилу [1]) и бесѣдовать къ своей паствѣ въ своемъ соборѣ“. Онъ по примѣру митрополита Михаила въ Пензѣ весьма часто говорилъ поученія безъ приготовленія. „Предъ окончаніемъ литургіи, такъ однажды писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, Господь благословилъ сказать краткое поученіе, не писавши на бумагѣ и къ собесѣдованію съ слушателями нѣсколько приготовившись дома. О, есть сердца, жаждущія истины! Есть люди, любящіе слышать и уважать слово Божіе“.

Въ Петербургѣ, равно какъ и въ Пензѣ, находился многочисленный кружокъ почитателей проповѣдническаго таланта Иннокентія. Изъ петербургскихъ его знакомыхъ многіе просили у него проповѣдей, сказанныхъ имъ въ Пензѣ, но онъ не могъ удовлетворить желанію своихъ почитателей, потому что въ Пензѣ онъ, какъ самъ заявлялъ въ сьоихъ письмахъ, произносилъ свои проповѣди безъ тетради, а послѣ произношенія онъ не записывалъ ихъ. Да онъ былъ въ то время настолько слабъ и болѣзненъ, что положительно былъ не въ силахъ ихъ записывать аккуратно. „Вы требуете,—такъ писалъ онъ княгинѣ С. С. Мещерской по поводу ея просьбы о присылкѣ ей проповѣдей, говоренныхъ имъ въ Пензѣ,—хотя одной проповѣди моей говоренной въ Пензѣ. Глупость или лѣность моя причиною, что ни одной проповѣди, сколько ни говорилъ я, не писалъ. Писать вскорѣ послѣ сказыванія времени не было, да и можно сказать—не хотѣлось“ [2]).

О характерѣ и достоинствѣ проповѣдей Иннокентія, говоренныхъ имъ въ Пензѣ, сохранились самые лестные отзывы его современниковъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современныхъ ему

[1]) Иннокентій очень высоко ставилъ сочиненія м. Михаила, и чтеніе ихъ было однимъ изъ любимѣйшихъ его занятій. Находясь на одрѣ болѣзни, даже близкій къ смерти, Иннокентій тяжесть страданій облегчалъ чтеніемъ Евангелія, псалтири и бесѣдъ м. Михаила.

[2]) Письма Иннокентія пензенскаго къ С. С. Мещерской, письмо 53, стр. 74.

пензенскихъ гражданъ, Иннокентій съ такимъ восхищеніемъ, съ такою любовію проповѣдывалъ слово Божіе, что подлинно отъ избытка сердца глаголали уста его. Поученія его при всей своей простотѣ носили въ себѣ живыя черты небеснаго помазанія. Всѣ онѣ были не столько плодомъ усилій и напряженія, сколько полноты чувствъ и любви христіанской. Преосвященный Иннокентій болѣе всего любилъ говорить о крестѣ, терпѣніи и смиреніи. Тутъ онъ особенно возбуждался, и въ эту пору нерѣдко слезы появлялись у него на глазахъ. Слушатели, которыхъ всегда было очень много, видя это прерывали свое глубокое молчаніе одними воздыханіями [1])

Съ 1813 года Иннокентій состоялъ первымъ членомъ цензурнаго комитета и на себѣ одномъ несъ большую часть работъ, поступавшихъ въ комитетъ. Не смотря на то, что цензорство представляло для Иннокентія одно изъ побочныхъ его занятій, онъ и здѣсь трудился съ удивительною энергіею. Онъ одинъ служилъ душою всего цензурнаго комитета, другіе члены были членами болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Изъ отчетовъ цензурнаго комитета видно, что при Иннокентіѣ цензурный комитетъ состоялъ только изъ трехъ лицъ. Кромѣ самого Иннокентія въ числѣ членовъ цензурнаго комитета находились два протоіерея: Іоаннъ Бедринскій и Іоаннъ Данковъ. Труды ихъ распредѣлялись очень неравномѣрно, что съ очевидностью явствуетъ изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ. Въ 1813 году Иннокентій разсмотрѣлъ пять рукописей, другіе два члена ни одной; въ 1814 году Иннокентіемъ были разсмотрѣны семнадцать рукописей, протоіереемъ Бедринскимъ четыре и протоіереемъ Данковымъ одна рукопись; въ 1815 году Иннокентіемъ разсмотрѣны семнадцать рукописей, о. Бедринскимъ—одна и о. Данковымъ—также одна рукопись; въ 1816 году Иннокентій разсмотрѣлъ десять рукописей, Бедринскій—двѣ, а Данковъ три. Такимъ обр. Иннокентій, въ теченіи четырехъ (неполныхъ) лѣтъ будучи членомъ цензурнаго комитета, одинъ разсмотрѣлъ сорокъ девять рукописей, тогда какъ два другіе члена цензурнаго комитета за это же самое время оба вмѣстѣ разсмотрѣли не болѣе двѣнадцати.

[1]) Сочиненія Иннокентія, часть I, предисловіе XXI, изд. 1821 года.

То обстоятельство, что архимандритъ Иннокентій работалъ въ цензурномъ комитетѣ одинъ за всѣхъ, ложилось на него тяжелымъ бременемъ и отнимало у него массу времени. Так. образомъ не смотря на то, что цензорство являлось для него побочнымъ дѣломъ, оно отрывало его отъ главныхъ его обязанностей по семинаріи. Иннокентій по этому высказывалъ неоднократно желаніе отказаться отъ цензорства. Въ 1817 году онъ вошелъ въ цензурный комитетъ съ запискою слѣдующаго содержанія:

«Хотя въ уставѣ, цензурному комитету данномъ, не заключается правила о представленіи высшему начальству отчетовъ въ занятіяхъ комитета, но я почитаю не излишнимъ довести таковыя занятія до свѣдѣнія академической конференціи, почему и предложилъ цензурному комитету не благоугодно-ли будетъ составить отчетъ въ занятіяхъ онаго съ сентябрьской трети 1813 года, когда я вступилъ къ должность члена, и представить оный на усмотрѣніе конференціи съ заключеніемъ, дабы по умножившимся моимъ занятіямъ благоволено было уволить меня отъ дѣлъ комитета» [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, конференція академіи, а за нею и высшее духовное начальство не признали возможнымъ исполнить просьбу Иннокентія, потому что для всѣхъ было ясно, что съ увольненіемъ его отъ членства въ цензурномъ комитетѣ дѣятельность послѣдняго съузится до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Иннокентію волей неволей пришлось остаться въ числѣ членовъ цензурнаго комитета.

Какъ цензоръ, Иннокентій отличался аккуратностью и строгимъ отношеніемъ къ своему дѣлу. Онъ одинаково внимательно просматривалъ всѣ поступавшія на его заключеніе сочиненія. Чистота и вѣрность ученію православной церкви служили для него девизомъ, отъ котораго никогда не отступалъ—даже и тогда, когда отлично хорошо зналъ, что онъ шелъ на перекоръ взглядамъ всемогущаго министра духовныхъ дѣлъ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ.

13 марта 1817 года ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ, вошелъ въ цензурный комитетъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

---

[1]) Дѣло с. петерб. комитета духовн. цензуры 1817 года № 8.

«Господинъ тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, сенаторъ и кавалеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ представленную его сіятельству для поднесенія Государю Императору рукопись подъ названіемъ: «Изъясненіе на Евангеліе» препроводилъ ко мнѣ при отношеніи съ тѣмъ, чтобы я предложилъ оную на разсмотрѣніе духовной цензуры и сообщилъ-бы его сіятельству мнѣніе объ оной, на которомъ-бы основываясь могъ онъ сдѣлать донесеніе Его Императорскому Величеству. Согласно съ требованіемъ его сіятельства препровождаю означенную рукопись въ цензурный комитетъ духовной академіи съ тѣмъ, чтобъ онъ благоволилъ разсмотрѣть оную по даннымъ ему для руководства правиламъ, и доставить мнѣ при возвращеніи сей рукописи свѣдѣнія: такова-ли сія книга, чтобы она могла быть безпрепятственно напечатана, и такого-ли она достоинства, чтобы могла быть издана съ пользою для духовнаго просвѣщенія».

Въ цензурномъ комитетѣ рукопись рѣшено было передать на разсмотрѣніе перваго члена комитета архимандрита Иннокентія, который 30 декабря 1817 года представилъ о ней слѣдующій довольно любопытный отзывъ:

«Книгу подъ названіемъ «Изъясненіе на Евангеліе», выбранное изъ толкованія блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, по своду Евангелія, изданному Чеботаревымъ по порученію комитета читалъ я и нашелъ въ ней: 1) странную смѣсь Ѳеофилактовыхъ извлеченій изъ Златоуста съ порядкомъ Чеботаревымъ. Въ ней не видно ни истиннаго толкованія Златоустова, поелику блаженный Ѳеофилактъ по своему образу мыслей только почерпалъ изъ пространныхъ Златоустовыхъ бесѣдъ на Евангеліе, ни собственно извлеченій блаженнаго Ѳеофилакта, поелику связь соблюдаемая Ѳеофилактомъ въ евангельскихъ происшествіяхъ и притомъ особенная у каждаго евангелиста потеряна для порядка, сдѣланнаго Чеботаревымъ.

2) Темноту въ выраженіи, въ соединеніи мыслей и въ самыхъ мысляхъ. Всѣ сіи виды *темноты* и *збивчивости* встрѣчаются весьма часто, иногда всѣ на одной страницѣ и не одинъ разъ. Изъ множества ихъ для образца здѣсь помѣщаются нѣкоторыя. Предисловіе стран. XѴ: объ Іоаннѣ евангелистѣ говоритъ: Сей-же (Іоаннъ) о предвѣчномъ сказалъ: дабы не подумалъ кто, что Христосъ тогда первѣе въ бытіе произшелъ, когда отъ Маріи родился. Сего ради великій Іоаннъ, о горнемъ рожденіи восприемля, не оставилъ упомянуть и о воплощеніи Слова. Такой слѣпокъ понятій кажется не свойственъ ни Златоусту, ни блаженному Ѳеофилакту.—На той-же XѴ стран. можно видѣть недостатки въ языкѣ. Стран. 2-я на оборотѣ: Необычнымъ видѣніемъ и

святые смущаются. Но Ангелъ останавливаетъ мятежъ. Имѣй признакомъ отъ Бога бываемымъ и бѣсовскимъ, сіе: ежели отъ мятежа начнется страшить помыслъ и вскорѣ уставится разрушаемому страху, божественное есть видѣніе—отъ неисправности перевода мысль представляется неудобопонятною.

Стр. 3-я толкованіе на 18—20 ст. 1-й главы Ев. Луки. Хотя и святъ Захарія, однако къ чуду дѣтотворенія взирая неудобно вѣровалъ: а потому Ангелъ санъ свой повѣдаетъ: Азъ есмь Гавріилъ предстояй предъ Богомъ, а не льстецъ. И наказывается Захарія какъ ослушавшійся глухотою и какъ противорѣкій молчаніемъ. Прообразовалъ-же сіе и на іудеевъ: какъ онъ будучи старецъ и безплоденъ и не вѣровавъ родилъ Сына большаго пророковъ. Такъ іудейское священство обетшавшее... и не послушливое бывшее, однако Слово Божіе владыку пророковъ, родило во плоти: Ему-же родившемуся бывшіе прежде не послушливые въ вѣру доброгласно пришли. Здѣсь погрѣшности и въ изъясненіи и въ языкѣ—въ изъясненіи, потому что несправедливо будто-бы Захарія наказанъ глухотою, сего нѣтъ въ Евангеліи, еще будто-бы іудейское священство безплодное и непослушливое родило Божіе Слово, сего также непотерпитъ слово истины.

А погрѣшности языка безъ замѣчанія сами собою представятся каждому читателю.

3) Сверхъ сего есть другія странныя изъясненія и мысли, напримѣръ: «и оба замоторевша во днѣхъ своихъ бѣста (Захарія и Елизаветъ) и по плоти и по духу. По душѣ замоторѣли т. е предъуспѣли, восхожденіе въ сердцѣ полагая день имѣюще, а не нощь житіе какъ во свѣтъ ходяще благообразно».—Странно слагаются понятія какъ будто сходныя между собою—заматорѣть *по плоти и по духу*. Старость или замотореніе по плоти, очевидно есть недостатокъ, и замотореніе по духу изъяснитель почитаетъ совершенствомъ.

Стран. IX на оборотѣ. А что отъ преселенія вавилонскаго до Христа родовъ четыренадесять сказано, а лицъ тринадесять, то можно-бы приложить Богородицу, ежели бы родословилася жена. Но нѣкоторые самое преселеніе вмѣсто лица сказываютъ. Изъяснитель открывъ несообразность въ численіи евангельскомъ оставляетъ его безъ рѣшенія, потому что недостатокъ числа Богоматерію, самъ отвергаетъ такое дополненіе, а потомъ вводя мнѣніе будто-бы кто-то самое преселеніе называлъ лицемъ четырнадцатымъ, показываетъ болѣе нелѣпость мнѣнія нежели разрѣшеніе.

И потому заключилъ, что сіе изъясненіе на Евангеліе не принесетъ никакой пользы по изданіи въ свѣтъ, да и къ напечатанію не можетъ быть одобрено.

Цензурный комитетъ утвердилъ въ общемъ своемъ засѣданіи мнѣніе архимандрита Иннокентія и возвратилъ рукопись ректору академіи, епископу Филарету, отъ котораго она и доставлена была въ комитетъ по приказанію князя Голицына [1]).

Второй случай. 29 марта 1817 года по порученію князя А. Н. Голицына архимандритъ Иннокентій внесъ въ цензурный комитетъ на разсмотрѣніе рукопись подъ названіемъ: „Разговоръ духовника съ кающимся христіаниномъ и желающимъ приступить къ святому причащенію" и просилъ комитетъ, разсмотрѣвъ ее, дать о ней мнѣніе для сообщенія онаго министру духовныхъ дѣлъ. Цензурный комитетъ по обыкновенію разсмотрѣніе полученной отъ князя Голицына рукописи поручилъ самому Иннокентію. Спустя нѣкоторое время Иннокентій далъ слѣдующій отзывъ о рукописи, адресованный имъ прямо на имя князя Голицына.

«Сіятельнѣйшій князь,

Милостивый государь!

При отношеніи вашемъ присланный ко мнѣ въ рукописи «Разговоръ духовника съ кающимся христіаниномъ и желающимъ приступить ко святому причащенію», переведенный и исправленный смоленской епархіи священникомъ Соколовымъ, разсмотрѣнъ духовнымъ цензурнымъ комитетомъ, который нашелъ, что 1) переводчикъ не соблюлъ чистоты и правильности въ языкѣ, такъ какъ видно между прочимъ изъ первыхъ строкъ первой страницы и перваго вопроса, гдѣ кающійся проситъ наставленія въ отношеніи назиданія души своей. «Наставленіе въ отношеніи назиданія души» не говорится по русски. Подобныхъ мѣстъ много.

2) Вмѣсто исправленія, какъ г. переводчикъ обѣщалъ въ предувѣдомленіи, не исправилъ того, что не сообразно съ постановленіями и ученіемъ церкви: именно на второй страницѣ духовникъ внушаетъ кающемуся не исповѣдь, какъ необходимое приготовленіе къ причащенію, но самоиспытаніе, и присоединяетъ: состояніе души твоей извѣстно можетъ быть только тебѣ, а не другому. Напротивъ св. апостолъ Павелъ и церковь учатъ исповѣдывать другъ другу согрѣшенія, или открывать сердце, дабы въ глубокихъ его изгибахъ не утаился грѣхъ, коего своимъ глазомъ никакъ примѣтить не можно. Для лютеранина-же довольно *самопознанія*, потому что ему наше таинство покаянія кажется ненужнымъ и не есть таинство. И церковь впрочемъ требуетъ самопознанія,

[1]) Дѣло архива с.-петерб. комитета духовной цензуры 1817 года, № 3.

но какъ предварительнаго дѣйствія предъ таинствомъ покаянія, и предписываетъ возобновлять его каждый вечеръ и утро, а такимъ образомъ чрезъ самопознаніе приводитъ къ таинству покаянія, дабы чрезъ таинство покаянія привести къ таинству причащенія.

На вопросъ: лицемѣры и невѣрующіе ѣдятъ-ли тѣло Христово и піютъ-ли кровь Его? отвѣта нѣтъ. Они принимаютъ только наружные знаки, или стихіи. Такой отвѣтъ явно противорѣчитъ словамъ Апостола: *ядый и піяй не достойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ* т. е. лицемѣры и невѣрующіе пріемлютъ въ евхаристіи не одни наружные знаки: но самое тѣло и самую кровь Христову, только въ судъ или въ осужденіе себѣ, а не во исцѣленіе и жизнь.

Въ рукописи читается: вѣра есть жизнь души и потому человѣкъ мертвый грѣху не можетъ быть Христомъ питаемъ. Выраженіе мертвый грѣху не выразумлено. Апостолъ называетъ мертвымъ міру того, кто ожилъ Христу, слѣдовательно и мертвый грѣху есть тотъ, кто ожилъ правдѣ, а потому и можетъ питаться Тѣломъ Іисуса Христа.

Слѣдующій за симъ вопросъ духовника также не ясенъ, а не ясными и противными выраженіями помрачается или опровергается истина.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова св Писанія, извлеченныя по намѣренію г. переводчика въ подтвержденіе мыслей авторскихъ, не подтверждаютъ ихъ и не свое мѣсто занимаютъ: напримѣръ на слова автора «Іисусъ Христосъ содѣлался человѣкомъ» приведенъ текстъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* и пр.

Посему цензурный комитетъ заключилъ: не можно г. переводчику позволить печатаніе разговора, доколѣ не исправитъ недостатковъ языка, неправильности мыслей и приложенія слова Божія къ словамъ сочинителя. Препровождая вашему сіятельству мнѣніе комитета и подлинную рукопись, имѣю честь быть и пр. [1]).

Подобные строго критическіе, хотя и правдивые, отзывы о. Иннокентія не всегда могли нравиться министру духовныхъ дѣлъ, который весьма часто любилъ брать на себя хлопоты по изданію книгъ религіознаго характера, хотя при этомъ обнаруживалъ мало разборчивости къ ихъ содержанію.

Выше были указаны условія, способствовавшія выступленію Иннокентія въ роли борца противъ господствовавшаго въ обществѣ мистицизма. Не сомнѣнно, Иннокентій остался-бы въ сторонѣ отъ борьбы или во всякомъ случаѣ выступилъ-бы дѣйствующимъ лицомъ въ ней позднѣе, чѣмъ обнаруживалось на дѣлѣ, если-бы не уче-

---

[1]) Дѣло архива с.-петербург. комитета духовной цензуры 1817 года, № 4.

никъ его Фотій. Самъ открыто и рѣзко выступивъ на борьбу, Фотій постарался вовлечь въ нее и своего друга и учителя Иннокентія. Послѣдній, отличавшійся сколько добрымъ, столько-же и мягкимъ, уступчивымъ характеромъ, не могъ долгое время устоять противъ настойчивыхъ убѣжденій своего энергическаго ученика. Впечатлительный, горячій по своему темпераменту, что при извѣстной его болѣзненности естественно должно было выражаться въ еще болѣе рѣзкой формѣ, Иннокентій сдавался иногда предъ настойчивостью Фотія и дѣйствовалъ слѣпо по его указаніямъ и въ духѣ его полемическихъ плановъ. Но выпадали случаи, когда онъ давалъ и отпоръ навѣтамъ своего ученика.—Самъ Фотій въ своей автобіографіи неоднократно высказываетъ жалобы на своего обожаемаго учителя по поводу его уступчивости предъ мистиками и даже его слабости. Мало того Фотій сообщаетъ и то весьма важное свѣденіе, что Иннокентій самъ лично возставалъ противъ того полемическаго задора, съ которымъ Фотій относился къ борьбѣ съ противниками. „*Самый Иннокентій даже былъ противъ него (т. е. Фотія) вооруженъ*,“ пишетъ Фотій въ своей автобіографіи [1]). Эти слова по времени относятся къ 1818 году. Значитъ еще и въ это время Иннокентій окончательно не опредѣлилъ своего положенія въ борьбѣ съ мистиками и колебался. Вообще нужно сказать, что Иннокентій мягче и снисходительнѣе относился къ противоположному направленію, чѣмъ Фотій. Если-же онъ тѣмъ не менѣе позволялъ себѣ иногда выходить за предѣлы умѣренности, то это происходило всегда почти подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на него Фотія.

Въ первые годы въ Иннокентіѣ не только не замѣчается особенной рѣшимости выступить на борьбу, но даже теоретическія его воззрѣнія, насколько только можно судить по сохранившимся даннымъ, имѣли нѣсколько отличный отъ Фотіевыхъ характеръ. Тотъ и другой иногда расходились во взглядахъ на значеніе массами выходившихъ въ то время разныхъ религіозно-нравственныхъ сочиненій съ мистическимъ оттѣнкомъ. У Иннокентія не была развита въ такой сильной степени подозрительность ко всему окружающему,

---

[1]) Книга II, гл. I.

какую всегда заявлялъ Фотій [1]). Въ 1815 и 1817 годахъ Иннокентій, какъ духовный цензоръ, допустилъ къ напечатанію сочиненіе—„Истинное человѣковъ зерцало“ [2]), тогда какъ у Фотія это сочиненіе не заслуживало никакого другаго названія кромѣ „скверной“ книги [3]).

Какъ духовный цензоръ, Иннокентій, хотя и отъ имени всего цензурнаго комитета, въ предѣлахъ данной ему власти старался предупреждать появленіе мистическихъ сочиненій. Въ 1813 году въ цензурный комитетъ представлена была на разсмотрѣніе книга „Сравнительная философская исторія“ Г. Дежерандо, въ трехъ томахъ. Иннокентій не допустилъ къ печати это сочиненіе и отправилъ его въ коммиссію духовныхъ училищъ, присоединивъ къ нему и написанныя имъ противъ этого сочиненія подробныя замѣчанія. Въ 1814 году въ цензурномъ комитетѣ получена была на разсмотрѣніе книга подъ названіемъ: „Торжество евангелія“ вмѣстѣ съ сдѣланными на нее московскою духовною цензурою замѣчаніями. Разсмотрѣвши сочиненіе, Иннокентій не счелъ возможнымъ пропустить его и съ подробными примѣчаніями отправилъ его въ коммиссію духовныхъ училищъ. Въ 1816 году сочиненіе „торжество евангелія“ изъ коммиссіи духовныхъ училищъ снова поступило на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, но и здѣсь оно долгое

---

[1]) Вотъ одинъ любопытный фактъ, свидѣтельствующій о разности во взглядахъ Фотія и Иннокентія, — фактъ, въ которомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ переданъ самимъ Фотіемъ. Послѣдній пишетъ о г-жѣ Хвостовой, что «глупыя письма ея печатались и были съ усердіемъ отъ многихъ читаемы: самъ великій мужъ ректоръ семинаріи Иннокентій, читая нѣкогда, восхвалялъ письма ея и называлъ ее (Хвостову) христіанкою примѣрною. Фотій же ему сказалъ: отче! мы здѣсь на землѣ живемъ, а не въ раи Божіемъ. Святая праматерь Евва отъ змія была уловлена, а змій чрезъ нее уловилъ праотца, то уже ли Хвостову сатана не можетъ уловить, а чрезъ нее ученыхъ и духовныхъ?... Единое знаю, что Хвостова есть лже-христіанка, духъ ученія ея происходитъ отъ діавола... На что великій Иннокентій былъ согласенъ и оттолѣ не имѣлъ уже вѣры ея ученію». Автобіографія, кн. П, 80.

[2]) Дѣло архива с.-петербургскаго цензурнаго комитета 1817 г., № 2.

[3]) Первая книга собранныхъ Фотіемъ матеріаловъ, № 40 въ рукописи черниговской семинаріи.

время находилось въ неопредѣленномъ положенiи и выпущено было въ свѣтъ уже послѣ Иннокентія [1]).

Въ 1815 году была напечатана, а въ 1816 году выпущена въ свѣтъ книга подъ названіемъ „Побѣдная повѣсть“ или истолкованіе Апокалипсиса. Это былъ переводъ одного изъ сочиненій Штиллинга, сдѣланный А. Ѳ. Лабзинымъ. Побѣдная повѣсть, отличаясь крайнимъ развитіемъ мистицизма, отзывалась въ тоже время направленіемъ совершенно противнымъ духу православной вѣры. Въ ней, по словамъ одного хотя и не совсѣмъ безпристрастнаго современнаго критика, находилось не мало оскорбительнаго для православія. Побѣдная повѣсть отрицательно относится ко внѣшней практикѣ церкви,—святые храмы приравниваетъ къ языческимъ капищамъ, отрицаетъ поклоненіе иконамъ и под. [2]). Другой критикъ Побѣдной повѣсти, архимандритъ Фотій, приписываетъ автору ея мнѣніе о имѣющемъ скоро послѣдовать пришествіи Сына Божія на землю и объ открытіи Имъ тысячелѣтняго царства на землѣ [3]). Епископъ Филаретъ, старавшійся держаться въ сторонѣ и уклончиво среди борьбы направленій и потому способный болѣе другихъ оцѣнить внутреннія достоинства и недостатки изданной книги, и тотъ осуждалъ ее и видѣлъ въ ней много признаковъ протестантства, и это не смотря на то, что онъ находился въ короткихъ отношеніяхъ съ Лабзинымъ, издателемъ Побѣдной повѣсти [4]). По словамъ протоіерея Кочетова, „Побѣдная повѣсть есть толкованіе на Апокалипсисъ, но такое, въ которомъ неблагонамѣренный сочинитель употребляетъ слово Божіе только въ орудіе своихъ видовъ. Послѣдуя ложнымъ вычисленіямъ Бенгеля, онъ опредѣляетъ, въ противность Евангелію, не только положительную близость временъ, но и самый точный годъ (1836 г.) втораго пришествія Христова. О тысящелѣтіи говоритъ и пространно, и рѣшительно, какъ о вещи ему знакомой......Лютера и Бенгеля

---

[1]) Дѣло архива с.-петербургскаго комитета духовной цензуры 1817 г., № 8.

[2]) *Смирновъ Стефанъ.* Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1858 г. книга IV.

[3]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

[4]) Сушковъ. 105—111.

почитаетъ за первыхъ двухъ ангеловъ, упоминаемыхъ въ откровеніи Іоанна... Церковь восточная—греческая не есть святая и православная, но крайне поврежденная, ужасно развратившаяся и николаитская... Духъ Христовъ сохраняется и сохранится до конца міра только въ ѳіатирской т. е. богемо-моравской, гернгутерской братской церкви“ [1]).

Иннокентій возревновалъ противъ Побѣдной повѣсти и прямо называлъ ее противною православію. Другъ Иннокентія, практическій Филаретъ, проще взглянулъ на дѣло и постарался его успокоить. Онъ между прочимъ увѣрялъ его, что книга Лабзина пропущена свѣтской цензурой и потому на духовной цензурѣ не лежитъ за нее никакой отвѣтственности. Затѣмъ Филаретъ основательно убѣждалъ своего друга, что онъ беретъ на себя такое великое дѣло спасенія церкви, которое не отвѣчаетъ его скромному положенію, что имъ, двумъ архимандритамъ, не пересоздать строй современной жизни церкви, что эта обязанность первѣе всего принадлежитъ представителямъ церкви, а не чадамъ ея. Иннокентій подъ вліяніемъ сильныхъ доводовъ Филарета успокоился, но—не надолго. Такое колебаніе его объясняется двумя совершенно противуположными вліяніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ всегда находился. Довѣрчивый, впечатлительный, искренній и ко всему этому больной Иннокентій то поддавался убѣжденіямъ Фотія и дѣйствовалъ горячо и рѣзко противъ мистиковъ, то склонялся предъ мудрыми, испытанными совѣтами Филарета и тогда дѣйствовалъ сдержанно съ умѣренностью и осторожностью. Но упорный Фотій систематически дѣйствовалъ на своего учителя и постоянно вызывалъ его на открытую борьбу и въ то-же время возбуждалъ въ Иннокентіѣ недовѣріе къ самому Филарету.

Не мало вооружался Иннокентій и противъ другихъ мистическихъ изданій, какова напримѣръ „Божественная философія“ [2]).

---

[1]) «Христіанское Чтеніе». 1872 годъ. Томъ I, стр. 703—704. Сравн. «Русск. Архивъ» 1868 г. 1352—1354. Записка о крамолахъ враговъ Россіи.

[2]) Сочиненіе Дю-Туа М. 1812. 2-е изданіе 1819 г. въ шести частяхъ. Противъ этого сочиненія возставалъ и Евст. Станевичъ. Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, второе изданіе. С. Петербургъ. 1825, 74.

Извѣстный ученый протоіерей Г. П. Павскій сдѣлалъ слѣдующую характеристику автора Божественной философіи: „Дю-Туа, по его словамъ, швейцарскій пасторъ, жившій въ концѣ прошедшаго столѣтія, державшійся сначала заблужденій, оставившій пасторство, чтобы ихъ не проповѣдывать, покушавшійся на жизнь свою, отъ сильнаго присутствія въ себѣ внутренняго свѣта находившій развлеченіе въ картахъ, прочитавшій всѣхъ мистическихъ писателей безъ разбора, при увлеченіи ученіемъ г-жи Гіонъ—издавшій вновь съ великими трудами всѣ ея сочиненія, выдававшій себя за вдохновеннаго, за посланника Божія, подъ конецъ жизни чувствовавшій въ себѣ неодолимую потребность сообщить другимъ то, что въ необычайномъ обиліи получилъ будтобы отъ Бога“ [1]).

Незадолго до назначенія своего въ епископа Иннокентій, какъ духовный цензоръ, получилъ на разсмотрѣніе книгу „систему философскую новѣйшаго времени“. „Слезъ не достанетъ, говорилъ онъ между прочимъ въ одной своей бесѣдѣ съ Фотіемъ, только что прочитавши эту книгу, у здравомыслящаго не только христіанина, но и у всякаго любомудраго и добраго человѣка оплакивать раны, какія сія нечестивая философія можетъ сдѣлать въ умахъ и сердцахъ, если только будетъ читаема и преподаваема въ школахъ; мнѣ она прислана на разсмотрѣніе, дабы я одобрилъ оную въ ученыхъ мѣстахъ преподавать. Но какъ можно согласиться одобрить ее, когда она вся состоитъ изъ нездравыхъ и нечистыхъ мудрованій? И нынѣ не одна сія философія въ свѣтъ вышла, но тьма темъ подобныхъ вредныхъ писаній являются со дня на день“.

Поклонники мистицизма дѣлали нѣсколько попытокъ къ тому, чтобы перетянуть на свою сторону Иннокентія, какъ человѣка извѣстнаго своимъ высокимъ просвѣщеніемъ и еще болѣе своею святою жизнію, но конечно попытки ихъ всегда оканчивались неудачею. Въ житіи Иннокентія Фотій помѣщаетъ слѣдующій разсказъ, который онъ, по его словамъ, слышалъ отъ Иннокентія. „Я былъ у нѣкихъ великихъ боляръ иностраннаго исповѣданія, такъ однажды разсказывалъ Фотію Иннокентій, — бесѣдовалъ я съ ними о вѣрѣ

---

[1]) «Христіанское Чтеніе». 1872 г. Томъ I, стр. 707.

много: и они мнѣ предлагали о соединеніи всѣхъ церквей и всѣхъ вѣръ во едино и особенно сказывали возможность прежде всего соединить лютеранское исповѣданіе съ восточнымъ, греко-россійскимъ: сказывали же и образъ вѣры новыя, коимъ можно соединить всѣхъ тѣхъ и другихъ во едино исповѣданіе. Видя и слыша лукавство сихъ князей, дѣйство сатанино въ сердцахъ ихъ, я отказался отъ собесѣдованія съ ними навсегда. Дивно, что уже во дни сія есть слуги и лукавые духи въ нихъ же тайна беззаконія дѣется, слывущая за святость нынѣ подъ видомъ очищенной религіи и вновь рождающейся церкви. Въ бесѣдахъ, въ книгахъ, въ обществахъ новыхъ временъ говорится и читается о какой-то новой вѣрѣ, новомъ ученіи, новыхъ тайнахъ, новой церкви, о новомъ царствіи духовномъ, о новой святости, о новомъ чаяніи, и о какой-то новой истинной любви, о чемъ во откровеніи совершенно умолчано. Ахъ, брате! едва-ли то все новое, откровеніемъ умолчанное, не есть явнымъ признакомъ тайны беззаконія и духа антихристова“ [1]). Трудно опредѣлить степень исторической достовѣрности сообщаемаго Фотіемъ разсказа.

Въ то время, когда Иннокентій находился въ состояніи колебанія и нерѣшительности относительно выступленія на открытую борьбу съ мистицизмомъ, послѣдняя начата была другимъ лицомъ. То былъ Стефанъ Смирновъ, переводчикъ московской медицинской академіи [2]). 17 августа 1816 г. Смирновъ подалъ Императору

---

[1]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

[2]) Любопытенъ отзывъ Фотія о Смирновѣ. «Чиновникъ Стефанъ Смирновъ, говоритъ онъ о немъ въ своей автобіографіи, многія книги писалъ противу зловѣрія: дѣлалъ апологіи и разсылалъ, на многія вышедшія книги еретическія написалъ опровершенія и обличенія заблудшимъ, посланія его многія читалъ и кромѣ его толкованій нѣкоторыхъ иныя разительны его обличенія и разумны: имѣютъ силу и убѣдительность. Сей ревнитель, поборникъ церкви, терпѣлъ гоненія многія, слышно было, что не имѣетъ даже мѣста нигдѣ ему приличнаго для службы, онъ съ семействомъ питается милостынею православныхъ. Стефанъ Смирновъ столь неутомимъ былъ въ написаніи книгъ и опровершеній противу сектъ и книгъ безбожныхъ и еретическихъ, что у него великія и многія книги написаны собственноручно». Ему помогала извѣстная почитательница Фотія графиня А. А. Орлова. Автобіографія, книга II, глава послѣдняя. Отзывъ Фотія о Смирновѣ страдаетъ преувеличеніями. Литератур-

Александру I письмо, въ которомъ вооружался противъ появленія въ Россіи мистическихъ книгъ, въ коихъ доносчикъ видѣлъ отступничество отъ православія и серьезную опасность даже для государства [1]). Доносъ Смирнова, на нѣкоторое время оставшійся безъ послѣдствій, при соединеніи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами и вызвалъ Иннокентія на болѣе рѣшительный образъ дѣйствій противъ мистиковъ.

У Иннокентія произошло столкновеніе съ извѣстнымъ мистикомъ Лабзинымъ. Послѣ прекращенія „Сіонскаго Вѣстника“ въ 1806 г. Лабзинъ занимался переводомъ и распространеніемъ мистическихъ сочиненій, которыя онъ и издавалъ, не объявляя своего имени. Князь Голицынъ все болѣе и болѣе примыкалъ къ кругу послѣдователей мистики съ Лабзинымъ во главѣ. 12 декабря 1816 г. по ходатайству Голицына государь пожаловалъ Лабзину орденъ Владиміра 2 степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ“ [2]). Высочайшая милость ободрила Лабзина и онъ началъ домогаться возобновленія своего мистическаго журнала. Въ 1817 году дѣйствительно Лабзину Высочайше повелѣно было снова издавать „Сіонскій Вѣстникъ“ на прежнихъ основаніяхъ — съ подчиненіемъ его свѣтской цензурѣ.

Иннокентій въ началѣ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Лабзинымъ и уважалъ его за его искреннее религіозное чувство. Но увлеченія Лабзина мистикою поселили холодность между нимъ и Иннокентіемъ. „Сколько прекрасныхъ вещей, говорили Лабзину иногда вмѣстѣ Филаретъ и Иннокентій, которыя бы можно было печатать съ пользою для многихъ, не касаясь этихъ (т. е. мистическихъ) особенностей“ [3])? Эти слова Иннокентія и Филарета отно-

---

ный талантъ и заслуги Смирнова были *слишкомъ слабы*, какъ увидимъ ниже, для того чтобы ему можно было расточать панегирики. Изъ переводовъ Смирнова извѣстны: «Іудейскія письма къ Вольтеру». Филаретъ черниговскій, Обзоръ, кн. II, 238—239. 2-е изд. Сравн. записки А. Стурдзы. «Русск. Старина» 1876 г. Февраль.

[1]) Напечатано въ чтеніяхъ общества истор. и древн. 1858 года, книга IV, 139—142.

[2]) «Русскій Архивъ» 1866 г. 817—837. 858.

[3]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. «Православное Обозрѣніе». 1868 г. № 8.

сились къ первымъ выпускамъ „Сіонскаго Вѣстника" до 1806 г. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе Лабзинъ погружался въ мистическія бредни и оказался нечувствительнымъ къ убѣжденіямъ другихъ людей болѣе съ здравыми религіозными воззрѣніями. Иннокентій дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ исправленію Лабзина, но всѣ онѣ оказались не только безуспѣшными, но даже въ концѣ концовъ разразились несчастіями для самого исправителя чужихъ увлеченій.

Какъ уже извѣстно, архимандритъ Иннокентій сильно вооружался противъ „Побѣдной повѣсти" Юнга Штиллинга и прямо объявлялъ ее противною православію, что, какъ видно изъ вышеприведенныхъ отзывовъ современниковъ, было совершенною истиною. „Въ символѣ вѣры исповѣдуемъ: и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его-же царствію не будетъ конца, такъ разсуждалъ однажды Иннокентій по поводу выхода въ свѣтъ „Побѣдной повѣсти" въ уединенной бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей (Фотіемъ), а въ Побѣдной повѣсти вѣщается, что аки бо еще грядетъ Господь царствовать на тысящу лѣтъ на земли. Въ писаніи речеся: что о днѣ и часѣ, о временахъ и лѣтахъ никто-же вѣсть, ни ангели небесніи, а въ побѣдной повѣсти лепечетъ духъ демона, что аки-бы грядетъ въ 1836 году" [1]).

Иннокентій „возревновалъ" противъ переводчика Побѣдной повѣсти и рѣшился съ своей стороны сдѣлать попытку къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ предупредить появленіе въ свѣтъ другихъ подобнаго рода сочиненій. Для того, чтобы пріостановить дѣятельность Лабзина по изданію мистическихъ сочиненій, онъ обратился къ мѣрамъ нравственнаго воздѣйствія на рьянаго поклонника мистицизма. Но эти мѣры оказались безплодными. Иннокентій, по словамъ житія, составленнаго Фотіемъ, „сгарая ревностію по Бозѣ Вседержителѣ, послалъ іерея возвѣстить сему ересіарху (Лабзину) покаяніе, говоря тако: иди и рцы Лабзину: престани отъ злыхъ твоихъ начинаній, покайся, аще ли преслушаешь слово мое, вскорѣ пріидетъ на тебя гнѣвъ Божій и поразитъ тя Господь Богъ, дон-

---

[1]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

деже погубитъ тя“. Лабзинъ и не думалъ исправляться и на слова нравственныхъ угрозъ Иннокентія отвѣчалъ съ дерзостью и фанатическимъ увлеченіемъ: „кто есть Иннокентій и вси съ нимъ? Они и во ученики мнѣ не годятся“ [1]). „И вотъ порази его Господь Богъ изступленіемъ ума и бѣжалъ погрязнуть въ воду, но былъ спасенъ руками своихъ“. Лабзинъ не только не обратилъ вниманія на увѣщанія, но даже сталъ домогаться права возобновленія изданія своего Сіонскаго Вѣстника и, какъ извѣстно, получилъ его въ 1816 году. Иннокентій на домогательство Лабзина объ изданіи Сіонскаго Вѣстника отвѣчалъ ему новыми нравственными угрозами еще болѣе рѣшительнаго характера, которыя и теперь не достигли своей цѣли. Иннокентій по словамъ житія, составленнаго Фотіемъ, поручилъ одному изъ родственниковъ Лабзина передать ему отъ своего имени слѣдующее внушеніе: „аще не обратишися отъ грѣховъ своихъ, поразитъ тя Господь Богъ неистовствомъ и слѣпотою и изступленіемъ ума и будеши осязаяй въ полудни, якоже осязаетъ слѣпый во тьмѣ, и не исправишь путей и будеши въ гаданіе и притчу и повѣсть во всѣхъ языцѣхъ, и пріидутъ на тя вся клятвы сія, и поженутъ тя, и постигнутъ тя дондеже погубятъ тя и дондеже потребятъ тя, *яко не послушалъ еси гласа Господа Бога твоего*. По семъ видя Богъ, яко отступи отъ Него сердцемъ, предалъ его духу печали, и нападе на него духъ лютъ, муча его, повергая долу, бія и сотрясая“. Представленный разсказъ Фотія о двухъ проклятіяхъ, какія посылалъ Иннокентій Лабзину, едва-ли соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, или во всякомъ слу-

---

[1]) А. Ѳ. Лабзинъ вообще былъ очень способенъ на выходки. Вотъ одна изъ нихъ, кончившаяся для него ссылкою въ Симбирскъ. Президентъ академіи художествъ Оленинъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи академіи о баллотированіи въ почетные любители — члены академіи: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря (т. е. Лабзина), что отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ они могутъ быть полезны академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по положенію только такіе баллотируются въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовію къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ, что эти лица близкіе государю.

— «А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидитъ къ его величеству спиною». Воспоминанія А. Л. Витберга, «Русск. Старина» 1872 г., томъ V. Сравн. «Русск. Старину» 1875 г. Октябрь.

чаѣ страдаетъ крайними преувеличеніями. Иннокентій по своему характеру не могъ передавать такихъ грозныхъ уже чисто пророческихъ обличеній, да еще при томъ черезъ родственниковъ самого Лабзина. А потомъ,—въ словахъ Иннокентія, какія приписываетъ ему Фотій, онъ выступаетъ отчетливо какъ выразитель особаго повелѣнія Божія, какъ святой мужъ, предвѣщающій будущее, чего никакъ не могъ приписать себѣ самъ Иннокентій. Вѣрнѣе всего тонъ проклятій Иннокентія, какъ называетъ его нравственные совѣты Фотій, приданъ самимъ авторомъ житія Иннокентія тѣмъ болѣе, что этотъ тонъ вполнѣ въ духѣ всей дѣятельности самого Фотія. Изъ разсказа Фотія о проклятіяхъ Иннокентія, обращенныхъ имъ къ Лабзину, можно съ достовѣрностію допустить только тотъ одинъ выводъ, что Иннокентій дѣйствительно не разъ пытался мѣрами нравственнаго убѣжденія исправить увлеченія Лабзина и навести его на болѣе вѣрный путь религіознаго сознанія. Лабзинъ остался не преклоненъ предъ убѣжденіями Иннокентія.

Между тѣмъ Смирновъ, открывшій борьбу съ мистиками подачею доноса Императору Александру, велъ ее своимъ порядкомъ. Возмущенный до глубины души крайнимъ протестантско-мистическимъ духомъ и враждою къ православной церкви „Побѣдной повѣсти“, Смирновъ рѣшился критически разобрать ее и въ отвѣтъ на нее составилъ особое сочиненіе подъ названіемъ: „Вопль жены, облеченной въ солнце“ [1]). Возраженіе Смирнова на книгу „Побѣдная повѣсть“ представлено было на разсмотрѣніе с.-петербургскаго комитета духовной цензуры. Иннокентій, разсматривавшій рукопись Смирнова, хотѣлъ было пропустить ее къ печати, но Филаретъ удержалъ его изъ вполнѣ основательнаго опасенія, „чтобы не произвести напраснаго волненія“. Митрополитъ Михаилъ согласился съ практическими соображеніями Филарета и также далъ совѣтъ Иннокентію не выпускать въ свѣтъ книгу Смирнова, такъ по крайней мѣрѣ представляетъ дѣло самъ Филаретъ [2]). Такимъ

---

[1]) Рукописи императорской публичной библіотеки, отдѣленіе I, Q. №№ 750 и 465, и отд. I, F. № 458.

[2]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. «Православное Обозрѣніе», 1868 года, № 8, 524—525. Сушковъ. Записки о жизни митрополита Филарета, 110—115.

образомъ возраженіе Смирнова осталось навсегда въ рукописи. Поэтому Фотій былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, когда въ своей автобіографіи неоднократно высказывалъ свои жалобы на то, что Иннокентій безмолвствовалъ предъ врагами церкви [1]).

Относительно „Вопля жены" соч. Смирнова слѣдуетъ сказать, что авторъ его не обнаружилъ въ немъ ни большаго критическаго таланта, ни даже приличія. Такъ какъ это сочиненіе до сихъ поръ осталось въ рукописи и мало кому извѣстно его содержаніе, то, думается, будетъ не излишнимъ ознакомить читателей съ содержаніемъ этого, во всякомъ случаѣ любопытнаго литературнаго памятника борьбы съ мистицизмомъ. Изученіе его имѣетъ значеніе и для нашего предмета, такъ какъ оно яснѣе всего покажетъ намъ, кто былъ болѣе правъ: Филаретъ ли, совѣтовавшій не пропускать сочиненіе Смирнова, или же Иннокентій, хотѣвшій сначала одобрить его къ печатанію.

„Вопль жены"—очень объемистое сочиненіе. Авторъ ему предпосылаетъ введеніе, въ которомъ высказываетъ свой взглядъ на сочиненіе Штилинга: „Побѣдную повѣсть" и на побужденія, заставившія его взяться за литературный трудъ полемиста. Смирновъ „Побѣдную повѣсть" разсматриваетъ какъ открытое „поруганіе" православной церкви. О побужденіяхъ подавшихъ поводъ къ полемикѣ, онъ говоритъ: „знаю, что многіе благочестивые мои единовѣрцы не укоснятъ противупоставить дѣйствительнѣйшіе оплоты шумящему потоку нечестія, да будутъ благословенны подвиги ихъ! Но сіе не препятствуетъ и мнѣ по долгу совѣсти моей сообщить моимъ соотечественникамъ и мои благонамѣренныя чувствованія! И я также сынъ православныя грекороссійскія церкви, и я повергаю мой камень на еретика, поносящаго святыню нашу..." [2]).

---

[1]) Автобіографія, книга II, 25, 29.

[2]) Во многихъ мѣстахъ сочиненія Смирнова разбросаны жалобы на распространеніе нечестія въ современномъ обществѣ. «Возлюбленные сыны православныя грекороссійскія вѣры, пишетъ авторъ «Вопля» въ одномъ мѣстѣ, намъ предопредѣлено было дожить до плачевнаго разсвѣта тѣхъ пагубныхъ временъ въ кои какъ бы возстали всѣ ереси, терзавшія первобытную церковь нашу, но потомъ низложенныя и попранныя... Теперь, продолжаетъ Смирновъ, въ современномъ обществѣ замѣчается «совершенное отступленіе отъ вѣры, иска-

Полемическое сочиненіе Смирнова отличается крайнимъ раздраженіемъ и въ тоже время слабостью аргументаціи. Вмѣсто дѣйствительнаго, строго научнаго разбора, основаннаго на историческихъ и богословскихъ данныхъ, въ трудѣ Смирнова мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ безсодержательнымъ наборомъ фразъ, съ риторическими словоизверженіями, иногда приправленными еще довольно безцеремонною бранью. То, что сколько нибудь напоминаетъ о научномъ разборѣ книги, то все у него снесено подъ строку, въ видѣ дополнительныхъ примѣчаній, а текстъ наполненъ наборомъ трескучихъ фразъ съ широкими обѣщаніями и съ слишкомъ слабымъ ихъ исполненіемъ.

Изъ недостатковъ, которыми обилуютъ критическіе пріемы автора „Вопля", прежде всего бросаются въ глаза его придирки къ словамъ, которыя часто берутся имъ отрывочно и комментируются въ томъ смыслѣ, какой едва ли придавалъ имъ авторъ „Побѣдной повѣсти" и ея переводчикъ [1]). Иногда придирки критика сопровождаются колкими насмѣшками. Въ предисловіи къ своей „Побѣдной повѣсти" Штилингъ указалъ какъ на главный поводъ, который вызвалъ его взяться за такой трудъ, на тѣ важныя происшествія, которыя тѣсно связаны съ извѣстною французскою революціею. При этомъ Штилингъ пустился въ объясненіе нѣкоторыхъ событій и указалъ между прочимъ на то, что во Франціи во время самаго сильнаго разлива революціоннаго движенія нѣкоторые для безопасности носили якобинскія шапки, тогда какъ находились и такіе, которые якобинскую шапку считали печатію антихриста. Критикъ „Побѣдной повѣсти" по этому поводу пишетъ:

---

женіе духа христіанства превратными толкованіями, водруженіе знаменія нечестивыхъ въ самомъ сердцѣ благочестія, запустѣніе истиннаго смысла въ самыхъ свѣтлѣйшихъ истинахъ... Распространяется уже гладъ слова Божія, зловонный потокъ клокочетъ уже въ вавилонскихъ пещахъ, седмерицею разженныхъ. Сюда неоспоримо относится Побѣдная повѣсть и другія подобныя сочиненія, искажающія духъ христіанства».

[1]) Штилингъ напримѣръ въ одномъ мнѣніи говоритъ: «умъ человѣческій запутывается въ изъясненіи такихъ вещей, кои изумляли св. Іоанна». Его критикъ по этому поводу пишетъ: «жалкій и гордый софистъ, смирись! На что же и смотришь ты на вселенную, когда не понимаешь, какъ она создана, гдѣ предѣлъ міровъ и прочія его таинства.»

„многотрудный подвижникъ, сколько ему надлежало молиться о пріобрѣтеніи пророчественнаго озаренія! Потомъ, какого стоило труда писать пространную книгу—и это для того только, чтобъ увѣрить простенькихъ людей или глупцовъ, что якобинская шапка не есть печать антихристова“!

Натяжки, къ какимъ позволяетъ себѣ прибѣгать критикъ „Побѣдной повѣсти“, не менѣе заслуживаютъ вниманія по своей крайности и оригинальности. При объясненіи нѣкоторыхъ мѣстъ апокалипсиса Штилингъ указалъ на то, что церкви Христовой на землѣ предстоятъ въ будущемъ нѣкоторыя бурныя и разительныя перемѣны. Авторъ „Вопля“ постарался расширить эту мысль, привязавъ ее къ политическимъ движеніямъ, что въ концѣ концовъ дало ему возможность обвинить своего противника въ томъ, что онъ есть „потаенный революціонистъ, и не послѣдній производитель онаго пагубнаго плана, содержимаго въ нѣкоторыхъ тайныхъ обществахъ, плана о смѣшеніи всѣхъ вѣръ въ одну, или о истребленіи всякаго вѣрованія, и о составленіи универсальной монархіи, или о учрежденіи всеобщаго безначалія и неограниченной независимости. Штилингъ, извиняющій государственныхъ бунтовщиковъ, имѣетъ тайную связь съ какою-нибудь тайною партіею, злоумышляющею революцію и разсѣянною по христіанскимъ державамъ“.

Въ введеніи къ „Побѣдной повѣсти“ Штилингъ между прочимъ помѣстилъ просьбу къ своимъ читателямъ объ увѣдомленіи его о замѣченныхъ ими въ его твореніи неправильностяхъ. Смирновъ истолковалъ себѣ просьбу Штилинга въ смыслѣ призыва его, обращеннаго имъ къ своимъ единомышленникамъ, къ выпуску въ свѣтъ новыхъ, одинаковаго съ „Побѣдною повѣстью“ направленія, сочиненій. Такое пониманіе просьбы Штилинга дало поводъ Смирнову къ слѣдующему разсужденію. „Хотя мы не одарены пророчественнымъ свѣтомъ, но понимаемъ таинственную политику твою, пророче, и разумѣваемъ, что *ты коренный придворный темной области, посѣдѣвшій въ пронырствахъ*! Ты слишкомъ уже простенькими почитаешь своихъ читателей. Ежели Штилингу удалось свое беззаконное изчадіе вывесть въ свѣтъ, то по крайней мѣрѣ

прочимъ порожденіямъ эхиднинымъ его единомысленниковъ не позволятъ уже своимъ дыханіемъ заражать духъ публики и потрясать господствующія вѣроисповѣданія народовъ".

Нѣкоторыя изъ опроверженій Смирнова являются просто смѣшными. По поводу высказанной Штилингомъ мысли о возможности спасенія и для демоновъ его критикъ замѣтилъ: „Итакъ вздыхайте, г. Штилингъ, что ходатайство ваше о демонахъ остается недѣйствительнымъ"!

Сосредоточиваясь болѣе на риторикѣ, авторъ „Вопля" менѣе надлежащаго останавливается на самыхъ выдающихся недостаткахъ и неправильныхъ взглядахъ сочинителя „Побѣдной повѣсти". Извѣстно, что авторъ „Побѣдной повѣсти" греческую православную церковь за ея крайнюю приверженность къ обрядамъ называлъ николаитскою, даже языческою. Критикъ „Побѣдной повѣсти" вмѣсто строго научнаго разбора такого произвольнаго взгляда разразился здѣсь длиннымъ воззваніемъ къ православнымъ. „Православные грекороссійскія церкви, писалъ Смирновъ, благоговѣйные посѣтители храмовъ вашихъ, усердные чтители святыхъ храмовъ и св. иконъ, блаженные хранители нетлѣнныхъ остатковъ мужей, просіявшихъ среди васъ вѣрою и благочестіемъ, сихъ драгоцѣнныхъ залоговъ видимаго Божія подтвержденія святости и непорочности вашего вѣрованія, богоизбранные преемники первенствующаго христіанскаго свѣтильника! Будете ли равнодушно слышать толико поношеніе вашей святыни? Знаю, какая смертная горесть пронзаетъ сердце ваше, знаю, какое справедливое негодованіе наполняетъ душу вашу. Вы чувствуете, что нечестивый Штилингъ стремится къ испроверженію олтарей Господнихъ, къ истребленію всѣхъ священныхъ памятниковъ"... Штилингъ, а можетъ быть скорѣе всего переводчикъ его сочиненія, вообще мало касался въ „Побѣдной повѣсти" непосредственно греческой, восточной церкви. „Это есть, по словамъ автора „Вопля", адская ухватка, чтобъ такимъ глубокимъ объ ней молчаніемъ дать вѣсъ клеветамъ своимъ противъ оныя. Посмотрите, г. Штилингъ, какъ успѣваетъ ваша хитрость. Вы думали, судя по деньгамъ, какія вы выручаете у насъ за вашъ Угрозъ свѣтовостоковъ, что мы васъ уже считаемъ праведникомъ и оракуломъ? Но посмотрите же,

какъ успѣваетъ ваша хитрость. Едва ваша „Побѣдная повѣсть“ дала намъ почувствовать смрадную и заразительную свою внутренность, то наперерывъ полетѣли отъ насъ проклятія на лжепророческую главу деиста, революціониста, иконоборца и поддержателя всѣхъ ересей, преданныхъ на вселенскихъ соборахъ анаѳемѣ“.

Заслуживаетъ вниманія отношеніе Смирнова къ католичеству. Задавшись цѣлію защищать православіе, онъ такъ вошелъ во вкусъ своей полемики, что началъ защитительную рѣчь и въ пользу католичества и даже въ пользу самихъ отцовъ іезуитовъ. Штилингъ при объясненіи того мѣста апокалипсиса, гдѣ говорится о звѣрѣ, изшедшемъ изъ моря, символическое значеніе его пріурочиваетъ къ папству, заявившему свое крайнее властолюбіе. Критикъ „Побѣдной повѣсти“ возсталъ, хотя и не совсѣмъ удачно, на защиту папства [1]).

Въ концѣ длиннаго разбора „Побѣдной повѣсти“ авторъ Вопля представляетъ характеристику современнаго противоцерковнаго движенія въ Россіи, обобщая его подъ названіемъ франкъ-масонства или иллюминатства. „Люди, составляющіе сіе общество, по свидѣтельству Смирнова, во внѣшнемъ со свѣтомъ обращеніи, въ виду открытомъ, суть существа добродѣтельныя, чувствительныя, правдолюбныя, но во внутреннемъ къ свѣту отношеніи во тьмѣ тайныхъ дѣйствій и вліяній своихъ въ природѣ правилъ своихъ суть клятвенные враги всякаго добра, безжалостные терзатели жертвъ, подпавшихъ ихъ мщенію, убійцы, попратели всѣхъ законовъ, отступники отъ всякаго вѣрованія, по лицемѣрію однимъ только де-

[1]) «Папы никогда не стремились къ обладанію вселенной, писалъ Смирновъ, ихъ властолюбіе не простиралось далѣе державъ католическихъ и то относительно духовнаго управленія. Нѣкоторые изъ нихъ требовали правда отъ царей католическихъ такого почтенія, которое было чрезмѣрно и предосудительно, но никогда папы не требовали, чтобы цари отказались отъ престоловъ и передали царство свое имъ. Самыя даже нѣкоторыми папами присоединенія къ церковной области были частнымъ порывомъ властолюбія, но не общимъ духомъ и системою папства... Пусть Штилингъ обличитъ іезуитовъ, чтобъ они взбунтовали гдѣ-либо какое-либо общество, которое бы, по ихъ внушенію, отложилось отъ покорности своему начальству? Обращенныхъ іезуитами много, но нѣтъ примѣра, чтобы іезуиты повергали между народами сѣмена возмущеній или революцій»?

монамъ свойственному, въ христіанскихъ храмахъ со всею наружною набожностью повергаются предъ крестомъ и даже въ собственныхъ собраніяхъ украшаются имъ въ виду сочленовъ своихъ, непосвященныхъ еще во всю тьму таинствъ ихъ...

Общественное обольщеніе производится изданіемъ въ свѣтъ книгъ, имѣющихъ въ себѣ всѣ черты мудрости, духовности и чистоты христіанской. Змій столь лукаво соблюдаетъ подобіе агнче, что иногда цѣлые томы довольствуются запечатлѣть однимъ только какимъ либо природнымъ словомъ своимъ. Зараженный очаровательнымъ ядомъ въ ихъ книгахъ рѣдко ускользаетъ отъ ихъ вѣдѣнія. Пагубная ловитва имѣетъ свое учрежденіе, члены даютъ отчетъ обществу объ отзывѣ и мнѣніяхъ, какія они собрали на счетъ хитрости пущенной для ловитвы; владѣлецъ дома отвѣтствуетъ за своихъ живущихъ, начальникъ за подчиненнаго и наоборотъ. Такимъ образомъ тотчасъ познается отравленный дыханіемъ змія и немедленно объявляется, что сочинитель небесной книги есть членъ такого-то общества. Между сими распудителями стада Христова есть члены съ намѣреніемъ образованные—къ прельщенію избранныхъ такимъ особливымъ образомъ, что ихъ наружная и нѣкоторымъ образомъ внутренняя жизнь постоянно служитъ *овчею* одеждою общества. Сими-то съ перваго взгляда плѣняются самые избранные Божіи, поступки и дѣянія ихъ безъ укоризны. Черты ихъ суть: излишнее упованіе на милосердіе Божіе, отрицаніе вѣчности мученія, такая духовность, которая ослабляетъ необходимо существованіе таинствъ, яко видовъ наружныхъ, такое понятіе о внутреннемъ богослуженіи, которое отлучаетъ внѣшнее богослуженіе, сіи признавая себя истинными помазанниками Духа Божія лжепророцы вопіютъ на стогнахъ и кровляхъ... Надобно предполагать, что главные производители сей тайны беззаконія имѣютъ личную связь съ діаволомъ. Нѣкоторымъ случалось слыхать отъ принадлежащихъ къ обществу, что они знаютъ людей, сообщающихся съ духами, конечно уже не съ добрыми“ [1])...

Должно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Смир-

[1]) Рукоп. импер. пуб. биб. Q. 1. № 750.

новъ составилъ свой „Вопль“ противъ несогласнаго съ ученіемъ православной вѣры направленія „Побѣдной повѣсти“ Штилинга,— человѣка совсѣмъ и не принадлежавшаго къ православной церкви. Странно было-бы въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы Штилингъ, *лютеранинъ* по вѣроисповѣданію, сталъ проводить въ своемъ сочиненіи то ученіе, тѣ взгляды, какіе содержитъ *православная* церковь. Очевидно само собою, что Смирновъ, бросая громъ и молніи противъ Штилинга, направлялъ ихъ по адресу не автора „Побѣдной повѣсти“, а переводчика и издателя ея А. Ѳ. Лабзина. Но такъ какъ послѣдній пользовался уваженіемъ и покровительствомъ высшей власти, то его противникъ и умолчалъ о немъ въ направленномъ всецѣло противъ него сочиненіи. Во всемъ „Воплѣ“ только одинъ разъ, и то въ примѣчаніи, встрѣчается указаніе на переводчика, но и здѣсь критикъ „Побѣдной повѣсти“ постарался отклонить отъ себя всякіе съ нимъ непосредственные счеты, замѣтивъ, что онъ не имѣетъ чести лично знать переводчика“.

Представленная краткая характеристика сочиненія Смирнова „Вопль жены, облеченной въ солнце“ говоритъ далеко не въ пользу своего автора. Если смотрѣть на дѣло *только* съ строго цензурной точки зрѣнія, и еще частнѣе съ точки зрѣнія цензуры духовной, назначеніе которой состоитъ въ предупрежденіи появленія въ печати сочиненій, противныхъ ученію православной церкви, то Иннокентій былъ правъ, признавая сочиненіе Смирнова допустимымъ къ печати. Но если взять во вниманіе научно-богословское достоинство труда Смирнова, то безспорно окажется болѣе правымъ Филаретъ, пріостановившій выходъ въ свѣтъ такъ плохо составленной книги. „Вопль“ Смирнова не принесъ бы прямой положительной пользы православной церкви и тѣмъ болѣе не убѣдилъ бы мистиковъ, которые въ немъ могли бы найти для себя обильный источникъ для насмѣшекъ. Замѣчательно и то, что содержаніе и тонъ полемики Смирнова много сходны съ полемикою архимандрита Фотія. Намѣреваясь допустить къ печати такую книгу, какъ книга Смирнова, Иннокентій, въ богословской компетентности котораго не можетъ быть никакихъ сомнѣній, конечно зналъ ея слабыя стороны, и если тѣмъ не менѣе хотѣлъ было про-

пустить ее, то это, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать не болѣе, какъ въ угоду своему ученику и другу Фотію.

Лабзинъ хорошо зналъ то впечатлѣніе, какое произвелъ въ средѣ строго-православныхъ людей его переводъ „Побѣдной повѣсти“. Зналъ онъ и о возраженіи на него Смирнова и о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обвиненій, которыя представлены были Смирновымъ въ его книгѣ. Лабзинъ рѣшился защищаться и все на томъ же литературномъ поприщѣ. Въ 1816 г., вскорѣ послѣ выпуска въ свѣтъ „Побѣдной повѣсти“, онъ издалъ свой новый переводъ подъ заглавіемъ: „Жизнь Генриха Штилинга“ [1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ Лабзинъ защищалъ искреннее благочестіе Штилинга, заслужившаго за это уваженіе даже самихъ государей. и опровергалъ мнѣнія тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые приписывали не только Генриху Штилингу, но и самому переводчику намѣреніе повредить православной церкви. Здѣсь такимъ образомъ выступаетъ предъ нами довольно любопытное явленіе: сильные, могущественные своимъ вліяніемъ въ обществѣ, пріобрѣвшіе довѣріе высшей государственной власти, мистики свободно издавали свои творенія и открыто высказывали свои мнѣнія. Но эти же самые мистики являлись фанатиками, иногда очень жестокими, по отношенію къ противникамъ своихъ мнѣній, запрещали выходившія изъ подъ ихъ пера возраженія, или даже дѣлали невозможнымъ самое появленіе ихъ на свѣтъ Божій. Очевидно, многіе противники мистицизма должны были только молчать въ виду тѣхъ тяжелыхъ преслѣдованій, какія обрушивались на нихъ со стороны враговъ. Понятно также и то, что внѣшнія административныя запрещенія, какимъ подвергались всякія нападки на мистиковъ, вызывали сильное раздраженіе и недовольство въ средѣ, во всякомъ случаѣ многочисленной, людей не причастныхъ мистикѣ. Раздраженіе, сначала глухое и робкое, подъ наплывомъ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ все росло и росло, усиливалось и усиливалось, пока наконецъ не воплотилось въ открытую борьбу, съ теченіемъ времени погубив-

---

[1]) С.-Петербургъ. 1816 годъ, двѣ части.

шую мистическое направленіе, но стоившую не малыхъ жертвъ и для людей съ строго-православными воззрѣніями.

Получивъ вновь право издавать „Сіонскій Вѣстникъ", Лабзинъ все болѣе и болѣе погружался въ мистическій туманъ. Книжки „Сіонскаго Вѣстника" продолжали плодить любителей мистицизма. Заявившій уже свою ненависть къ мистицизму Смирновъ не оставилъ безъ вниманія и новыхъ книжекъ „Сіонскаго Вѣстника", онъ приготовилъ критическій разборъ болѣе вредныхъ статей возобновившагося мистическаго журнала.

Въ средѣ противниковъ Голицынскаго направленія находился и извѣстный своимъ строгимъ благочестіемъ князь Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи инокъ Аникита) [1]. Онъ обратился къ А. С. Стурдзѣ и поручилъ ему написать разборъ вышедшихъ мистическихъ книгъ. Стурдза дѣятельно взялся за порученіе и написалъ цѣлый обвинительный актъ противъ переводовъ Лабзина: „Таинство креста" и „Побѣдная повѣсть".

Такимъ образомъ враги мистицизма начали заявлять о себѣ все яснѣе и яснѣе [2]. Съ своей стороны и Иннокентій, не разъ употреблявшій нравственныя мѣры къ тому, чтобы Лабзинъ отказался отъ возобновленія своего журнала, крайне возмущался мистическимъ характеромъ послѣдняго и наконецъ дошелъ до того, что рѣшился на очень смѣлый поступокъ. Онъ написалъ къ князю Голицыну, какъ покровителю Лабзина и всѣхъ мистиковъ, письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее". Князь Голицынъ возмущенъ былъ письмомъ Иннокентія, пріѣхалъ съ нимъ къ митрополиту Михаилу и, показывая ему письмо Иннокентія, говорилъ: „вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ". Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ на замѣчанія митрополита отвѣчалъ, что *онъ дѣйствуетъ по со-*

---

[1]) О князѣ Шихматовѣ смотр. особую книгу: «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергѣя Александровича Шихматова». 1838 г. Отзывъ о глубокой религіозности Ширинскаго-Шихматова смотр. въ воспоминаніяхъ адмирала Зеленаго. «Русск. Старина» на 1873 г. октябрь, 89—98 стр. Филаретъ Черниговъ. Обзоръ дух. литературы, ч. II. 230—231.

[2]) Изъ записокъ *А. Стурдзы*. «Русская Старина. 1876. Февраль. 273—275

*знанію справедливости*. Митрополитъ успѣлъ однакожь увѣрить его, что нужно особенное призваніе для такого рѣшительнаго дѣйствія и заставилъ его съѣздить къ князю Голицыну съ извиненіемъ [1]). Конечно вмѣстѣ съ извиненіемъ Иннокентій нисколько не измѣнилъ своихъ убѣжденій и только на время склонился предъ сильными убѣжденіями митрополита, къ которому онъ такъ былъ расположенъ, и предъ массою послѣдствій гнѣва князя Голицына. Зная характеръ Иннокентія, трудно допустить, чтобы онъ на такой рѣзкій образъ дѣйствій относительно князя Голицына рѣшился исключительно самъ по себѣ, а не по вліянію другихъ. Онъ, какъ уже извѣстно, колебался между двумя противоположными теченіями, исходившими съ одной стороны отъ Филарета, а съ другой—отъ Фотія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Иннокентій написалъ свое письмо къ Голицыну въ отсутствіе Филарета изъ Петербурга, когда значитъ его вліяніе на Иннокентія менѣе всего могло имѣть мѣста. Очень возможно, что Фотій воспользовался отъѣздомъ Филарета для того, чтобы вызвать своего учителя на болѣе рѣшительный и открытый образъ дѣйствій противъ князя Голицына. И Иннокентій подчинился вліянію Фотія. Понятно, письмо Иннокентія къ Голицыну, не смотря на принесенное первымъ извиненіе, должно было поселить холодность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Князь Голицынъ имѣлъ всѣ основанія считать себя оскорбленнымъ Иннокентіемъ и свои отношенія къ нему признавалъ разстроенными.

Между тѣмъ нападки на возобновившійся „Сіонскій Вѣстникъ" шли своимъ чередомъ. А. Стурдза составленный Смирновымъ разборъ вредныхъ статей „Сіонскаго Вѣстника" представилъ князю Голицыну. Послѣдній сначала горячо защищалъ благонамѣренность Лабзина и его изданія и даже сослался на то, что онъ самъ цензуровалъ „Сіонскій Вѣстникъ". Стурдза путемъ обстоятельнаго разбора статей „Сіонскаго Вѣстника" съумѣлъ на столько убѣдить князя Голицына въ ихъ несостоятельности, что тотъ наконецъ сознался предъ нимъ, что онъ взялся не за свое дѣло. Для того,

---

[1]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣніе 1868 г. № 8, стр. 523.

чтобы испытать религіозную благонамѣренность редактора „Сіонскаго Вѣстника", Стурдза предложилъ Голицыну подчинить этотъ журналъ духовной цензурѣ. Князь согласился съ предложеніемъ Стурдзы [1]) и чрезъ нѣсколько дней обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ митрополиту Михаилу:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь!

Изданіе Сіонскаго Вѣстника, яко подобное многимъ другимъ сочиненіямъ духовно-нравственнаго содержанія, производилось донынѣ подъ разсмотрѣніемъ гражданской цензуры. Однако глубокія матеріи, содержащія въ себѣ нерѣдко мысли и мнѣнія довольно необыкновенныя и смѣлыя, побудили меня пересматривать самому весьма большую часть изъ статей сего журнала, прежде окончательнаго выпуска изъ цензуры. Со всемъ тѣмъ находя, что при многихъ назидательныхъ статьяхъ появляется въ семъ изданіи отъ часу болѣе матерій таинственнаго въ духовномъ смыслѣ и такого содержанія, что иныя статьи вовсе не слѣдуютъ быть доводимы до общаго свѣдѣнія; вообще же многое въ нихъ касается и до догматовъ церковныхъ, а иногда и мнѣнія частныя по духовнымъ матеріямъ, то я призналъ просмотрѣніе сихъ книжекъ болѣе приличнымъ для лицъ духовнаго вѣдомства.

Государь Императоръ по докладу моему о семъ, изволилъ найти сіе замѣчаніе основательнымъ. Вслѣдствіе того сдѣлано мною распоряженіе, дабы гражданская цензура отнынѣ непринимала болѣе на себя просмотрѣніе книжекъ Сіонскаго Вѣстника, но предоставила издателю представлять оныя въ духовную цензуру, при здѣшней духовной академіи учрежденную.

Увѣдомляя о семъ Ваше Высокопреосвященство покорнѣйше прошу дать отъ себя сообразное съ симъ предписаніе духовной цензурѣ, дабы оная отнынѣ принимала на свое разсмотрѣніе книжки Сіонскаго Вѣстника и по приличномъ цензурованіи снабжала оныя по усмотрѣнію своему и одобреніемъ къ напечатанію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

№ 1351.
26 іюня 1818 года.

4-го іюля того же 1818 года князь Голицынъ далъ слѣдую-

---

[1]) О судьбѣ православной русской церкви въ царствованіе Александра I. Изъ записокъ *Стурдзы*. «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль, 270—272.

щее предписаніе изъ коммиссіи духовныхъ училищъ цензурному комитету, при с.-петербургской духовной академіи учрежденному.

По Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ коммиссія духовныхъ училищъ предписываетъ цензурному комитету принимать отнынѣ на свое разсмотрѣніе книги Сіонскаго Вѣстника. Въ цензорованіи оныхъ комитетъ имѣетъ руководствоваться правилами, въ училищномъ уставѣ изложенными.

князь Александръ Голицынъ [1]).

Избалованный постояннымъ покровительствомъ власти, Лабзинъ крайне оскорбленъ былъ новыми условіями, въ какія поставлено было его изданіе. Онъ до сихъ поръ весьма высокомѣрно относился къ духовенству и никакъ не могъ помириться съ мыслію о томъ, чтобы его журналъ подчиненъ былъ духовной цензурѣ. Конечно онъ отлично хорошо предвидѣлъ и то, что новая цензура будетъ непремѣнно разборчивѣе и строже прежней и скорѣе подмѣтитъ его мистическія тенденціи. „Врагамъ моимъ меня отдали“, говоритъ Лабзинъ по поводу подчиненія его журнала духовной цензурѣ [2]). Какъ бы то ни было, Лабзинъ никакъ не хотѣлъ помириться съ духовной цензурой и рѣшился лучше вовсе прекратить журналъ, чѣмъ издавать его подъ духовною цензурою.

Пріостановка изданія „Сіонскаго Вѣстника“ произвела сильное впечатлѣніе на современное общество. Сторонники мистическаго журнала подозрительно посмотрѣли на его прекращеніе и здѣсь видѣли начало паденія мистицизма. Съ другой стороны и противники его ободрились и стали готовиться къ рѣшительной наступательной борьбѣ со врагами. Въ числѣ такихъ рѣшительныхъ борцовъ противъ мистицизма выступилъ статсъ-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ. Подъ начальствомъ Кикина служилъ одинъ мелкій чиновникъ Евстафій Ивановичъ Станевичъ, находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Кикинымъ и бывшій другомъ и постояннымъ собесѣдникомъ въ его семейномъ кругу. Семейство Кикина постигло несчастіе,—у Кикина умерло дитя. Станевичъ, какъ свой

---

[1]) Дѣло архива с.-петербургскаго комитета духовной цензуры, при Александро-невской лаврѣ, дѣло 1818 года подъ № 4.

[2]) Изъ воспоминаній м. Филарета. Прав. Обозрѣніе 1868 г. № 8, 520—530. Русск. Архивъ 1868, 837—858.

домашній человѣкъ, вздумалъ написать въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей бесѣду. Въ ней онъ развивалъ идею безсмертія, но въ то-же время доказывалъ, что послѣднее тогда только утѣшительно, когда основывается на обѣтованіяхъ, данныхъ святою православною церковію. Не смотря на такое, по видимому, слишкомъ частное назначеніе, бесѣда Станевича написана была съ тенденціозною цѣлью. Вопросъ о безсмертіи души послужилъ автору поводомъ къ рѣзкимъ и сильнымъ нападкамъ на мистицизмъ. Такою-то книгою, изданіе которой предположено было сдѣлать врасплохъ, и рѣшено было открыть наступательныя дѣйствія противъ мистиковъ [1]).

Сочиненіе Станевича по своему характеру и содержанію вполнѣ отвѣчаетъ названію полемическаго сочиненія. Авторъ бесѣды о безсмертіи души не безъ цѣли посвятилъ свое сочиненіе митрополиту Михаилу, который, какъ извѣстно, не сочувствовалъ мистицизму и находился въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ къ князю Голицыну. Въ глазахъ ревнителей церкви и враговъ мистицизма митрополитъ Михаилъ по самому своему положенію, по мимо уже его личныхъ убѣжденій, являлся какъ-бы представителемъ оппозиціи и считался хранителемъ чистоты православной церкви. Въ сочиненіи Станевича находилось слѣдующее стихотворное посвященіе митрополиту Михаилу:

«Проесвященнѣйшій нашъ пастырь Михаилъ!
Колико Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,
*Противу ересей* писалъ въ такую мѣру.
Владыко! Не на даръ, воззри на теплу вѣру!» [2]).

Изъ самаго посвященія видно, что авторъ, предполагая писать противъ „ересей“, какъ бы испрашивалъ благословенія митрополита на борьбу съ еретиками, т. е. мистиками.

Тонъ сочиненія Станевича довольно рѣзкій. Авторъ постоянно называетъ своихъ противниковъ самыми нелестными именами, какъ

---

[1]) Изъ записокъ Стурдзы. «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль. Другія сочиненія Станевича указаны въ росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Ф. Смирдина. Спб. 1827 г.

[2]) Имѣющаяся у меня рукопись подъ заглавіемъ: о книгѣ «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души», листъ 5.—Первое изданіе книги, въ которой находилось посвященіе, было все уничтожено, за исключеніемъ экземпляра, принадлежавшаго м. Михаилу.

напримѣръ — слугами діавола, лжехристами и под. Общая идея книги состоитъ въ защитѣ обычныхъ установившихся понятій о церкви, іерархіи, о церковныхъ догматахъ и разныхъ установленіяхъ. Авторъ защищаетъ то общее положеніе, что вѣра не отдѣлима отъ церкви, что внѣ церкви не возможно спасеніе, что необходимо послушаніе церкви. Это съ одной стороны. Съ другой авторъ уже прямо нападаетъ на мистиковъ, которые ставили, какъ извѣстно, свою внутреннюю церковь выше внѣшняго раздѣленія различныхъ вѣроисповѣданій и церквей [1]). Авторъ иногда описываетъ нравственныя достоинства христіанина по противоположенію ихъ дѣйствіямъ современныхъ русскихъ мистиковъ, когда онъ напримѣръ пишетъ: „духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы, какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ церковь и подъ предлогомъ очищенія вѣры низвратить таинства ея, уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служеніемъ смерти, примѣнить церковь капищу, христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругаться ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ“... [2]). Здѣсь нападки на мистиковъ высказаны болѣе въ формѣ намековъ, неопредѣленныхъ выраженій; въ другихъ мѣстахъ за то прямо высказывается то общее противъ мистиковъ обвиненіе, что они стремятся „потрясти церковь и низвратить истинное христіанство“ [3]). Вообще вся книга Станевича наполнена довольно рѣзкими нападками на мистиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ не называются по имени, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ прямо даетъ понять, что онъ трактуетъ не о какомъ нибудь западномъ, а о современномъ русскомъ мистицизмѣ. „Горестно слышать и читать, съ какою недоброю ревностію похваляются и у насъ сочиненія Дю-Туа [4]), Сен-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ христіанская философія и еще обѣщаютъ перевесть и его

---

[1]) «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Второе изданіе. Спб. 1825 годъ, 9—10.

[2]) «Бесѣда на гробѣ младенца», стр. 37.

[3]) «Бесѣда на гробѣ младенца», стр. 46.

[4]) Между тѣмъ божественная философія Дю-Туа была переведена и издана въ Россіи на счетъ самого государя или князя Голицына. Православное Обозрѣніе. 1868 года № 8, 520—524.

Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ о заблужденіяхъ и истинѣ... Оные писатели превращаютъ ученіе Христово и возвѣщаютъ оное не чисто по духу... Они дѣлаютъ злоупотребленіе изъ Библіи... Во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе прямо или косвенно примѣчается нѣкая потаенная ненависть противу церкви и освященныхъ проповѣдателей слова Божія" [1]).

Представленныхъ выдержекъ вполнѣ достаточно для того, чтобы судить о силѣ и степени полемическаго характера сочиненія Станевича. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, произвела сильное раздраженіе въ средѣ мистиковъ и вызвала настоящее гоненіе какъ противъ ея автора, такъ и противъ другихъ лицъ, помогавшихъ выходу ея въ свѣтъ. Если разсматривать твореніе Станевича съ точки зрѣнія критической, то оно можетъ быть названо не вполнѣ удовлетворительнымъ сочиненіемъ. Авторъ—свѣтскій человѣкъ, чиновникъ, взялся за дѣло, къ которому онъ не былъ вполнѣ подготовленъ. Его твореніе есть только плодъ искренней религіозности и твердаго убѣжденія въ чистотѣ ученія православной церкви, плодъ несовершенный, но цѣнный именно какъ выраженіе искренняго религіознаго чувства и беззавѣтной преданности православной церкви. Съ этой стороны онъ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія какъ открытый призывъ и какъ одно изъ средствъ, хотя и несовершенныхъ, къ защитѣ отечественной церкви. Коммиссія, разсматривавшая книгу Станевича въ 1824 году и состоявшая изъ двухъ лицъ—протоіерея Вещезерова [2]) и священника І. Кочетова [3]), произнесла свой судъ и оцѣнила его книгу именно съ настоящей точки зрѣнія. „Книга сія, такъ писали въ своемъ донесеніи къ митрополиту Серафиму оо. Вещезеровъ и Кочетовъ, по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ вѣры и православной церкви, и

---

[1]) «Бесѣда на гробѣ младенца», 74—75, въ примѣчаніи.

[2]) Тимоѳей Александровичъ Вещезеровъ, членъ конференціи спб. духовной академіи, скончался протоіереемъ каѳедральнаго Петропавловскаго собора. Чистовичъ. Исторія Спб. дух. академіи, 93.

[3]) Іоакимъ С. Кочетовъ, протоіерей, докторъ богословія, членъ импер. акад. наукъ, профессоръ богословія въ импер. Александровскомъ лицеѣ. Чистовичъ, 372.

даже есть плодъ сильной ревности къ вѣрѣ и пламеннаго усердія къ церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ вниманіе свое на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣяваются и которыхъ распространители, проповѣдуя мечтательное благочестіе и мнимо-духовную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами священнаго Писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца способныхъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность вѣрѣ и церкви, унижать священныя дѣйствія Богослуженія и внушать неуваженіе къ служителямъ олтаря; а такимъ образомъ, потрясая основаніе церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію государства, кои всегда не разлучны съ благосостояніемъ вѣры и церкви.

Сіи пагубныя мудрованія сочинитель „Бесѣды о безсмертіи души“ раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну церкви и отечества.

Посему, мы полагаемъ, что книга его можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей, однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленіе и соблазны противъ ученія, которому научаетъ святая церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они, по невѣдѣнію, могли быть вовлечены злыми дѣлателями, кои ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ“ [1]). Но, съ точки зрѣнія своего выполненія, книга Станевича не находила себѣ одобренія даже въ той средѣ, изъ которой она вышла. А. Стурдза, противникъ мистицизма, книгу Станевича называетъ хотя и благонамѣренною, но нескладною [2]). Филаретъ сдѣлалъ еще болѣе рѣзкій отзывъ о ней, назвавъ ее безтолковою [3]). Отзывъ м. Филарета повторилъ и соименникъ его Филаретъ [4]), архіеп. черниговскій.

---

[1]) Имѣющаяся у меня рукопись о книгѣ Станевича. Чтен. въ общ. истор. и древн. 1868 г. кн. III, 50 - 52.

[2]) «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль.

[3]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣніе. 1868 года. № 8, 520—530.

[4]) Обзоръ русск. дух. литер. кн. II.

Исторія книги Станевича, по разсказу одного изъ видныхъ современниковъ и людей не причастныхъ ей, именно по разсказу Филарета, состояла въ слѣдующемъ. Привожу дословный разсказъ Филарета, такъ какъ онъ есть почти единственный болѣе обстоятельный источникъ, изъ котораго стала извѣстна оригинальная судьба, постигшая книгу Станевича и ея цензора.

„Въ 1818 году, разсказываетъ Филаретъ, была представлена въ цензуру книга Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца". Въ ней заключалось много выраженій, оскорбительныхъ для предержащей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ. Знаете ли вы сію рукопись? спросилъ онъ, я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго. Чрезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто-нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ. „Знаете-ли вы эту книгу? спросилъ меня князь, она исполнена непріятныхъ мнѣній и я хочу доложить объ ней государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?" Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы мнѣ дать время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предубѣжденъ. Дѣйствительно я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ и поспѣшилъ къ Иннокентію. Онъ отвѣтилъ мнѣ коротко, что *готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе*. Я пошелъ къ митрополиту просить его, чтобы онъ какъ нибудь помогъ этому дѣлу. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и два дня не раскрывалъ ее; на третій день я опять пришелъ къ нему и почти насильно заставилъ выслушать нѣкоторые отрывки. Митро-

политъ осуждалъ почти каждое слово. Я же сказалъ ему: оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ, и перепечатаемъ листы на собственный нашъ счетъ, если не захочетъ авторъ. Митрополитъ опять оставилъ у себя книгу и прошла еще недѣля, а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ государю и въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ“ [1]).

Самая книга появилась въ концѣ 1818 года и произвела страшную бурю. Мистики съ княземъ Голицынымъ во главѣ взволновались и, чувствуя за собой силу, обратились къ внѣшнимъ репрессивнымъ мѣрамъ противодѣйствія врагамъ. Избалованный властью, князь Голицынъ не хотѣлъ знать никакихъ законовъ логики. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, онъ воображалъ себя настоящимъ властителемъ церкви (и de facto онъ дѣйствительно былъ такимъ), онъ рѣшился силою заставить молчать тѣхъ, кого онъ считалъ врагомъ своего направленія, и старался силою навязать церкви нелѣпый мистицизмъ. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, Голицынъ дѣйствовалъ именемъ синода, олицетворявшимъ собою всю мѣстную церковь, и путемъ самаго безцеремоннаго насилія ставилъ синодъ въ постоянное противорѣчіе съ самимъ собою, заставляя осуждать то, что было полезно для церкви, и наоборотъ освящать своимъ авторитетомъ то, что шло прямо во вредъ ей.—Особенно это видно на образѣ дѣйствій князя Голицына относительно Иннокентія.

6 января 1819 г. князь Голицынъ далъ коммиссіи духовныхъ училищъ, въ вѣденіи которой находилась духовная цензура, предложеніе, въ которомъ высказалъ удивленіе по поводу того, какимъ образомъ могла быть пропущена духовной цензурой такая книга, какъ книга Станевича. Первое преступленіе автора „бесѣды“ состояло, по словамъ министра, въ томъ, что онъ „къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ на нее никто не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой

[1]) *Сушковъ*. 110—111. Православное Обозрѣніе. 1868 г. № 8, 524—525.

написано все сочиненіе. Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе не понятное въ христіанствѣ". Любопытно то, что это обвиненіе высказываетъ никто другой, какъ министръ духовныхъ дѣлъ. Далѣе, указаніе Голицына на то, что Станевичъ частный человѣкъ тѣмъ не менѣе взялся защищать православную церковь, на которую будто никто не нападаетъ, говоритъ опять далеко не въ пользу критика. Вѣдь точно также совершенно частныя лица были г-жа Крюднеръ, изувѣръ-Татаринова, скопецъ Селивановъ и многіе другіе и наконецъ тотъ же Лабзинъ, которые свободно брались за разсужденія о церкви, презрительно относились къ ней, основывали свои собственныя секты, избѣгали общенія съ церковью и которые, какъ частныя лица, не только не заслуживали преслѣдованія оффиціальнаго охранителя интересовъ православной церкви князя Голицына, но даже пользовались еще его могущественнымъ покровительствомъ. Мало того, князь Голицынъ съ религіознымъ благоговѣніемъ преклонялся предъ грязною Татариновою, предъ разлагавшимся Селивановымъ, и это въ то самое время, когда онъ подписывалъ указы о высылкѣ и удаленіи изъ столицы самыхъ уважаемыхъ лицъ, самыхъ достойныхъ людей православнаго духовенства, находившагося въ его вѣденіи. Однимъ изъ вопіющихъ недостатковъ книги Станевича Голицынъ выставилъ и то, что авторъ, упомянувъ въ ней объ извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, обвинялъ послѣдняго въ лжеученіи. Это значитъ, министръ духовныхъ дѣлъ, блюститель интересовъ православной церкви, ставитъ въ преступленіе и автору и цензору, — людямъ *православнымъ* и одному изъ нихъ даже носящему *духовный* санъ, то, что одинъ изъ *католическихъ* епископовъ обвиняется ими въ *лжеученіи*. Дальше такого страннаго обвиненія положительно нельзя было идти. Въ заключеніе своего предложенія князь Голицынъ писалъ о книгѣ Станевича, что она „наполнена ложнымъ понятіемъ о церкви и сужденіемъ превратнымъ о внутреннемъ ея духѣ; и потому сочиненіе сіе, какъ совершенно противное началамъ руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части, съ замѣченными мѣстами представлялъ на усмотрѣніе Государю

Императору. Его Величество, продолжалъ далѣе въ своемъ предложеніи министръ духовныхъ дѣлъ, весьма бывъ недоволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа, Высочайше повелѣлъ, цензору архимандриту Иннокентію, сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожиданную по мѣсту имъ занимаемому; коммиссіи духовныхъ училищъ принять мѣры, чтобы подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуръ, находящихся въ ея вѣдомствѣ" [1]). Коммиссія духовныхъ училищъ, исполнивъ Высочайше утвержденное предложеніе князя Голицына отъ 6-го января, вошла въ Св. Синодъ съ слѣдующимъ представленіемъ, въ которомъ между прочимъ сообщала, что „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія она предписала кому слѣдуетъ сдѣлать строжайшій выговоръ архимандриту Иннокентію, на счетъ изъясненнаго обстоятельства, а между тѣмъ, имѣя въ виду, что по опредѣленію Св. Синода, составляется подробный уставъ для комитета духовной цензуры, представляетъ о вышеписанномъ Св. Синоду, на его соображенія при начертаніи правилъ въ руководство духовной цензурѣ" [2]). Св. Синодъ по поводу настоящаго представленія коммиссіи духовныхъ училищъ 5 февраля постановилъ: „о содержаніи вышеизъясненнаго представленія коммиссіи духовныхъ училищъ синодальнаго члена преосвященнаго Михаила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, увѣдомить указомъ, для обращенія вниманія конференціи здѣшней духовной академіи на вышеозначенный предметъ, касательно духовной цензуры при составленіи устава для духовнаго цензурнаго комитета. О семъ положеніи Св. Синода довесть до свѣденія г-на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія" [3]). Такимъ образомъ Св. Синодъ санкціонировалъ своимъ авторитетомъ фактъ самаго вопіющаго злоупотребленія со стороны князя Голицына, но конечно авторитетъ Синода не уничтожилъ незаконности дѣянія

[1]) Имѣющаяся у меня рукопись о книгѣ Станевича.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

министра духовныхъ дѣлъ. Отсюда видно, что бѣдному Иннокентію пришлось выслушать одинъ и тотъ же выговоръ два раза— и чрезъ коммиссію духовныхъ училищъ и чрезъ Св. Синодъ. Иннокентій съ полною покорностью и безропотно вынесъ разразившійся надъ нимъ ударъ. Еще отъ 7-го января онъ писалъ въ одинъ знакомый ему домъ: „Въ понедѣльникъ тяжелая мгла лежала отъ воззрѣнія или свиданія противнаго прежнему съ... Меня обвиняютъ многіе и другіе, но не въ томъ, въ чемъ подозрѣваютъ. Пріятно слышать обвиненіе въ томъ, въ чемъ отнюдь не причастенъ и въ чемъ успокоиваетъ совѣсть. Если бы во всемъ такъ успокоивалась совѣсть, какъ въ вещахъ нѣкоторыхъ, за кои обвиняютъ, с, рѣшился-бы терпѣть съ радостію не только уронъ чести, но и здоровья и болѣе. Только Господь-бы не оставилъ. Холодность успокоиваетъ меня... Мнѣ думается, что уже доложено государю, о объявленіи медлятъ до удобнаго времени“ [1]).

Но раздраженіе князя Голицына не знало предѣловъ. Онъ гналъ и автора книги и цензора ея. Какъ увидимъ ниже, Иннокентій не отдѣлался однимъ полученіемъ высочайшаго выговора. Жестоко пострадалъ и бѣдный Станевичъ. Его книга была запрещена и отобрана. Въ тотъ же знаменательный день 6-го января министръ духовныхъ дѣлъ распорядился отправить на имя управляющаго министерствомъ полиціи слѣдующее отношеніе. „Удостовѣрившись, что книга подъ заглавіемъ — „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, сочиненія Евстафія Станевича, одобренная здѣшнею духовною цензурою, и въ слѣдствіе того, напечатанная въ типографіи архидіакона Іоаннесова, по содержанію своему, можетъ произвесть весьма вредное на умы вліяніе, онъ, князь Голицынъ, немедленно потребовалъ отъ цензора отца архимандрита Иннокентія, одобрившаго книгу сію, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры къ невыпуску оной изъ типографіи. Архимандритъ Иннокентій хотя выдалъ уже билетъ, но немедленно вытребовалъ оный обратно и выдача книгъ была остановлена. Типографщикъ же Іоаннесовъ далъ подписку, что въ типографіи его напечатано сей

[1]) Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, письмо 22-е, 29—30.

книги 605 экземпляровъ, изъ числа коихъ 52 экземпляра отпущены сочинителю Станевичу, служащему въ канцеляріи статсъ-секретаря Кикина, а остальные 553 хранятся въ типографіи впредь до разрѣшенія.

По донесеніи имъ, княземъ Голицынымъ, о семъ Государю Императору, Его Величество повелѣть изволилъ, чтобы всѣ экземпляры сей книги немедленно отобраны были отъ типографіи и конфискованы; равно чтобы и 52 экземпляра, выданные сочинителю, были отъ него взяты. Въ случаѣ-же, если же онъ роздалъ уже нѣкоторые изъ нихъ другимъ, то чтобы и сіи экземпляры были также чрезъ него доставлены и никому не выдаваемы" [1]).

Полиція усердно взялась отбирать экземпляры воспрещенной книги. Полицейскіе агенты летали по всѣмъ книжнымъ магазинамъ и даже частнымъ домамъ съ строгимъ требованіемъ о выдачѣ книги, какъ будто съ этой книгою связывалась судьба самаго государства. Заведенъ былъ точный счетъ всѣмъ выпущеннымъ въ свѣтъ экземплярамъ. Чрезъ нѣкоторое время полиція сообщала: „по полученіи отъ с.-петербургскаго военнаго губернатора, графа Милорадовича, въ разное время отобранныхъ экземпляровъ помянутой книги, отосланы оные были къ князю А. Н. Голицыну, того-жь 1819 года генваря 18-го 576, февраля 3-го 12, и 17 февраля 4, и того 592 экземпляра; чтожь касается до остальныхъ 13 экземпляровъ, то изъ числа оныхъ осталось въ духовной цензурѣ 6, у духовныхъ особъ 3, а остальные четыре не истребованными полиціею" [2]). Изъ недостающихъ экземпляровъ одинъ остался у митрополита Михаила, уничтоженіе втораго экземпляра оказалось невозможнымъ за высылкою его за границу въ Ахенъ для Стурдзы [3]). Изъ находящихся въ Россіи владѣльцевъ книги Станевича только одинъ А. С. Шишковъ заупрямился и, не смотря ни на какія требованія полиціи, не хотѣлъ выдать книги. Самъ авторъ былъ высланъ за границу. Иннокентій горько сожалѣлъ о несчастіи Станевича. Вотъ его письмо по этому поводу. „Едва-ли

---

[1]) Имѣющаяся у меня рукопись о книгѣ Станевича.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Русская Старина». 1876 года. Февраль.

не на сихъ дняхъ, писалъ онъ къ княгинѣ С. С. Мещерской отъ 11-го января, положатъ на меня еще крестикъ, который можетъ быть либо очень длиненъ, либо очень коротокъ, впрочемъ не тотъ еще, который надобно взять для І. Христа. Вы спросите, о чемъ я мечтаю?—о слѣдствіяхъ первой моей глупости. Жаль, очень жаль, что бѣдный сочинитель, коего сочиненіе мною пропущено, въ 24 часа высланъ изъ городу. Этому и я безразсудный и грѣшный причиною. Если-бы я не пропустилъ его книги—онъ былъ-бы на своемъ мѣстѣ, при должности и въ покоѣ. Человѣку маленькому и не богатому и едва-ли не бѣдному сія милость очень чувствительна. Книги полиція отбирала отъ него и отобрала всѣ, не только у него, но и у тѣхъ, которые отъ него получили. Говорятъ, одинъ Шишковъ заупрямился, несогласился отдать. Опредѣлено, какъ говорятъ, сжечь" [1]).

Князь Голицынъ поднялъ бурю изъ-за ничтожной книги и болѣе всего скомпрометировалъ себя своими возмутительными дѣйствіями противъ Иннокентія и Станевича. Болѣе благоразумные люди, и даже самъ пострадавшій цензоръ, предлагали самый простой способъ сдѣлать книгу малоизвѣстною. „Выговора я еще не слышу, писалъ Иннокентій отъ 8 января,—тѣмъ болѣе слабѣетъ слабая душа моя. Видясь съ К. [2]) во дворцѣ въ крещенье, примѣтилъ я, что онъ глубоко оскорбленъ моею неосторожностью. Но между нами сказать помолился за него во время приношенія Господу безкровной жертвы и не знаю отъ чего—съ умиленіемъ сердечнымъ и слезнымъ. Такъ Господь послалъ, такъ смягчилось сердце. Оправдываться ничѣмъ не хочу и не могу, кромѣ того, что я отнюдь не врагъ К., никакъ и никогда не хотѣлъ замышлять противъ и входить въ общество противниковъ его. Сіе доказываю тѣмъ, что я-же первый далъ случай и открылъ способъ остановить эту книгу, когда ее не знали, какъ и уже не могли остановить, какъ развѣ съ ужаснымъ шумомъ. Дѣло бы кончилось тѣмъ, что поелику книга выпущена, то молчать лучше, нежели запрещать. Тогда-бы ни сочинителю, ни цензору не сказали ни слова. Но что угодно

[1]) Письма еп. Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, 24-е письмо, стр. 32.

[2]) Разумѣется князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Господу, то и да будетъ“ [1]). Князь Голицынъ и его клевреты сами вооружили противъ себя общественное мнѣніе изъ-за преслѣдованія незначительной книжки.

Отъ 8 января Иннокентій писалъ въ одинъ знакомый домъ: „Если между мною и княземъ Александромъ Николаевичемъ [2]) не будетъ мира, то трудно мнѣ являться въ собранія къ нему и ему трудно будетъ терпѣть меня. Такимъ образомъ я какъ соръ петербургскій, какъ уметъ духовный долженъ быть выброшенъ изъ Петербурга. Если и то угодно Господу, то вѣрно къ пользѣ общей—моей и другихъ. Что дѣлать? Міръ какъ море, городъ какъ пучина, человѣкъ какъ легкая ладья, а нашъ братъ,—разумѣю о себѣ, какъ легкое перо или какъ обломокъ доски, переносимый всюду моремъ, потопляемый и извергаемый, не только пучиною, но и каждою волною“ [3]). Дѣйствительно князь Голицынъ хотѣлъ излить всю свою желчь на неповиннаго ни въ чемъ цензора и постарался совсѣмъ удалить его изъ Петербурга. Въ день Богоявленія 6 января князь Голицынъ объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, какъ-бы во уваженіе его заслугъ, епископомъ въ Оренбургъ,—одинъ изъ самыхъ захолустныхъ городовъ, находившихся на окраинѣ Россіи. Хуже этой каѳедры трудно было и подыскать, только раздраженіе князя Голицына противъ Иннокентія могло указать ему сдѣлать такой выборъ. Для всѣхъ очевидно было, что назначеніе Иннокентія въ Оренбургъ было почетное удаленіе. Гнѣвъ министра духовныхъ дѣлъ былъ такъ великъ на Иннокентія, что онъ не хотѣлъ провести его назначеніе законнымъ порядкомъ—чрезъ Синодъ. Онъ прямо выхлопоталъ у государя высочайшее повелѣніе о назначеніи Иннокентія епископомъ въ Оренбургъ. Очень можетъ быть, что онъ здѣсь хотѣлъ предупредить возможность всякихъ ходатайствъ за Иннокентія. Митрополитъ Михаилъ, мягкій, уступчивый, здѣсь не выдержалъ и принялъ самое живое и горячее участіе въ судьбѣ своего любимца и помощника. Ему особенно больно было и то, что назначеніе Иннокентія сдѣлано было безъ

---

[1]) Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, стр. 30.

[2]) Т. е. Голицынымъ.

[3]) Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, 31.

синодальнаго избранія—прямо отъ императора, вопреки установившимся церковнымъ порядкамъ. Митрополитъ Михаилъ настолько здѣсь проявилъ нравственнаго мужества, что позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе князю Голицыну по поводу неправильнаго назначенія Иннокентія въ самомъ присутствіи Синода [1]). Митрополитъ хорошо зналъ, что не удержать ему своего друга Иннокентія въ Петербургѣ. Поэтому онъ рѣшился по крайней мѣрѣ перемѣнить ему каѳедру на болѣе для него благопріятную по климату, что было весьма важно для Иннокентія, какъ человѣка очень больнаго. На этотъ разъ сдѣлалась вакантною каѳедра въ Пензѣ, по этому онъ предложилъ въ засѣданіи Синода перевести Иннокентія въ Пензу. Князь Голицынъ по раздраженію отвѣчалъ, что еще не было примѣра, чтобы епископа, еще не прибывшаго въ епархію, перемѣщали въ другую [2]). Удивительно, что князь Голицынъ подъ вліяніемъ личнаго оскорбленія доходилъ до противорѣчія самому себѣ и исторіи. Для удаленія Иннокентія изъ Петербурга онъ допустилъ отступленіе отъ установившихся порядковъ, примѣры котораго были чрезвычайно рѣдки и исключительны. Между тѣмъ когда митрополитъ Михаилъ сталъ хлопотать о переводѣ Иннокентія въ Пензу, князь Голицынъ припомнилъ не только разныя узаконенія, но даже простые обычаи, никогда не имѣвшіе силы закона. Его ссылка на то, что не было примѣровъ перевода епископа, не бывшаго въ назначенной ему епархіи, въ другую, совершенно не вѣрна. Въ 1799 году, т. е. двадцатью годами ранѣе разсматриваемаго случая, состоялось назначеніе на вновь открывшуюся калужскую архіерейскую каѳедру Серапіона Александровскаго, который, совсѣмъ не видавши Калуги, переведенъ былъ въ Казань [3]). Можно удивляться степени озлобленія министра духовныхъ дѣлъ противъ Иннокентія. Онъ зналъ его лично, и конечно хорошо зналъ и о его болѣзни, но все-таки оказался здѣсь настолько жестокимъ, что не обратилъ никакого вниманія на его бо-

---

[1]) *Сушковъ*. Записки о жизни митрополита Филарета. 108—111.

[2]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣніе 1868 годъ. № 8, 524—525.

[3]) Іеромонахъ *Леонидъ*. Исторія калужской іерархіи.

лѣзнь и, настаивая на назначеніи Иннокентія въ Оренбургъ, тѣмъ самымъ обрекалъ его на преждевременную смерть. Отказъ Голицына перемѣнить Иннокентію епархію не остановилъ митрополита Михаила, который хотѣлъ употребить всѣ свои усилія для того, чтобы хоть сколько-нибудь помочь своему другу. Митрополитъ обратился за содѣйствіемъ къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской, пользовавшейся, какъ извѣстно, большимъ уваженіемъ императора Александра. Императоръ любилъ княгиню за ея благочестіе, часто навѣщалъ ее и бесѣдовалъ съ нею о религіозныхъ предметахъ [1]). Какъ по просьбѣ митрополита Михаила, такъ и по своей любви къ Иннокентію, княгиня Мещерская приняла самое живѣйшее участіе въ его судьбѣ. Она внушила императору, что Иннокентій удаляется изъ Петербурга совершенно невинно. Императоръ захотѣлъ по обстоятельнѣе ознакомиться съ дѣломъ Иннокентія и, вѣроятно, по совѣту той же Мещерской пригласилъ къ себѣ митрополита Михаила. Аудіенція митрополиту назначалась въ самое неурочное время и потому нужно думать, что она дана была безъ вѣдома князя Голицына [2]). Чего ожидали отъ высочайшей аудіенціи, данной митрополиту Михаилу, это видно изъ одного письма Иннокентія, который въ концѣ февраля писалъ въ одинъ знатный домъ, принимавшій въ немъ самое близкое участіе: „приготовленіемъ всего дорожнаго немного помедлите; нынѣ *въ шесть часовъ вечера* преосвященный митрополитъ будетъ у государя и потому судьба моя можетъ быть рѣшится иначе, чѣмъ предположено.“ Митрополитъ Михаилъ въ аудіенціи выяснилъ предъ государемъ дѣло Иннокентія въ его дѣйствительномъ видѣ и постарался показать предъ нимъ всю невинность цензора. Добрый и мягкосердечный Михаилъ до того расположилъ государя въ пользу Иннокентія, что тотъ не только согласился съ просьбою митрополита о назначеніи его въ Пензу, но даже пожелалъ лично видѣть самого Иннокентія и самъ назначилъ для него день его пріема. Въ письмѣ отъ 5 марта Иннокентій писалъ: „государь императоръ нынѣшній день хотѣлъ меня звать къ себѣ. Извѣстіе или

---

[1]) Дневникъ квакера Грелье, «Русская Старина», 1874. Январь.

[2]) Автобіографія Фотія, книга II, 52—55. *Сушковъ*, 111—115.

требованіе придетъ чрезъ высокопреосвященнаго митрополита". Такимъ образомъ Иннокентій вмѣсто епископа оренбургскаго сдѣлался епископомъ пензенскимъ, но все таки долженъ былъ оставить Петербургъ, чего болѣе всего и хотѣлось князю Голицыну [1]).

Въ желаніи удалить Иннокентія и даже въ содѣйствіи сему нѣкоторые современники обвиняютъ ректора академіи епископа Филарета [2]).

Что Филаретъ былъ противъ пропуска книги Станевича, это видно изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ нами выше. Архимандритъ Фотій сообщаетъ слѣдующій разговоръ, происходившій между Филаретомъ и Иннокентіемъ по поводу книги Станевича. Филаретъ, только что ознакомившійся съ изданною книгою, встрѣтившись съ Иннокентіемъ во время прогулки въ лаврѣ, между прочимъ замѣтилъ ему, что въ книгѣ Станевича находится нѣчто такое, что противно символу вѣры. Иннокентій отвѣтилъ Филарету съ тономъ обиженнаго человѣка: „преосвященный! неужели я символа вѣры не знаю" [3]).

Фотій настойчивѣе всѣхъ проводитъ мысль объ участіи Филарета въ паденіи Иннокентія и, нужно замѣтить, доходитъ здѣсь даже до очевидной крайности. Онъ напримѣръ говоритъ, что „другъ Иннокентія бывшій всегда Фаларетъ... врагамъ вѣры и церкви угождая, напрасно *единъ* дерзнулъ осудить Иннокентія: его судъ былъ принятъ" [4]). Въ этихъ словахъ справедливо развѣ только то, что Филаретъ дѣйствительно сдѣлалъ дурной отзывъ о книгѣ Станевича [5]). Въ составленномъ Фотіемъ житіи Иннокентія подъ

---

[1]) О гоненіи на Иннокентія свидѣтельствуютъ нѣкоторые и другіе современники кромѣ указанныхъ здѣсь до сихъ поръ. Воспоминанія *А. П. Бѣляева.* «Русск. Старина». 1880 г. Сентябрь. Воспоминанія священника *Я. Л. Морошкина.* «Русск. Стар.» 1876 г. Октябрь.

[2]) На участіи Филарета въ удаленіи Иннокентія изъ столицы особенно рѣшительно настаиваетъ Мельниковъ. Русскій Архивъ 1873 г., кн. VIII, 1442, въ примѣчаніи. Болѣе компетентный Бодянскій колеблется признать Филарета врагомъ Иннокентія, но и не высказывается въ пользу перваго Письма Иннокентія къ Мещерской, предисловіе I—III. М. 1875.

[3]) Автобіографія, кн. II, глава 1.

[4]) Автобіографія, кн. II, глава 1 въ концѣ.

[5]) Православное Обозрѣніе. 1868 годъ, № 8. Сушковъ 111—115.

врагами церкви, силившимися какъ-нибудь съ безчестіемъ удалить Иннокентія изъ Петербурга, несомнѣнно разумѣется и епископъ Филаретъ [1]).

По словамъ Сушкова, многіе современники винили Филарета въ его недоброжелательствѣ къ архимандриту Иннокентію. Извѣстный почитатель митрополита Филарета А. Н. Муравьевъ говорилъ, что онъ часто слыхалъ нареканіе на митрополита Филарета, будто онъ былъ виною гоненія на преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго. По словамъ самого Филарета, почитательница Иннокентія княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, находившаяся нѣкоторое время въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Филаретомъ, послѣ извѣстной исторіи съ Иннокентіемъ сильно подозрѣвала его въ гоненіи противъ Иннокентія и поэтому стала относиться къ нему сдержаннѣе и холоднѣе. Самъ наконецъ Иннокентій нѣкоторое время подозрительно относился къ Филарету и сомнѣвался въ искренности его къ себѣ. По сознанію самого Филарета, въ письмахъ Иннокентія къ княгинѣ Мещерской проглядывало нѣкоторое чувство недовѣрчивости его къ Филарету [2]). Весьма любопытенъ въ данномъ случаѣ слѣдующій разсказъ Фотія: епископъ нѣкій, такъ пишетъ онъ въ житіи Иннокентія, имѣя въ виду несомнѣнно Филарета, былъ тихъ, молчаливъ и остороженъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и словахъ; и я, разсказываетъ далѣе о себѣ Фотій, вопросилъ Иннокентія: владыко святый, рцы мнѣ, ходить-ли къ сему епископу по твоемъ разлученіи? И отвѣщалъ онъ: молю тебя ходи и учись у него молчанію; но не обращай въ правовѣріе его, ибо не обратишь ты его. *Я ему внушалъ объ томъ и вотъ страдаю*". Едва-ли въ представленномъ разсказѣ Фотія находится много вымышленнаго; въ немъ встрѣчается нѣчто такое, что соотвѣтствуетъ

---

[1]) Въ рукописномъ оригиналѣ житія противъ имени Филарета написано рукою извѣстнаго нашего историка, Филарета, архіепископа черниговскаго: «о послѣднемъ (т. е. Филаретѣ Дроздовѣ) не справедливо подозрѣніе. По его, отзыву, высказанному мнѣ случайно, онъ напротивъ предостерегалъ и уговаривалъ блаженнаго Иннокентія не одобрять книги, которая дѣйствительно при своемъ добромъ намѣреніи написана плохо, неотчетливо, бездоказательно безсвязно. Ф. А. Ч.».

[2]) Сушковъ. 108—115. Православное Обозрѣніе. 1868 г., № 8, 524—526.

дѣйствительнымъ событiямъ того времени [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что слишкомъ много голосовъ раздается и они настойчиво заявляютъ себя въ пользу того, что Филаретъ былъ не непричастенъ паденiю Иннокентiя. Данныя, говорящiя противъ этого предположенiя, сводятся къ одному источнику—къ свидѣтельству самого заинтересованнаго лица, Филарета. Но такъ какъ нравственный характеръ м. Филарета всегда стоялъ на недосягаемой высотѣ чистоты и безупречности, то онъ одинъ можетъ быть признанъ настолько компетентнымъ авторитетомъ въ данномъ случаѣ, что свидѣтельство одного Филарета можетъ быть принято въ степени вѣроятности равной вѣроятности свидѣтельствъ современниковъ, взятыхъ всѣхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ вопросъ объ участiи Филарета въ гоненiи на Иннокентiя при отсутствiи *прямыхъ фактическихъ данныхъ* и по настоящее время остается открытымъ.

Иннокентiй безропотно, съ покорностью и съ полною вѣрою въ промыслъ Божiй отнесся къ перемѣнѣ своей служебной дѣятельности. Далеко не такъ спокойно отнесся къ удаленiю Иннокентiя его ученикъ Фотiй. Однажды находясь въ уединенной бесѣдѣ съ Иннокентiемъ, Фотiй сталъ было жестоко бранить и поносить князя Голицына за его несправедливость, гнѣвъ и жестокость къ Иннокентiю. Послѣднiй не далъ какъ слѣдуетъ высказаться Фотiю и тотъ-часъ-же остановилъ его. За тѣмъ онъ напомнилъ ему о заповѣди Iисуса Христа любить враговъ и благословлять клянущихъ насъ. Мало того, прослезившись онъ сталъ убѣдительно просить Фотiя о томъ, чтобы и тотъ съ своей стороны помолился за князя „да внушитъ ему Господь преложиться сердцемъ на благая“ [2]). Иннокентiй былъ хиротонисанъ 2 марта въ Казанскомъ соборѣ. Въ день посвященiя, вечеромъ, явился къ нему съ поздравленiемъ Фотiй и они въ задушевной бесѣдѣ провели время до полуночи. Здѣсь между прочимъ Фотiй, замѣтивъ прiятную перемѣну въ лицѣ Иннокентiя, которое сiяло у него духовною радостiю и умиленiемъ, спросилъ его о томъ, не сокрушается-ли его сердце назначенiемъ его въ епископа города Пензы. Иннокентiй, приложивъ

[1]) Сравн. письма Иннокентiя къ С. С. Мещерской, стр. 50—51.

[2]) Житiе Иннокентiя, составленное Фотiемъ.

свою руку къ сердцу, сказалъ на это своему собесѣднику: о Боже! какъ я могу быть недоволенъ даромъ Твоей Божественной благодати! я недостойный рабъ—а почтенъ отъ Бога святѣйшимъ саномъ“ [1]). Преосвященный Иннокентій проникнутъ былъ величайшимъ уваженіемъ къ епископскому сану, но въ то же время по своей скромности стѣснялся тѣхъ почестей, какія воздаются архіереямъ, и тѣхъ правъ, какими они располагаютъ. „Я теперь, писалъ онъ уже изъ Пензы въ Москву въ іюлѣ 1819 года, долженъ и писать и говорить и внушать то, что во славу Божію, устраняя себя. Мнѣ кланяются,—а поклоненіе принадлежитъ Богу единому, меня почитаютъ,—а честь и держава должна быть воздана Богу. Меня заставляютъ управлять и повелѣвать, а царство и власть и сила суть единаго Господа Іисуса Христа... Лучше въ тишинѣ, лучше внизу, лучше подъ спудомъ, лучше въ пустынѣ, нежели въ Египтѣ, лучше на горѣ Елеонской, нежели въ Іерусалимѣ“.

## III.

Иннокентій весьма мало обѣщалъ продолжительной жизни. Его многочисленныя занятія и изумительная дѣятельность преждевременно истощили его физическія силы. Семь лѣтъ неусыпныхъ трудовъ въ С.-Петербургѣ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія окончательно разстроили его здоровье, бывшее слабымъ отъ природы. При этомъ Иннокентій, много изнурялъ себя и аскетическими подвигами. А усидчивыя ученыя занятія еще болѣе усиливали слабость его организаціи. При томъ однажды съ нимъ былъ такой случай. Иннокентій занимался приготовленіемъ урока, который ему слѣдовало дать утромъ и заработался до глубокой ночи. Почувствовавъ утомленіе и преодолѣваемый сномъ, онъ для того, чтобы скорѣе пробудиться и снова принятся за работу, прилегъ тутъ же на каменномъ полу у аналоя (конторки), у котораго занимался [2]). Холодный полъ не далъ ему крѣпкаго сна. Онъ скоро проснулся и докончилъ свою работу. Неосторожность эта много повредила Иннокентію: онъ получилъ простуду и безъ того уже

[1]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

[2]) Этотъ случай былъ 21-го ноября 1817 года и разсказъ о немъ самого Иннокентія напечатанъ въ «Странникѣ» (май 1870 г., стр. 428) подъ заглавіемъ «вразумленіе черезъ свѣчу».

слабый впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая по временамъ подъ дѣйствіемъ разныхъ медицинскихъ пособій ослабѣвала, а по временамъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій жизни, въ какихъ онъ находился, усиливалась и въ концѣ концовъ всетаки свела его въ могилу [1]).

Вскорѣ послѣ своей хиротоніи онъ отправился во ввѣренную ему епархію. Онъ очень торопился своимъ выѣздомъ изъ Петербурга, потому что на него были возложены особыя обязанности, которыя онъ долженъ былъ выполнить на пути, именно въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ предназначалась въ это время хиротонія архимандрита Ѳеофила [2]) во епископа оренбургскаго, которая не могла скоро состояться по случаю неожиданной кончины московскаго архіепископа Августина. Для епископской хиротоніи въ Москвѣ недоставало извѣстнаго числа епископовъ, которое и долженъ былъ восполнить собою Иннокентій.

Не смотря на то, что стояло самое ненастное время года, время самой сильной распутицы, Иннокентій рѣшился пуститься въ далекій путь. Это было во второй половинѣ марта. Одинъ изъ воспитанниковъ с.-петербургской семинаріи и учениковъ Иннокентія сообщаетъ въ своихъ запискахъ любопытное свѣденіе о томъ, какъ прощался незабвенный для петербургской семинаріи ректоръ со своими питомцами. Священникъ І. Виноградовъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „въ одинъ день приходитъ о. Иннокентій въ классъ, въ примѣтномъ смущеніи, въ необыкновенномъ парадѣ, со всѣми орденами и крестами и, окончивъ членъ (membrum) тогдашнимъ урокомъ, сквозь слезы сказалъ намъ: симъ членомъ оканчиваются мои уроки, новаго члена начинать не буду, чтобы не оставить головы безъ туловища. Мы остолбенѣли отъ словъ его, продолжаетъ далѣе свой разсказъ о. Виноградовъ, страхъ и отчаяніе овладѣли нами, слезы полились у всѣхъ горькія. Примѣтя все сіе, Иннокентій продолжалъ къ намъ: да, братцы, *учитесь терпѣнію, я примѣръ вамъ*. Если любите меня, благодарите Господа, что меня удаляютъ, но епископомъ; а по доносу долженъ былъ лишиться званія“.

[1]) Сочин. Иннокентія, ч. 1. Спб. 1845 г. XVIII.

[2]) Ѳеофилъ Татарскій, бывшій архимандритомъ московскаго донскаго мо-

Въ самый день отъѣзда Иннокентія, утромъ, старшіе воспитанники семинаріи пришли къ нему проститься, получить благословеніе и посмотрѣть на своего добраго ректора въ послѣдній разъ. Иннокентій, цѣлуясь искренно и братски съ каждымъ изъ воспитанниковъ, между прочимъ неоднократно повторялъ: „Прощайте, братцы, прощайте! Не поминайте лихомъ *собаку Иннокентія!* Да возьмите на память отъ меня по подарку“. Съ этими словами онъ вынесъ каждому по нѣскольку книгъ, замѣтивъ про свои сочиненія: „когда сочините лучше, сожгите сіи негодныя“. „Я дарю вамъ это въ память меня и для того, чтобы по времени, сличая свои труды съ моими, могли сказать: вотъ какъ слабо прежде писали“, говорилъ Иннокентій другимъ воспитанникамъ, вручая имъ по экземпляру своего сочиненія. „Я васъ любилъ и желалъ осчастливить, но теперь я разлучаюсь съ вами, поручая васъ Богу“, такими словами закончилъ онъ свое прощаніе съ воспитанниками семинаріи [1]). Вечеромъ того дня, въ который предназначался отъѣздъ преосвященнаго Иннокентія изъ Петербурга, къ нему собрались всѣ его многочисленные почитатели. Между ними находилось много знатныхъ лицъ, князей и высокопоставленныхъ государственныхъ сановниковъ, тутъ же было немало и духовныхъ лицъ. Иннокентій, вышедши изъ своей квартиры, въ присутствіи всѣхъ произнесъ молитву, простился со всѣми, всѣхъ благословилъ, особенно много и долго прощался и цѣловалъ одного князя (вѣроятнѣе всего благочестиваго князя П. С. Мещерскаго). Нѣкоторымъ изъ провожавшихъ его Иннокентій дарилъ свои вещи на память. Въ числѣ послѣднихъ изъ провожавшихъ лицъ подошелъ къ отъѣзжавшему епископу и другъ и ученикъ его инокъ Фотій. Иннокентій не могъ дать ему на память о себѣ ни одной вещи, потому что все, что только онъ предназначилъ роздать, было уже роздано, и на прощаніе сказалъ Фотію: „тебѣ же благословеніе Божіе!“ Фотій поклонился своему учителю до земли и, обливаясь слезами, благодарилъ его за то, что онъ отличилъ его отъ всѣхъ другихъ и благословилъ его не земною какою либо вещью, а благословеніемъ небеснымъ, духовнымъ [2]).

[1]) Записки протоіерея І. Виноградова. «Русская Старина» 1878 г. Августъ. 563—565. Сочиненія Иннокентія ч. 1. XIX. [2]) Житіе Иннокентія

Иннокентій выѣхалъ изъ Петербурга уже съ сильно надломленнымъ здоровьемъ. Чахотка дѣлала свое дѣло. Время, избранное Иннокентіемъ для своего путешествія, вмѣстѣ съ неудобствами, съ какими приходится встрѣчаться почти всякому путешественнику, еще болѣе усилило болѣзнь. Иннокентій, не доѣзжая до Москвы, около Твери простудился и занемогъ. „Какая тягость, такъ писалъ онъ съ дороги въ Петербургъ, лежитъ на головѣ, глазахъ и умѣ и еще болѣе на сердцѣ. Чѣмъ благословитъ Господь настоящій выѣздъ, все Ему предаю. Путь до Москвы недалекъ, а смерть еще ближе! Одно прошу и молю Господа, чтобы, очистивъ сколько нибудь противъ настоящаго, принялъ духъ мой!...... Вчера около вечера въ одной деревнѣ я, желая встать изъ повозки, не могъ держаться на ногахъ и потому на крестьянскомъ дворѣ лежалъ около четверти часа“ [1]).

Иннокентій прибылъ въ Москву уже тяжко больнымъ и остановился на Саввиномъ подворьѣ въ квартирѣ преосвященнаго Лаврентія [2]). Между тѣмъ ему предстояло въ Москвѣ необходимое участіе въ хиротоніи оренбургскаго епископа. Совсѣмъ больной онъ всетаки не хотѣлъ откладывать дѣла и держать въ неопредѣленномъ состояніи и другихъ, а потому и рѣшился принять участіе въ хиротоніи въ заранѣе назначенное время, не смотря на всю слабость своихъ физическихъ силъ. „Почти всю недѣлю лежа въ обморокѣ, писалъ Иннокентій изъ Москвы въ Петербургъ, въ Успенскомъ холодномъ сыромъ соборѣ въ продолженіе длинной церемоніи дѣйствовалъ и священнодѣйствовалъ только помощью Божіею. Теперь и пишу вамъ (вхожу не болѣе какъ на четыре ступени—всегда чувствую обморочный припадокъ), лежа на лѣвомъ боку у преосвященнаго Лаврентія на Саввиномъ подворьѣ“.—„Самая дорога, такъ писалъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ изъ Москвы отъ 29 марта, какъ мѣсто искушенія доводила меня до той простоты, гдѣ надлежало сознаться, что для человѣка кромѣ

---

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 34. срав. 55.

[2]) Лаврентій Бакшевскій хирот. 19 янв. 1819 г. въ викарія московскаго изъ архимандритовъ Высокопетровскаго монастыря; 26 октября 1820 г. переведенъ въ Черниговъ, гдѣ и умеръ. Строевъ, 133—134.

покоя душевнаго и за нимъ тѣлеснаго нѣтъ ничего дороже на всей землѣ. Простая солома на деревенскомъ дворикѣ, успокоивающая меня, казалась мнѣ точно лучше всего на всей землѣ. Чрезъ силу въ четвергъ выѣзжалъ на нареченіе, возвратился оттуда въ полуобморокѣ. Въ воскресенье служилъ въ Успенскомъ соборѣ, рукополагалъ. Единъ Господь далъ силы совершить такое великое дѣло. Зрители сомнѣвались, совершу ли я начатое. Я самъ трепеталъ и былъ въ полуобморокѣ. По окончаніи литургіи едва добрался до кареты и тутъ чуть помню, какъ возвратился въ квартиру, гдѣ и лечусь. Пишу лежа. Пока не выздоровлю, въ Пензу не поѣду, какъ хотятъ о томъ судятъ. Политику, оскорбительную истинѣ, надобно отлагать въ сторону. Что нужды если скажутъ слово непріятное, только бы не за злонамѣреніе"? Посвященіе оренбургскаго епископа, совершенное въ холодномъ Успенскомъ соборѣ, усилило болѣзнь Иннокентія. Около трехъ мѣсяцевъ проболѣлъ онъ въ Москвѣ и положительно былъ не въ состояніи продолжать свой путь. Кромѣ того Иннокентій не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такихъ денежныхъ средствъ, которыя дали бы ему возможность заняться серьезно леченіемъ своей упорной болѣзни. Мало того, онъ нуждался во многомъ. Положеніе его въ Москвѣ сдѣлалось бы вполнѣ критическимъ, если бы ему не подоспѣла посторонняя помощь въ видѣ частной благотворительности. И замѣчательно, что эта помощь явилась не со стороны духовныхъ лицъ, какъ слѣдовало ожидать, а отъ людей свѣтскихъ, до того времени лично не знавшихъ Иннокентія. Поэтому совершенно правъ архимандритъ Фотій, который дѣлаетъ упрекъ членамъ московскаго духовенства въ томъ, что они „всѣ оставили Иннокентія страдать и утѣшенія ему никоего не подавали" [1]). Въ письмѣ въ Петербургъ отъ 28 апрѣля Иннокентій писалъ: „больной обыкновенно слышитъ то объ лекаряхъ, то объ лекарствахъ, то объ діетѣ, то о снѣ, то о пищѣ, то объ испаринѣ, а о душѣ и о Господѣ никто никогда ни слова... Благодарю Господа, есть люди не оставляющіе. Одна дама, незнакомая, приславъ вопросъ

---

[1]) Автобіографія Фотія, кн. II, глава 11.

о здоровьѣ, присоединила и о нуждахъ въ пищѣ и питіи, а потомъ прислала пакетъ съ деньгами, котораго я однако не принялъ. Другая и вамъ знакомая, увидя на мнѣ лежащемъ старенькое и простенькое покрывальце въ вечеру присылаетъ ткаңьевое, а на другой день пріѣхавъ, оставляетъ пакетъ съ деньгами".

1-го мая Иннокентій писалъ въ Петербургъ: „Капитолина Михайловна Мальцова [1]) какъ мать печется обо мнѣ: увидѣвъ нѣкоторыя мои худости или обыкновенныя вещи, тотчасъ перемѣняетъ, присылаетъ свои, уговариваетъ, кромѣ того посѣщаетъ каждый день, ординарно присылаетъ хлѣба и прочей пищи, какая только дозволяется врачами".

Самое живое участіе въ бѣдственномъ положеніи Иннокентія принимала графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Лишь только она узнала о болѣзни Иннокентія, то сама лично пріѣхала навѣстить его. Во все послѣдующее время болѣзни Иннокентія въ Москвѣ графиня Орлова доставляла ему все необходимое для жизни, много заботилась о его леченіи, приглашала къ нему самыхъ лучшихъ московскихъ врачей и даже дѣлала для него консиліумъ изъ докторовъ. Обширныя медицинскія средства, какими пользовался Иннокентій, благодаря щедрости графини Орловой, [2])

---

[1]) Эта г-жа Мальцова вѣроятнѣе всего есть жена того Ивана Мальцова, о которомъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ квакеръ Грелье. Послѣдній говоритъ о семьѣ Мальцовыхъ, какъ семьѣ отличающейся своимъ благочестіемъ, и кромѣ того онъ сообщаетъ, что эта семья находилась въ короткихъ отношеніяхъ съ княгинею С. С. Мещерскою, какъ извѣстно, почитательницею Иннокентія. Очень вѣроятно, что княгиня Мещерская, узнавъ о болѣзни Иннокентія—въ Москвѣ, письменно просила ее принять участіе въ его тяжеломъ положеніи. «Русск. Старина» 1874, янв., 25.

[2]) Подвижническая жизнь Иннокентія и сила его проповѣди сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Россіи и обратили особенное вниманіе графини Орловой. Узнавъ о его пріѣздѣ въ Москву, она приняла къ немъ живое участіе и такъ увлеклась его благочестіемъ, что и просила его указать ей наставника духовной жизни. Иннокентій указалъ на Фотія. Жизнь графини А. А. Орловой. Елагина. Спб. 25—26. По разсказу свящ. Я. Лук. Морошкина, переданному имъ правда со словъ другихъ, графиня Орлова была знакома съ Иннокентіемъ еще въ бытность послѣдняго ректоромъ петербургской семинаріи. Воспоминанія Я. Морошкина. «Русск. Старина» 1876 г. октябрь.

оказали ему извѣстную долю пользы. Отъ 12 мая Иннокентій писалъ въ Петербургъ: „на сихъ дняхъ, дней чрезъ семь, хочу потихоньку, оклавшись подушками, пуститься въ дорогу верстъ по шестидесяти на день, шагомъ можно будетъ съ помощію Божіею двигаться. Что дѣлать? Осьмая недѣля какъ я въ Москвѣ, а истиннаго облегченія не вижу, одинъ Господь...“

Отъ 19 мая Иннокентій писалъ: „вчерашній день съ помощію Божіею въ первый разъ въ подушкахъ прокатывался до Капитолины Михайловны. Сколько любви и услугъ въ сей прогулкѣ видѣлъ въ Капитолинѣ Михайловнѣ. Ей, какъ мать за дитятей ходитъ она за мною. Свѣжій воздухъ много освѣжаетъ, и я пробылъ нѣсколько часовъ въ ея садикѣ“.

Однако въ общемъ здоровье преосвященнаго поправлялось очень слабо и выздоровленіе шло очень медленно. Отъ 29 мая больной писалъ въ Петербургъ: „врачи и я иногда дней пять ожидаемъ возрастанія силъ. Только бы сказать слава Богу—крѣпость возрастаетъ, силы умножаются, въ то время встрѣтится какое нибудь разстройство, опять полагающее въ постелю: иногда отъ образа пищи, иногда отъ количества, иногда отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, иногда отъ лекарства, а наконецъ сознаться должно отъ моей глупой неосторожности. Нашлась новая благотворительница Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская... Всѣ мѣры употребляю, чтобы на сихъ дняхъ подняться изъ Москвы, хотя всѣ меня удерживаютъ и заставляютъ ждать крѣпости въ силахъ. Высокопреосвященный митрополитъ (Серафимъ) былъ у меня и хотѣлъ писать о моей болѣзни: требовалъ, чтобы я писалъ рапортъ въ Св. Синодъ о своей болѣзни, но я не соглашался, желая поскорѣе выѣхать. Теперешняя дорога и воздухъ должны подкрѣпить болѣе всѣхъ лекарствъ и лекарей“.

Отъ 2 іюня Иннокентій писалъ: „съ помощію Божіею не смотря на слабость рѣшаюсь подняться чрезъ нѣсколько дней со врачемъ, котораго даетъ любезная графиня (Орлова). Врачи не противорѣчатъ, совѣтуя только подкрѣпиться на нѣсколько дней“ [1]).

---

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 48—51.

5 іюня Иннокентій писалъ въ Петербургъ: „я третій день квартирую у графини Орловой и собираюсь въ путь. Нынѣшній день графиня собираетъ врачей для совѣта ѣхать ли мнѣ при настоящей слабости, или еще ждать облегченія. Молю Господа, чтобы внушилъ согласіе отправить меня. Одинадцать недѣль, почти семьдесятъ семь дней, ожидая лучшаго каждый день, остаюсь при старомъ, между тѣмъ какъ искусство врачей остается съ ними и съ ихъ славою“...

„Графиня Орлова дѣлаетъ для меня все что нужно, даже что угодно, а въ иныхъ случаяхъ болѣе нежели угодно и нужно, но что изобрѣтаетъ ея любовь: она посылаетъ, дѣлаетъ, приготовляетъ, совѣтуетъ, предваряетъ и что она столько усердствуетъ мнѣ *незнакомому!*“

Во время своей болѣзни въ Москвѣ преосвященный Иннокентій не забывалъ о своемъ любимомъ ученикѣ Фотіѣ и время отъ времени напоминалъ ему о себѣ письмами. Вотъ одно письмо Иннокентія къ Фотію, писанное имъ изъ Москвы: „трехмѣсячная моя болѣзнь многому меня научила: именно есть въ Москвѣ истино любящіе Господа. О семъ я радовался до слезъ. Надо мною больнымъ Господь показалъ опыты любви евангельской. Чтобы сокращенно сказать вамъ, скажу только, что два мѣсяца меня на свой коштъ лѣчили, платили лѣкарямъ за каждый визитъ по десяти рублей. Каждый день мнѣ присылали хлѣбъ и всю пищу, каждый день посѣщали меня и вопрошали о моихъ желаніяхъ, потомъ дали мнѣ и одѣяла и покрывала, и перину и подушки, и чулки, и рубашки, и полотенца, и косынки, и платки, и полукафтанъ, и рясу, и экипажъ, и карету на дорогу и лекаря до Пензы и даже денегъ на всю дорогу, да и болѣе, нежели на дорогу. Господи! Гдѣ бы взять все это, если бы Ты не подалъ все державною Твоею рукою чрез избранныхъ Твоихъ. О, молись со мною, братъ, возвеличимъ Господа вкупѣ! Онъ все подаетъ невидимо. Благословляй Господа“ [1]).

Наконецъ, оправившись нѣсколько, преосвященный Иннокентій

---

[1]) Житіе Иннокентія.

9 іюня предпринялъ путь въ Пензу. Графиня Орлова снабдила его всѣмъ необходимымъ для пути. Въ распоряженіе преосвященнаго отданъ былъ покойный и удобный экипажъ, дано было нѣсколько человѣкъ прислуги, поваръ, для сопровожденія его посланъ былъ съ нимъ до самой Пензы врачъ [1]). На пути изъ Москвы въ Пензу преосвященный захотѣлъ посѣтить свою родину, городъ Покровъ, находящійся отъ Москвы въ девяноста верстахъ. Изъ Покрова онъ писалъ въ Москву: „дорога не умножаетъ моей слабости, но кажется облегчаетъ... Воскресенье и понедѣльникъ провелъ я съ матушкою. Любовь родительская такъ утѣшила меня, что спѣшилъ разлучиться съ родительницею и домашними, дабы совсѣмъ не разслабѣть и не лечь въ постелю. Вы повѣрите, что не смотря на болѣзнь, я долженъ бросить свои отдыхи, или отдавать ихъ на разныя требованія родныхъ, знакомыхъ, даже на требованія народа, который удивилъ меня необыкновенною встрѣчею. Въ случаѣ пріѣзда я думалъ объ отдыхѣ, но сверхъ чаянія изъ деревень, мимо коихъ я ѣхалъ, народъ выходилъ на дорогу смотрѣть, а другіе бѣжали въ церковь, чтобы ближе видѣть меня, за двѣ или за три версты разстояніемъ отъ церкви. Когда же подъѣхали къ церкви, то не скажу тысячи, а многія сотни стояли въ ожиданіи, на колокольнѣ звонили во вся, священникъ съ крестомъ на крыльцѣ церковномъ стоялъ въ облаченіи съ прочимъ причтомъ. Скажите, что въ такомъ случаѣ дѣлать? При всей усталости должно было встать, одѣться у кареты, идти въ церковь. Боже мой, какъ почитаютъ и грѣшниковъ, облеченныхъ саномъ священнымъ, и окаянный Иннокентій долженъ былъ благословлять окаянною рукою многія сотни людей, можетъ быть праведныхъ, а безчестный по душѣ долженъ принимать честь отъ благочестнаго народа! Ахъ, великъ принадлежитъ и мнѣ урокъ почти того же содержанія, который повторялъ я вамъ! Въ чести — отъ народа чтобы не забыться и не забыть Господа Іисуса Христа. Я все подробно описываю вамъ для того, чтобы гордость, тая свою пищу, не умножалась самою молчаливостью. Признаюсь

[1]) Автоб. Фотія кн. II, гл. 2.

трудно стоять въ столь сильныхъ колебаніяхъ самолюбія. Простите, ваше сіятельство, и ищите по прежнему Господа Іисуса Христа, сего желаю и молю. Грѣшный Иннокентій".

Во время своего путешествія изъ Москвы въ Пензу преосвященный Иннокентій постоянно сообщалъ о своихъ передвиженіяхъ какъ петербургскимъ, такъ и недавнимъ московскимъ знакомымъ. Изъ города Мурома онъ писалъ въ Петербургъ отъ 13 іюня: „ѣду по двѣ станціи на день—по утру и вечеру, съ трудомъ прибавляю третью. Врачъ, меня сопровождающій, очень усерденъ, благодарю Господа. Путь мой со всѣхъ сторонъ столько обезпеченъ, что мнѣ нужно только сидѣть, да покоиться. Прочее все готово. Несправшиваютъ даже и подорожныхъ денегъ. Одно только предлагается на разрѣшеніе, что приготовить изъ кушаньевъ. А кушанье изготовитъ сопровождающій поваръ и купитъ или изъ взятаго устроитъ. — Предусмотрительность и щедрость Анны Алексѣевны обременили меня, судя по моему недостоинству такихъ милостей".

Въ половинѣ іюня мѣсяца преосвященный Иннокентій вступилъ наконецъ въ предѣлы своей, пензенской, епархіи. И въ первомъ же селеніи своей епархіи онъ принесъ благодарственное молебствіе Всевышнему. 15 іюня онъ писалъ въ Петербургъ къ одному хорошо знакомому князю: „на пути изъ Москвы въ Пензу я не исполнилъ вашего совѣта. Въ селеніи Кульбакахъ остановился въ крестьянской простой избѣ, а госпожи Валуевой, къ коей совѣтовали заѣхать, не было дома. То же случилось и въ г. Арзамасѣ. Г. Анниенькова, ждавши меня около мѣсяца, за два дни до пріѣзда выѣхала въ деревню. Пишу изъ г. Саранска,—это первый городъ Пензенской епархіи на пути моемъ въ Пензу. Доселѣ безъ пособія не могу всходить на лѣстницу, а болѣе лежу. Врачъ, провожающій меня, смотритъ за каждымъ моимъ шагомъ. Онъ-то заставляетъ таскать меня изъ кареты въ карету и распоряжаетъ станціями. Болѣзнь моя геммором и слабость нервическая съ слабостью желудка".

21 іюня преосвященный Иннокентій прибылъ наконецъ въ Пензу. Пензенскіе граждане встрѣтили своего архіерея при самомъ въѣздѣ его въ городъ. Преосвященный, облачась въ храмѣ св.

Николая, въ сопровожденіи всего духовенства и народа отправился въ каѳедральный соборъ. Радость народа при встрѣчѣ новаго и давно ожиданнаго пастыря была омрачена его крайне болѣзненнымъ видомъ. Дѣйствительно лицо его отличалось смертельною блѣдностію и голосъ его дрожалъ отъ слабости. По совершеніи благодарственнаго молебствія преосвященный произнесъ къ своей паствѣ слово о мирѣ и заключилъ его пастырскимъ привѣтствіемъ къ духовнымъ, желая, чтобы они были ему вѣрными сослужителями и помощниками въ дѣлѣ управленія имъ ввѣренною ему паствою. Какое впечатлѣніе произвела Пенза и ея жители на преосвященнаго Иннокентія и какъ отнесся онъ на первый разъ къ своему новому положенію, это можно видѣть изъ его писемъ.

Спустя три дня по пріѣздѣ въ свой епархіальный городъ отъ 24 іюня онъ писалъ въ Петербургъ къ княгинѣ Мещерской:

„21-е число—я въ Пензѣ. Слава Господу Іисусу Христу, слава, слава, пріѣхалъ благополучно. Здоровье мое сопровождается прежними слабостями; ноги очень слабы — даже до опухоли, но такъ надобно. Моя неукротимая гордость или ревность, смѣшанная съ самонадѣянностію, открылась бы въ своемъ мѣстѣ въ полной силѣ, но теперь нужно смиреніе, ибо кротокъ и смиренъ сердцемъ единственный Наставникъ нашъ.

21-е число—только что взошелъ я въ покои, встрѣтили меня два любезныя письма ваши. Господи, вздохнувши, сказалъ я, какъ Ты милосердъ, что утѣшаешь тогда наипаче, когда необходимо утѣшеніе! Признаюсь, чтеніе строкъ вашихъ, соединено было со слезами. Нѣкоторыя скорби предварительно приготовили къ этому состоянію. О, какъ я люблю читать ваши напоминанія о моихъ грѣхахъ! Сдѣлайте милость не оговаривайтесь, говоря правду. Ей, не кому сказать, что должно. Еще болѣе люблю, уважаю, благоговѣю, когда читаю ваши чувства о Господѣ Іисусѣ Христѣ, они родятъ умиленіе скорѣе, нежели другое что вами писанное. Теперь въ Пензѣ какъ въ лѣсу, прошу не прерывать вашего голоса, чтобы слышно было и за полторы тысячи верстъ о Господѣ съ вами въ Таврическомъ [1]) и вездѣ пребывающемъ. Повѣрьте, что

[1]) Княгиня С. С. Мещерская имѣла свою квартиру въ Таврическомъ дворцѣ.

въ дѣлахъ, которыя въ Пензѣ, нѣтъ еще и примѣтъ о духовныхъ восхожденіяхъ мысленныхъ; не знаю, что будетъ дальше. Вы предварительно жалуетесь на медленность почты — и одинъ разъ въ недѣлю. Но что намъ нужды? Хотя бы и одинъ разъ въ мѣсяцъ. Когда Господу угодно посѣтить благодатію своею чрезъ мысль или слово, того не ускорить, ни замедлить не можно. Правда, возбужденіе взаимное могло быть скорѣе въ близости: но на что думать о томъ, чего не благословилъ Господь.

Пензенскія дѣла, кажется, не такъ велики и важны какъ думалось. Теперь одна трудность—ставленники. Я по слабости служить и посвящать ихъ не могу, а преосвященнѣйшаго Аѳанасія, просить совѣщусь, и потому остаются въ ожиданіи. Помолите Господа, чтобы ускорилъ облегчить мои слабости! Ждутъ бѣдные нѣсколько недѣль.

Жители пензенскіе встрѣтили меня очень хорошо. День въѣзда моего прямо съ дороги въ соборъ, былъ ясный. Почти по всему городу по тѣмъ улицамъ, гдѣ я ѣхалъ, народъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ, а около собора и въ соборѣ—собраніе премногочисленное. Тебѣ, Господи, слава, а не мнѣ недостойному! По входѣ въ соборъ, отпѣлъ благодарственный молебенъ Господу Богу за Его милосердіе ко мнѣ недостойному и маленькое сказалъ наставленіе.

Теперь васъ благодарю за все напутствіе и за Михайлу [1]). Онъ въ пути былъ моею правою рукою. Докторъ всѣмъ распоряжалъ и платилъ деньги, а Михайла дѣйствовалъ; не знаю, какъ и чѣмъ благодарить его. Я намѣренъ отправить его вмѣстѣ съ людьми графини, а отъ Москвы авось либо онъ найдетъ себѣ попутчика отправиться къ вамъ. Спросите, какъ же и съ кѣмъ я останусь? Здѣсь людей при домѣ не мало, могу выбрать, да и на что мнѣ много? При случаѣ прошу напомнить преосвященнѣйшему Филарету, что нужды архіерейскаго дома точно требуютъ вспоможенія. Правда, я къ нему буду писать. Всѣмъ вашимъ домашнимъ отъ Господа благословеніе да будетъ. А я всѣхъ прошу помолиться со мною вмѣстѣ о мнѣ грѣшникѣ. Господи, не помяни

[1]) Это крѣпостной человѣкъ князей Мещерскихъ.

грѣховъ моихъ, прости ихъ, разрѣши душу и тѣло мое, по крайней мѣрѣ для другихъ жаждущихъ моего разрѣшенія!

Простите княгиня, надобно еще писать кое къ кому. Я же есмь и всегда пребуду истинно любящій васъ, хотя обыкновенною любовію, и преданный вамъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ грѣшный Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій".

Въ письмѣ въ Москву, написанномъ того же 24 іюня, преосвященный писалъ: „Милость Божія наконецъ допустила меня грѣшнаго до Пензы. Прямо съ дороги я взошелъ въ ближнюю къ собору церковь, облачился и изъ ней взошелъ въ соборъ вмѣстѣ съ духовенствомъ. Здѣсь принесъ посильное благодареніе Господу Богу за всѣ Его щедроты до пути въ Пензу, на пути и во всѣхъ путевыхъ принадлежностяхъ. Потомъ сказалъ маленькое привѣтствіе къ гражданамъ. Признаюсь, послѣ сего довольно чувствовалъ усталости. Вся дорога не столько ослабляла, сколько укрѣпляла мои силы; теперь опасаюсь, чтобы не ослабѣть, прервавши столь сильное, длинное и невольное движеніе. Ноги мои еще столько слабы, что нужно болѣе лежать, нежели сидѣть. Не утаю и того, что онѣ пухнутъ. Ожидаю милости Божіей. Павелъ Ивановичъ [1]) хлопочетъ очень внимательно. На Господа упованіе! Однако и онъ много печется, много послабляетъ, гдѣ можетъ. Рука Господня крѣпче руки человѣческой. Какъ я обрадованъ, что достигъ своего гнѣзда! Подобно птицѣ безъ пристанища, страннику безъ убѣжища, голодному—безъ пищи, ожидалъ я Пензы. Слава Богу, слава Богу, слава Богу, дождался! Теперь по крайней мѣрѣ въ своемъ мѣстѣ, а какое мѣсто, со временемъ объясню я, или лично скажетъ Павелъ Ивановичъ. Пока довольно одного слова—гаданіе мое сбылось—и все вѣрно объ архіерейскомъ домѣ и за сіе благодарю Тя, Господи мой! Нужно смирять человѣка, когда бы вознесся или слишкомъ скоро успокоился. Вы спрашиваете разрѣшенія на такое дѣло, которое уже разрѣшили сами. Жребій и преданность волѣ Божіей, ожиданіе спокойное, что ни послѣдуетъ въ мысляхъ того Іоанна, коего приглашаете къ нему, а не къ своимъ прихотямъ. Есть ли

[1]) Докторъ графини Орловой, сопровождавшій Иннокентія въ пути до Пензы.

точно съ покойнымъ сердцемъ въ преданности къ Невидимому: ко присущему страшному и премилосердому Богу, то разрѣшеніе уже получено въ самомъ вопросѣ. Опасность въ томъ, что духъ маловѣрный колеблется и вмѣсто вѣрной преданности Господу увлекаетъ къ размышленіямъ человѣческимъ, къ невѣрію и малодушію, къ надѣянію на себя, къ страху человѣческому.

Внимательнѣе, графиня, смотрите за собою. Непостоянство происходитъ отъ разсѣянности мыслей. Стойте чаще мыслію предъ Господемъ! Держитесь Его на семъ основаніи, лучше многихъ размышленій, по большей части мечтательныхъ".

Пензенская епархія, въ которой суждено было закончить свою многотрудную истинно подвижническую жизнь преосвященному Иннокентію, принадлежала къ числу самыхъ обширныхъ епархій. Въ составъ ея входили настоящая пензенская и саратовская и части самарской и симбирской губерній. Пензенская епархія открыта была въ 1799 году и до преосвященнаго Иннокентія имѣла трехъ епископовъ. Это были: Гаій (1799—1808 гг.), Моисей (1808—1811 г.) и Аѳанасій (1811—1819) [1].

Пензенская епархіальная каѳедра не отличалась особенно счастливымъ подборомъ своихъ духовныхъ владыкъ. Такъ нужно сказать по крайней мѣрѣ относительно ближайшаго предшественника Иннокентія, преосвященнаго Аѳанасія, который не отличался особенною твердостію и послѣдовательностью въ епархіальномъ управленіи. При немъ въ епархіальной администраціи большую роль игралъ презрѣнный металлъ. Пензенская епархія, одна изъ захолустныхъ, не отличалась благоустройствомъ.

Прежде всего она много страдала отъ бѣдности. Бѣдность пензенскихъ церквей и духовенства была поразительна. Не говоря о другихъ духовныхъ учрежденіяхъ, даже самый центръ епархіальнаго управленія,—архіерейскій домъ, бросался всякому въ глаза своею неприглядностію. Въ письмахъ преосвященнаго Иннокентія

---

[1]) Гаій Такаовъ, грузинъ, въ 1808 году былъ переведенъ въ Астрахань архіепископомъ; Моисей Близнецовъ-Платоновъ въ 1811 году былъ переведенъ въ Нижній-Новгородъ; Аѳанасій Корчановъ въ 1819 г. былъ уволенъ на покой, умеръ въ Пензѣ, въ собственномъ домѣ, 14 дек. 1825 г. *Строевъ*. Списки іерарховъ, 981.

подробно рисуется эта неприглядность. При этомъ нужно всегда помнить, что Иннокентій былъ человѣкъ съ самыми скромными требованіями, отличался невзыскательностію въ самой крайней степени, и если и онъ тѣмъ не менѣе высказывалъ жалобы на свое дурное положеніе, то значитъ къ тому были уже очень серьезныя причины. „Пензенская моя квартира, такъ писалъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, походитъ на шалашъ. Но страннику и того довольно. Консисторія хочетъ изъ шалаша сдѣлать домъ и имѣетъ на то деньги. Вотъ уже и опасность, чтобъ постоялый дворъ не превратился въ постоянный домъ, въ любимое жилище. Господи укрѣпи въ любви ко всѣмъ! А смотря на развалины трудно было удержаться отъ осужденія и жалобъ". „Меня послали, писалъ Иннокентій въ другомъ письмѣ, тоже адресованномъ въ Петербургъ, въ шалашъ, или въ домъ, похожій на худой трактиръ: у дверей нѣтъ ни ключей, ни запоровъ, у шкафовъ, которые по большой части пообломаны, также нѣтъ ни одного ключа. Обои въ покояхъ индѣ оборваны, индѣ замараны, закопчены. Полы такъ плохи, что когда пойдешь на одинъ конецъ залы, на другомъ поднимаются, скрипятъ. Стекла закопчены, и составлены изъ малыхъ и битыхъ клочковъ, а крыльцо... но это вещь не для жилья... Третій этажъ съ полами и потолками провалился отъ дождей, теча была во второй этажъ. Чтожъ нужды? Сперва пороптал̆ъ, теперь привыкъ, теперь благословляю Господа моего, по немножку поправляю. Въ третьемъ этажѣ дѣлаютъ и полъ и потолки, а второй отдѣлывать отложу до удобности и до того, когда и сколько скопится домовыхъ денегъ. Точно не имамы пребывающаго града, и Пенза есть путь, только я грѣшный очень укореняюсь въ ней какъ будто жить вѣчно. И домъ архіерейскій есть гостинница, гдѣ были Гаій, Моисей, Аѳанасій, и теперь ихъ тутъ нѣтъ и меня также не будетъ. Господи, дай смыслъ точно всегда мыслить, смотря на неисправности домовыя" [1]). Такое жалкое состояніе пензенскаго архіерейскаго дома зависѣло отчасти отъ нищенскаго казеннаго оклада, ассигновавшагося въ то время вообще на архіерейскія дома. Если эти оклады и теперь очень скудны,

[1]) Письма Иннокентія къ Мещерской, письмо 51, стр. 71.

то въ то время они были еще гораздо скуднѣе. Неудовлетворительное экономическое состояніе пензенскаго архіерейскаго дома зависѣло еще и отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ. Такъ, напримѣръ, гражданское вѣдомство г. Пензы весьма часто и незаконно подрывало интересы архіерейскаго домоуправленія. Мѣстная гражданская власть какъ то вообще недружелюбно относилась къ епархіальной власти и старалась при каждомъ удобномъ случаѣ вредить ей. Самоуправство представителей гражданской власти въ Пензѣ въ то время простерлось до того, что она при предшественникѣ Иннокентія, преосвященномъ Аѳанасіѣ, сумѣла отобрать отъ архіерейскаго дома и тотъ ничтожный участокъ земли, которымъ владѣлъ долгое время послѣдній. Вотъ любопытное письмо преосвященнаго Иннокентія, касающееся этого обстоятельства. „Я дерзаю“, такъ между прочимъ писалъ онъ къ одному близко знакомому лицу въ Петербургъ, „просить земли у всемилостивѣйшаго государя для архіерейскаго дома, той земли, коею домъ осьмнадцать лѣтъ пользовался, лучше сказать, не земли, а перелѣсковъ. Ибо вотъ исторія, если не скучно слушать. Осьмнадцать десятинъ поляны или луговъ отмежевано въ перелѣскахъ; лугъ или поляна наша, а перелѣсокъ казенный. Въ другомъ мѣстѣ также тридцать двѣ десятины, законно принадлежащія архіерейскому дому, отмежеваны—лугъ архіерейскій, а перелѣсокъ, раздѣляющій или пересѣкающій поляну, —казенный. *Правда, казеннымъ сталъ считать форшмейстеръ—сталъ притѣснять и въ травѣ*, когда нарубятъ дровъ или прутьевъ изъ перелѣска, онъ поймаетъ, посадитъ подъ караулъ и чего не дѣлаетъ! Это началось года съ три назадъ, а прежде архіерейскій домъ пользовался всѣмъ всплошь, и домикъ тамъ былъ выстроенъ для пріѣзда, теперь уже ветхъ, надобно все обновлять, если государь сдѣлаетъ милость, возвратитъ дому владѣемое. Простите, что я обременяю васъ... своимъ пустословіемъ. Хотѣлъ не то писать. Господи прости и это,—своя болячка, потому такъ и изъясняется. Кто не человѣкъ на землѣ—доколѣ на землѣ?“ [1]). Мнѣ извѣстны нѣкоторые факты

---

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, 70—72.

враждебныхъ отношеній представителей гражданской власти къ мѣстнымъ своимъ архіереямъ, отличающіеся такою возмутительною несправедливостью и дерзостью, за которыя долженъ краснѣть всякій сколько нибудь честный и благородный человѣкъ. Къ сожалѣнію я не имѣю права обнародовать эти факты.

Преосвященному Иннокентію изъ Петербурга посовѣтовали просить денегъ на ремонтъ архіерейскаго дома и порекомендовали представить даже денежную смѣту на необходимыя поправки по дому. „Вы пишете о смѣтѣ на домъ, такъ отвѣчалъ Иннокентій на полученные изъ Петербурга совѣты, но какъ мнѣ просить денегъ, когда накоплено предмѣстникомъ десять тысячъ? Онъ ихъ копилъ для покупки хутора или земли, о коей въ прошедшемъ письмѣ я писалъ къ вамъ, теперь надѣюсь выпросить землю безъ денегъ. Куда же употреблю деньги? Чего нибудь одного просить у всемилостивѣйшаго государя. Да развѣ Господь не видитъ и не знаетъ, что есть деньги или для земли или для дома? Просить денегъ для дома, не дадутъ земли, не просить для дома, Господь поможетъ выпросить землю. Вотъ мое разсужденіе. Впрочемъ, что Господу угодно, того и ожидаю, тѣмъ и буду доволенъ. Теперь привыкъ я къ ветхостямъ казеннымъ“ [1]).

На недостатокъ средствъ пензенскаго архіерейскаго дома преосвящен. Иннокентій жаловался не только въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, о томъ же самомъ предметѣ между прочимъ писалъ онъ и въ Москву къ митрополиту Серафиму. Высокопреосвященный Серафимъ сочувственно отвѣтилъ на письмо Иннокентія и далъ ему практическій совѣтъ хлопотать о припискѣ къ архіерейскому дому какого либо монастыря или пустыни. Письмо митрополита Серафима любопытно не только по отношенію къ личности Иннокентія, но представляетъ и болѣе широкій интересъ, какъ матеріалъ для знакомства вообще съ экономическимъ положеніемъ нашихъ епархіальныхъ учрежденій начала XIX вѣка. Вотъ это письмо.

---

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, 71—72.

«Преосвященнѣйшій владыко,

возлюбленный о Господѣ братъ!

Обрадовался я, получивъ письмо ваше, изъ коего узналъ, что здоровье ваше не мало поправилось. Надѣюсь на милость Отца небеснаго, что оно вскорѣ и совершенно поправится. Прошу только васъ не вдругъ налегать на дѣла, а дѣлать ихъ исподволь, безъ напряженія силъ, доколѣ вы не укрѣпитесь; да и служить не часто, доколѣ не пройдетъ опухоль въ ногахъ. Укрѣпившись, можете при помощи Божіей все вознаградить. Берегите себя для блага святыя церкви!

Новоучрежденныя каѳедры архіерейскія къ сожалѣнію всѣ и всѣмъ очень скудны, какъ мнѣ сіе по перепискѣ съ преосвященными извѣстно. Нѣтъ ли въ епархіи вашей какого либо монастыря или пустыни или приходской—съ достаточнымъ количествомъ земли—церкви близъ Пензы? Въ случаѣ нужды можно просить Святѣйшій Синодъ о припискѣ оныхъ къ архіерейскому дому. Такъ поступилъ калужскій преосвященный Евлампій и тѣмъ привелъ архіерейскій домъ свой въ хорошее положеніе. Близъ Калуги была одна приходская ветхая деревянная церковь, коей прихожане не въ силахъ были выстроить вновь каменной. Онъ ее упразднилъ, а о церковной землѣ представилъ въ Св. Синодъ, чтобъ она отдана была во владѣніе архіерейскому дому. Св. Синодъ взошелъ докладомъ къ Государю и Государь приказалъ отдать ему землю, которой было девяносто десятинъ лучшей луговой при рѣкѣ. Архіерейскій тверской домъ былъ недостаточенъ. Чѣмъ было пособить? Не знаю, какой то преосвященный выпросилъ, чтобъ къ нему приписанъ былъ одинъ монастырь, который имѣлъ довольное количество земли, и чрезъ то получаетъ нынѣ архіерейскій домъ изрядные доходы. Если и вы употребите сей способъ, то нѣтъ почти сомнѣнія, чтобъ вы не получили успѣха, и я вамъ совѣтую употребить способъ сей, а накопленныя предшественникомъ вашимъ деньги беречь на другія нужды. *Но и кромѣ разстройства дому вашего нельзя, чтобъ вы не нашли другихъ еще, можетъ быть, большихъ разстройствъ, которыя причинятъ вамъ много хлопотъ.* Здѣсь то потребна осторожность и терпѣніе! Но опытность ваша, благонамѣренность и благодать Божія помогутъ вамъ, чего я вамъ усерднѣйше желаю.

О себѣ скажу вамъ, что мое слабое здоровье, хотя и теперь еще слабо, но замѣчаю, что оно лучше становиться начинаетъ, нежели каково было въ Петербургѣ.

Подворье Троицкое, на которомъ я живу, имѣетъ много выгодъ, и покои расположены весьма хорошо. За то въ лаврѣ премного ветхостей, требующихъ немедленной починки, а денегъ очень мало. Дѣлъ у меня премного по той наипаче причинѣ, что Москва послѣ непріятельскаго

раззоренія не приведена еще въ надлежащее устройство. У насъ почти непрестанные дожди,—сѣно погнило, а хлѣбъ бурями повалило. Гнѣвъ Божій за грѣхи наши!

Впрочемъ искреннѣйше желая вамъ всѣхъ благъ, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и любовію навсегда пребуду

Вашего преосвященства возлюбленнаго о Господѣ брата усерднѣйшій слуга, Серафимъ, митрополитъ московскій» [1]).

1819 г. іюля 21 дня.

Неприглядень былъ и пензенскій каѳедральный соборъ. Ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни внутреннею отдѣлкою и убранствомъ не отвѣчалъ онъ своему назначенію каѳедры епископа. Соборъ не былъ даже достроенъ; верхній его этажъ не былъ выведенъ до конца. Ризница каѳедральнаго собора отличалась такою же бѣдностію, какъ и весь соборъ. Скудость ея доходила до того, что въ составѣ ея принадлежностей находилась одна, и та бѣдная, пара дикирій и трикирій. Преосвященный Иннокентій, любившій, не смотря на свою болѣзнь, часто служить, высказывалъ жалобы на то, что ему невозможно служить вмѣстѣ со своимъ предшественникомъ Аѳанасіемъ. „Жаль, писалъ онъ въ Петербургъ, у обоихъ архіереевъ одни дикиріи и трикиріи и однѣ рипиды, въ праздникъ одинъ изъ насъ долженъ сидѣть дома за сею малостью“.

Если такова была бѣдность каѳедральнаго собора, то объ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ и говорить нечего. Въ нихъ мало находилось внутреннихъ украшеній, церковная ризница состояла изъ облаченій ситцевыхъ, выбойчатыхъ и другихъ грубыхъ матерій; чувствовался большой недостатокъ даже въ самыхъ необходимыхъ для богослуженія книгахъ. „Жаль, что и въ городскихъ церквахъ, очень мало книгъ, необходимыхъ къ поученію, такъ писалъ преосвященный Иннокентій въ Петербургъ изъ города Петровска отъ

[1]) Подлинное собственноручное письмо м. Серафима къ епископу Иннокентію принадлежитъ протоіерею г. Вольска, Саратовской губерніи, А. А. Росницкому, а имъ получено отъ своего родственника іеромонаха Аркадія, бывшаго духовникомъ преосв. Иннокентія. Письмо м. Серафима со списка о. протоіерея Росницкаго напечатано въ Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1868 годъ, № 10, част. неофиціальная, стр. 315—316.

10 августа, не знаю отъ кого сіе опущеніе. Предмѣстники ли не побуждали, священники ли не хотѣли или вообще не знали, только скудость достойная сожалѣнія. Теперь отнюдь не удивительно, что многія церкви не имѣютъ Библіи. Онѣ не имѣютъ даже и тѣхъ книгъ, которыя составляютъ кругъ церковнобогослужебный, а Библія по ихъ мнѣнію есть такая книга, безъ коей можно обойтись, и дѣйствительно безъ коей можно совершать богослуженіе. Причиною поставляется бѣдность. Почти всѣ такъ и отвѣчали на мои вопросы. Ризы всего трои или четверы. Изъ нихъ однѣ шолковыя, прочія ситцевыя и выбойчатыя или холщевыя. Украшенія почти нѣтъ никакого. Странно послѣ сего, какъ священники, когда искали посвященія, издерживали будтобы по триста рублей или болѣе" [1]).

Крайняя необезпеченность архіерейскаго дома и всего состоящаго при немъ служебнаго персонала вынуждала епархіальную власть прибѣгать къ налогамъ на подвѣдомое ей духовенство.

При управленіи пензенскою епархіею преосвященнаго Аѳанасія существовала даже особая такса на ставленниковъ. „Скажу признательно, писалъ Иннокентій въ Петербургъ къ одному хорошо знакомому высокопоставленному лицу, и при моемъ предмѣстникѣ много брали со ставленниковъ—именно *на лице архіерея* при выдачѣ ставленной граматы—со священника шесть (разумѣется рублей), діакона—три, дьячка въ стихарь полтора; съ того же ставленника *на пѣвчихъ*—со священника десять, діакона пять, съ дьячка два съ половиною; да еще на крестовыхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ *и прочую архіерейскую свиту*: со священника десять, съ діакона пять, съ дьячка—два. Мнѣ хочется прекратить сей поборъ, и оттого все ползетъ врозь. Пѣвчіе говорятъ: одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятся прочь. А самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора. Устоитъ ли? Въ первый разъ или въ первый день, какъ онъ рѣшился на сіе, вдругъ присылаютъ пять четвертей ржи—вотъ хлѣбъ, пятнадцать четвертей овса—вотъ кисель, че-

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, 72—73.

резъ недѣлю три воза крупъ муки и овса, еще чрезъ нѣсколько дней—два воза овса. Скажите не довольно ли пропитанія мнѣ лично съ моими домашними? Такъ Господь строитъ, Ему единому слава!

P. S. О поборѣ прошу не публиковать до времени, такъ заканчивалъ свое настоящее письмо Иннокентій, объ этомъ я князю (т. е. Голицыну, какъ министру духовныхъ дѣлъ) еще не писалъ, а только къ митрополиту (Михаилу) и къ тверскому (т. е. архіепископу Филарету), да и то не обо всемъ: о сборѣ на свиту къ нимъ умолчено. Видно и нашего брата архіерея ревизовать не худо".

Поборы открывали собою широкое поле для полученія священства лицами недостойными. Отчасти оттого умственный и нравственный уровень духовенства пензенской епархіи стоялъ довольно низко. Преосвященный Иннокентій высказывалъ горькія жалобы на невѣжество своего духовенства. „Просители священничества и діаконства, писалъ онъ въ Петербургъ, иные не знаютъ, что такое Св. Троица, что такое молитва, о чемъ молиться, что такое символъ вѣры. Чтобы не согрѣшить даже предъ судомъ моей совѣсти, отсылаю учиться, не посвящаю. Такихъ отосланныхъ со времени моего вступленія въ епархіальное управленіе будетъ до двадцати и болѣе. Конечно многіе издалека пріѣзжали и будутъ жаловаться, что такая необычайность заводится, но рѣшаюсь дѣйствовать въ пользу душъ христіанскихъ. Молю Господа, чтобы подкрѣпилъ навсегда, не смотря ни на что, искать истинной духовной пользы—спасенія душъ христіанскихъ. Господу вручаю и молю, чтобы сія необработанная нива обработалась сколько нибудь къ славѣ Господа [1]).

Не смотря на всю слабость и разстроенность своего здоровья, преосвященный Иннокентій дѣятельно взялся за устройство епархіи. Онъ занялся устройствомъ архіерейскаго дома, лично присутствовалъ при испытаніяхъ воспитанниковъ семинаріи, гимназіи и духовныхъ училищъ, осмотрѣлъ всѣ церкви г. Пензы, отмѣнилъ взяточничество и поборы съ духовенства, самъ

[1]) Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, 64, письмо 48-е.

лично производилъ экзамены ищущимъ священства и проч. Особенно много хлопотъ доставляли преосвященному ставленники. Пензенская епархія около полугода не имѣла у себя архіерея и потому въ ней за это время успѣло открыться значительное количество вакансій. При слухѣ о пріѣздѣ новаго архіерея искатели священства массами являлись въ каѳедральный городъ и осаждали просьбами Иннокентія. Новый архіерей оказался довольно строгимъ въ выборѣ кандидатовъ и производимый имъ экзаменъ отнималъ у него массу времени. Кромѣ того преосвященный затруднялся даже самымъ посвященіемъ ставленниковъ, причиною чему служила его болѣзнь. Скоро онъ ближе познакомился со своимъ предшественникомъ, преосвященнымъ Аѳанасіемъ, полюбилъ его и даже ходатайствовалъ за него въ Петербургѣ. „Прошу, ваше сіятельство, такъ писалъ онъ въ Петербургъ къ одному знакомому князю, поспѣшить присылкою позволенія моему предмѣстнику оставаться въ Пензѣ, жить въ домѣ своемъ, имѣя домовую церковь. Онъ мнѣ очень нравится: любезенъ, не лѣнивъ служить, поможетъ, посвящая ставленниковъ, и когда же служитъ?—по средамъ и пятницамъ, а въ праздники, служу я самъ“.

Преосвященный Иннокентій очень любилъ служить. При всей слабости своего здоровья не проходило почти ни одного воскреснаго и праздничнаго дня, когда бы онъ не совершалъ божественной литургіи. Во время священнослуженія онъ никогда не дозволялъ поддерживать себя діаконамъ, что, собственно говоря, при его слабости и вѣскости архіерейскаго облаченія было для него необходимо. Ни его немощи, ни продолжительность богослуженія не могли ослабить силы его духа. Онъ съ такимъ благоговѣніемъ погружался въ молитву, что ни на что постороннее не обращалъ никакого вниманія. Однажды во время священнослуженія его въ крестовой церкви, послѣ херувимской пѣсни, слухъ о пожарѣ въ домѣ, гдѣ устроена была церковь произвелъ сильное волненіе между молящимися, но преосвященный Иннокентій такъ глубоко погрузился въ молитву, что не слышалъ и не замѣтилъ происходившаго вокругъ него смятенія.—Это было, какъ видно изъ писемъ Иннокентія, 7-го іюля.

Въ первыхъ числахъ августа, т. е. немного болѣе мѣсяца по вступленіи своемъ въ епархіальное управленіе, преосвященный Иннокентій предпринялъ поѣздку по своей обширной епархіи. Этою поѣздкою онъ отчасти разсчитывалъ поправить свое здоровье, но главною цѣлію его поѣздки—было ознакомленіе съ отдаленнѣйшими мѣстами своей епархіи. Главнымъ пунктомъ своего обозрѣнія онъ выбралъ городъ Саратовъ. На дорогѣ въ Саратовъ преосвященный останавливался и въ другихъ городахъ, чрезъ которые ему приходилось проѣзжать. Такъ онъ нѣсколько сутокъ провелъ въ городѣ Петровскѣ. „Петровскъ, такъ писалъ отсюда Иннокентій въ Москву, городокъ небольшой, основанный Петромъ Великимъ, коего доселѣ хранится Евангеліе и знамена, взятыя у татаръ или киргизъ. Усердіе къ Господу видно изъ множества церквей. Въ Пензѣ только семь церквей, а здѣсь десять, разница та, что пензенскія лучше украшены и почти всѣ двухкомплектныя, а здѣсь бѣдность и простота какъ необходимыя спутницы встрѣчаютъ и провожаютъ изъ церкви въ церковь. Благодарю Господа, что кроткое духовенство не жалобами, но довольствомъ встрѣчаетъ посѣтителей“. Вообще преосвященный остался очень доволенъ Петровскомъ. Даже и бѣдность церквей и духовенства произвели на него хорошее впечатлѣніе. „Послѣ петербургскаго богатства, такъ писалъ онъ въ Петербургъ отъ 10 августа, и московской пышности, глазъ успокоивается и не развлекается губернскою простотою и уѣздною бѣдностію... Здѣшніе граждане по усердію къ пастырю своему въ будничный день собрались въ соборъ и пастырь предложилъ имъ поученіе“ [1]).

22 августа преосвященный Иннокентій прибылъ въ Саратовъ и встрѣченъ былъ жителями съ восторгомъ. „Собраніе было не малочисленное, такъ писалъ онъ немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ, соборъ, его крыльца, притворъ и окна наполнялись зрителями. Послѣ благодарственнаго молебна въ соборѣ преосвященный Иннокентій обратился къ народу съ привѣтствіемъ: „возвеличимъ Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ!“ Какъ пастырь онъ приглашалъ паству къ благодаренію Господа за Его

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, 70—72.

благословенія. Благословенія были исчисляемы земныя. Произнося слова: „возвеличимъ Господа со мною", Иннокентій пришелъ въ такое умиленіе, въ такой восторгъ, что „готовъ былъ обнять всѣхъ, чтобы во единомъ союзѣ возвеличить безпредѣльно Великаго". На слѣдующій день преосвященный снова былъ въ соборѣ и привѣтствовалъ свою паству новымъ поученіемъ [1]). Едва лишь успѣлъ преосвященный пріѣхать въ Саратовъ и произнести къ саратовскимъ жителямъ два поученія какъ его болѣзнь усилилась. На третій день своего пріѣзда онъ уже былъ въ совершенномъ изнеможеніи и болѣе не вставалъ съ одра болѣзни. „Въ Саратовѣ, такъ сообщалъ онъ (отъ 25 августа) одному знакомому въ Петербургъ, принималъ къ себѣ дворянство, купечество и духовенство, а на третій день легъ въ постель. Въ Саратовѣ нашлись благія души, которыя присылаютъ и хлѣбъ и кушанья больному. Благодареніе Богу и саратовскимъ врачамъ"! Двѣ недѣли проболѣлъ Иннокентій въ Саратовѣ. Чувствуя всю опасность своего положенія онъ, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія остаться въ Саратовѣ, рѣшился возвратиться въ Пензу. И здѣсь при всемъ сильнѣйшемъ развитіи своей болѣзни преосвященный не переставалъ заниматься дѣлами епархіи. Въ это время онъ получилъ извѣстіе, что коммиссія духовныхъ училищъ намѣревается вторично напечатать его Церковную Исторію, и потому онъ принялся за исправленіе сей книги. На замѣчанія нѣкоторыхъ лицъ о необходимости отдыха отъ трудовъ, и безъ того уже превышающихъ его силы, преосвященный съ полною покорностію Промыслу Божію говорилъ спокойно: „что Богу угодно, то и будетъ! Да будетъ воля Его!"

Физическія страданія нисколько не затемняли его душевныхъ силъ. Разсудокъ и память не оставляли его до послѣдней минуты жизни. Лежа въ постели, онъ всетаки старался отвѣчать своимъ знакомымъ на нѣкоторыя ихъ письма. Письма Иннокентія, относящіяся къ этому времени, отличаются особеннымъ религіознымъ возбужденіемъ. Въ нихъ видѣнъ благочестивый подвижникъ, взирающій на свою смерть, какъ на легкій переходъ въ лучшую жизнь.

---

[1]) Письма Иннокентія къ княгинѣ С. С. Мещерской, письмо 53, 74—76.

„Мнѣ нужно, писалъ Иннокентій къ княгинѣ Мещерской отъ 29 сентября, очищеніе, коего достигнуть ничѣмъ не можно, какъ болѣзнію. Гордость сердца моего, сомнѣніе, невѣріе, какъ тяжкія оковы, связывая духъ, держатъ тѣло въ болѣзни. Господи! Не могу и преклонить чувствъ къ противной сторонѣ отъ немощи тѣлесной, или отъ закоснѣлости грѣховной. Помолитесь, чтобы Господь самъ, своею силою всемогущею, смягчилъ сердце, отверзъ двери и взошелъ какъ Владыка сердца, какъ Царь, какъ Творецъ, какъ Богъ! Вы радуетесь слухомъ, *что есть любящіе меня*. Ей, недостоинъ ни любви, ни вашей радости. Пишу просто. Тяжесть грѣховная, закрывая свѣтъ истинный, держитъ меня во тьмѣ и смертной сѣни. Не видятъ моей гнусности другіе, а мнѣ она ощутительна". Въ заключеніе своего письма преосвященный проситъ чрезъ Софью Сергѣевну Мещерскую княгиню Анну Сергѣевну Голицыну, чтобы она „отъ богатой своей къ нему милости" прислала ему для чтенія сочиненія Фенелона [1]. Точно такимъ же характеромъ отличается и слѣдующее, по счету послѣднее, его письмо къ княгинѣ Мещерской, писанное имъ за три дня до своей смерти. „Вы благодарите Господа, писалъ онъ княгинѣ Мещерской въ этомъ письмѣ, вы благодарите Его за мою болѣзнь: благодарю васъ, что во истинѣ ходите. Точно благодарить надобно Господа за очищеніе прегрѣшеній. Доселѣ скверную мою душу Господь возбуждаетъ къ очищенію, и доселѣ еще столько остается невѣрія, страстныхъ сквернъ, что нужно продолжить очищеніе. Хощу и молюсь, чтобы хотѣніе рѣшилось, чтобы Господь своею силою утвердилъ и совершилъ Его хотѣніе: славить единаго Господа и служить и дѣйствовать, и писать, и принимать писанія, и говорить, и дѣлать и знакомство имѣть и бесѣдовать. Прошу и вашихъ на сіе молитвъ; ибо мои хотѣнія и моленія очень слабы, столь же скоро прерываются, какъ возвращается припадокъ болѣзненный...

Господи! Какъ я слабъ! Каждый день рѣшаюсь утвердиться въ намѣреніи, и каждый часъ колеблюсь, какъ прахъ, вѣтромъ возметаемый. Не знаю что удаляетъ самаго Господа, какъ будто

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, письмо 55, 75—76.

насильно. Сознаю здѣсь свою тяжесть грѣховную и искушеніе вражее: ибо ничто, кромѣ грѣховъ, не можетъ удалить Господа Іисуса". Въ концѣ этого письма Иннокентій замѣтилъ, что онъ „усталъ" [1]). Эта усталость спустя три дня смѣнилась для него вѣчнымъ покоемъ.

Въ то время, когда Иннокентій доживалъ свои послѣдніе дни въ Пензѣ, въ Петербургѣ борьба между двумя направленіями обострялась все болѣе и болѣе. Ссылка Иннокентія, хотя и замаскированная, ожесточила не только кружокъ тѣхъ людей, мнѣнія которыхъ онъ поддерживалъ; она вооружила противъ Голицына даже много и такихъ людей, которые были совершенно непричастны борьбѣ. Съ другой стороны и князь Голицынъ былъ крайне возбужденъ дѣломъ Иннокентія и изливалъ свою ненависть не только на него, но и на тѣхъ лицъ, которыя ходатайствовали за Иннокентія предъ государемъ и до извѣстной степени достигли своей цѣли. Властолюбивый князь не могъ простить имъ того, что они вопреки его волѣ измѣнили то первоначальное назначеніе, какое онъ далъ было, руководствуясь чувствомъ личной мести, Иннокентію. Голицынъ всевозможными мѣрами преслѣдовалъ и заступавшихся за Иннокентія лицъ и особенно нападалъ много на князя П. С. Мещерскаго, служившаго къ несчастію въ его вѣдомствѣ и занимавшаго здѣсь постъ оберъ-прокурора Синода. Голицынъ прежде всего сталъ обходить этого князя слѣдовавшими ему по положенію наградами и повышеніями. Преслѣдуемый князь, находившійся въ постоянной перепискѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ послѣднему сообщилъ ему между прочимъ о неблаговоленіи къ себѣ князя Голицина.

«Господь Іисусъ Христосъ, такъ писалъ Иннокентій, утѣшая князя, да укрѣпитъ васъ на пути своемъ, конечно узкомъ и тѣсномъ. Мірскія отличія, коими почтены всѣ окружающіе васъ вопреки общему желанію, *васъ не достигли*. Что нужды? Правда, едвали я въ томъ не участвую, ибо вы весьма много принимали во мнѣ участія. Мой любезнѣйшій! Обратите и это во благо души вашей! Терпѣніе какъ твердыня укрѣпитъ васъ предъ Господомъ—въ благодарности и за сіи небесныя милости, а земныя немилости или неблаговоленіе.

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, письмо 56, 76—77.

...О князь! Будемъ молиться, чтобы Господь всѣхъ вразумилъ неразделяться, но въ любви идти къ Нему, чтобы великіе и мудрые съ низкими и глупыми нами соединясь и сердцемъ и духомъ все творили къ славѣ Господа нашего Іисуса Христа».

Конечно нерасположеніе министра духовныхъ дѣлъ къ князю П. С. Мещерскому выражалось не въ одномъ только обхожденіи его наградами. Могущественный государственный сановникъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи много средствъ къ тому, чтобы дать почувствовать свою силу и, если нужно, свое неблаговоленіе своему подчиненному. Здѣсь прежде всего могли имѣть мѣсто придирки по службѣ, критическое отношеніе къ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ подчиненнаго и др. Одно изъ писемъ преосвященнаго Иннокентія даетъ нѣкоторыя черты для характеристики отношеній министра духовныхъ дѣлъ къ гонимому имъ князю.

«Не только мы грѣшники, писалъ Иннокентій къ князю Мещерскому, прикованные къ землѣ, но и совсѣмъ землянные, но и пророкъ Давидъ жаловался то на плоть свою: *нѣсть исцѣленія въ плоти моей;* то на міръ: *весь день боряху мя врази мои;* то на всѣхъ враговъ совокупно: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися.* Да и что слѣдовать за подражателями, за крестоносцами учениками. Самъ Подвигоположецъ крестоносецъ учитель молился *да мимо идетъ чаша сія*, чаша искушеній, скорбей, трудностей, отъ коихъ онъ тужилъ и сѣтовалъ душею. Ахъ, ваше сіятельство, можно-ли въ мірѣ зла быть безъ зла? Тѣ ошибаются, которые думаютъ не тѣснымъ прискорбнымъ путемъ достигнуть царствія. Безъ тѣсноты и притѣсненій мы очень широки,— нѣтъ покорности и смиренія истиннаго. Безъ скорбей нѣтъ истинной духовной радости. Всегда спокойны среди мятежа воздвигаемаго на землѣ страстями и проч. не знаемъ и не слышимъ мятежа—слѣдственно не тутъ же ли, не вмѣстѣ ли съ прочими шумимъ, мятемся, волнуемся, и не помнимъ, и не можетъ разобрать, что такое страстной мятежъ и что спокойствіе. Горе намъ, горе намъ не кающимся и благоденствующимъ нынѣ...

Знаю, что духъ развлеченный дѣлами, неудовольствіями, суетами, неисправностями, неловкостію страждетъ, оскорбляется. Но скорбь знакъ самолюбія. А это есть корень всякаго зла. Его исторгаетъ только державная рука, ибо самолюбіе державствуетъ надъ всѣмъ человѣкомъ,—державная вышняя Господня.

Разсѣянность конечно отъ нашей слабости, которая также родится или отъ любви къ плоти, или отъ любви къ міру, или вообще отъ любви

къ себѣ. Жаль, что мы считаемъ разсѣянностію дѣла по должности! Они, не разсѣянностію, но обязанностію нашею будучи поставлены, слагаютъ совокупно крестъ приспособленный раменамъ и силамъ нашимъ. Они, если будемъ стараться поднять ихъ до конца, также обременяютъ насъ, какъ великаго крестоносца; и нужно будетъ просить помощи, дабы кто нибудь пособилъ тащить на гору, на то высокое преспѣяніе, гдѣ оканчивается возможное исполненіе должности. О какъ возможно безъ Господа что нибудь сдѣлать, чему нибудь сдѣлаться, или случиться съ нами? И какъ возможно идти за Нимъ не по слѣдамъ Его? *Не думайте князь, что ваша молчаливость есть недостатокъ, ваша тихость какъ будто слабость, ваша кротость какъ будто незнаніе.* Нѣтъ! Въ царствѣ Божіемъ это не такъ цѣнится. Берегите сіи дары, они очень многоцѣнны. Обработывайте ихъ усугубленіемъ. *Пусть міръ смѣется, пусть презираетъ, пусть даже лишаютъ должности!* Вамъ свое обработывать надобно. А ваша собственность есть сія, Господь, а по свѣтскому природа, надѣливъ васъ сими дарами, поставила въ кругу такомъ, гдѣ бы они могли усовершенствоваться столько, сколько требуетъ мѣра возраста исполненія Христова.

Вотъ мое мнѣніе грѣшное и грубое о вашемъ положеніи. Прошу не оставлять, а почаще навѣщать меня вашимъ писаніемъ. Здѣсь такія посѣщенія нужны и дороги.

Есмь съ истиннымъ почтеніемъ и любовію преданный слуга и недостойный богомолецъ Иннокентій».

По отъѣздѣ Иннокентія изъ Петербурга почитательница его княгиня С. С. Мещерская близко приняла къ сердцу его дѣло. Она поставила своею задачею выяснить князю Голицину всю невинность Иннокентія и даже рѣшилась сдѣлать попытку отклонить его отъ излишняго и вреднаго поклоненія мистицизму. Вопросъ для нея заключался только въ томъ, какимъ образомъ было бы удобнѣе это сдѣлать: пригласить ли князя Голицына къ себѣ или же наоборотъ самой пріѣхать къ нему? За разъясненіемъ этого вопроса княгиня обратилась къ Иннокентію, тогда еще находившемуся въ Москвѣ, который отъ 15 мая, отвѣчая на сдѣланный ею вопросъ, между прочимъ, писалъ ей:

«Ни призывать, ни ѣхать для вразумленія Голицына по моему не должно; а когда получите извѣщеніе въ сердцѣ, когда Господь благословитъ, то, помолясь, напишите безъ гнѣва, въ присутствіи Господа, со слезами, не о себѣ, но объ общемъ благѣ, о душѣ того, который страждетъ, и погибнуть можетъ, и о душахъ другихъ. Пишите полную

истину безъ усѣченія, но и безъ жару, безъ усилія, безъ колкостей, въ благоговѣйномъ покоѣ, напишите все, что знаете и что Господь пошлетъ, и притомъ тогда, когда будетъ отъ Него благословеніе. Причина, почему совѣтую писать, а не говорить, есть та, что языкъ трудно удержать отъ излишества, воображеніе отъ вспыльчивости и самый духъ отъ ревности пламенной и неумѣренной, когда говоримъ. А на письмѣ можете себя провѣрить, написавши, положить на нѣсколько дней и потомъ съ молитвою, въ тишинѣ, прочитать, исправить, опять помолиться... Успѣхъ не наше дѣло, а Господне, наше дѣло свидѣтельствовать истину во славу Божію» [1]).

Точно также княгиню Мещерскую много занимали отношенія Иннокентія къ архіепископу Филарету. Иннокентій, какъ извѣстно, уѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько разочарованнымъ въ нравственныхъ достоинствахъ Филарета. А народная молва, приписывавшая Филарету участіе въ гоненіи на Иннокентія, безпокоила ихъ петербургскихъ знакомыхъ и болѣе всего княгиню Мещерскую. Добрая княгиня и здѣсь выступила въ роли посредницы. Она хотѣла заняться разъясненіемъ недоразумѣній, возникшихъ между двумя знаменитыми нашими архипастырями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Иннокентію она спрашивала его: ѣздить ли ей къ преосвященному Филарету для выясненія возникшихъ недоразумѣній? На это Иннокентій писалъ ей изъ Москвы отъ 19 мая слѣдующее:

«Ѣздить ли къ преосвященному Филарету и образумить ли его въ нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ? На что, вмѣсто отвѣта васъ самихъ спрошу, послужитъ ли то къ славѣ Господа Іисуса Христа, по вашему собственному намѣренію и усмотрѣнію, ежели поѣдете и будете ѣздить? Когда умъ и сердце скажутъ вамъ, что вы ничего въ предметѣ не имѣете кромѣ Господа, что для Него единственно ѣздите, что хотя бы васъ поносить стали, но и тогда вы не отлагаете и не премѣняете желанія и намѣренія дѣлать все для Господа Іисуса Христа, то не только прерывать, или откладывать поѣздки ваши, но даже умножить бы надлежало. Симъ отвѣтомъ рѣшится и другой подобный: ѣздить ли къ князю [2])? Здѣсь доколѣ видите нужду другихъ, пользу родныхъ дабы хвалили Господа, или прославленіе нечеловѣческаго имени, но точію Господа Іисуса Христа какими бы то ни было устами, дотолѣ кажется, прерывать не нужно вамъ присовѣтаннаго.

---

[1]) Письма Иннокентія къ Мещерской, стр. 49—50.

[2]) Т. е. къ Голицыну.

На вторoе: вразумлять ли вамъ? По вашимъ словамъ одно вразумленіе удалось. Хорошо онъ не оскорбился и не оскорбится, когда и другое скажетѐ; ибо у него есть намѣреніе и желаніе жить для Іисуса Христа. Онъ также непрерывно трудится, чтобы найти Его и предаться Ему всесовершенно, только своимъ путемъ [1]). Теперь ваше дѣло разсмотрѣть только свое намѣреніе, побужденіе на оное внутрь вашего сердца, искреннее ли, или гордое и самолюбивое, поучить и того, отъ *коего надобно и другимъ учиться*, или точно оно вынуждено глубочайшимъ сожалѣніемъ, силою, тяготящею сердце къ славѣ Господа? Видите вамъ самимъ разрѣшить остается...?» [2]).

Фотій, считавшій себя всегда ученикомъ Иннокентія, много и горько скорбѣлъ о своемъ учителѣ, что „сей свѣтильникъ сдвинутъ съ своего мѣста и сокрытъ отъ врага подъ спудомъ, удаленъ изъ столицы вмѣсто ссылки въ дальную паству" [3]). Оставшись въ Петербургѣ одинокимъ, Фотій старался зорко слѣдить за дѣйствіями своихъ враговъ мистиковъ и подробно писалъ о нихъ въ Пензу къ Иннокентію. Въ письмахъ Фотія, вѣроятно, было слишкомъ много раздраженія и озлобленія, когда преосвященный Иннокентій счелъ нужнымъ поумѣрить пылъ своего ученика и указать ему самый вѣрный путь къ примиренію со врагами.

«О возлюбленный Фотій, такъ писалъ ему Иннокентій изъ Пензы, ты еще первый посѣтилъ меня любовію твоею въ Пензѣ; продолжи любовь ко Господу! Онъ соединитъ сердца наши, не смотря на далекое разстояніе мѣста. Продолжи очищеніе сердца столь милаго сердцу моему! Не вдавайся въ пренія, моли Господа Миротворца умирить прежде насъ самихъ, наши чувства, нашу жизнь, нашихъ ближнихъ окружающихъ насъ, тогда умиряться начнутъ и дальнія, умирятся и общества немирныя, умирятся и церкви, раздорами раздираемыя. Что наши съ тобою голоса, если не писканія плещущихъ на землѣ насѣкомыхъ? И что наши съ тобою усилія, есть ли не усилія напряженной руки младенца сдвигнуть стѣну, состроенную многими вѣками, строимую многими милліонами, поддерживаемую сильными подпорами, хотя впрочемъ стѣну Вавилонскую. Принесемъ благодареніе Господу, что доселѣ терпитъ грѣхамъ нашимъ и насъ вразумляетъ искать пути истиннаго, учиться оправданіямъ Его» [4]).

---

[1]) Рѣчь идетъ несомнѣнно о князѣ А. Н. Голицынѣ.

[2]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 50. 38-е письмо.

[3]) Автоб. Фотія, кн. II, гл. 2.

[4]) Житіе Иннокентія. Русск. Архивъ 1868 г. 944—945.

Преосвященный въ своихъ письмахъ къ знакомымъ неоднократно проситъ ихъ о томъ, чтобы они писали ему какъ можно чаще. „Прошу молитвъ вашихъ и писанія, такъ выражается онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, признаюсь оно для меня очень полезно. Кажется я вамъ изъяснялъ сколько и почему. А если не изъяснялъ, то повѣрьте: свидѣтельствомъ примите то, что почитаю нужнымъ писать къ вамъ каждую почту,—изъ Пензы ходитъ одинъ разъ“. „Не бойтесь княгиня, писалъ онъ въ томъ же письмѣ, что наскучите мнѣ вашими чувствами, нѣтъ они мнѣ много помогаютъ. Рѣдко случается читать ваши письма сухими глазами. Не хвалитесь тѣмъ, что сердце ваше изливается на бумагу. Оно лгать не должно, и скрываться ему значило бы прервать всякое сношеніе съ тѣмъ, который весь открытъ, ибо весь въ порокахъ, какъ въ проказѣ, весь на языкѣ и на перѣ—только, а на самомъ дѣлѣ въ глубинѣ души пустъ и простъ“ [1]).

Преосвященный Иннокентій при всей своей слабости не обременялся письмами и аккуратно отвѣчалъ на каждое получаемое письмо. Равнымъ образомъ и тѣ лица, съ которыми велъ онъ переписку, старались утѣшать изгнанника своими многочисленными письмами, такъ что, бывши въ Пензѣ, съ каждою почтою онъ получалъ очень много писемъ. Преосвященный весь день обыкновенно посвящалъ на занятія по должности, которыхъ на его долю выпадало весьма много. Днемъ, утомившись отъ должностныхъ занятій, онъ не писалъ писемъ, а на эту заочную бесѣду посвящалъ большею частію часы ночные. И тогда, когда его болѣзнь развилась до того, что онъ уже не могъ сидѣть, онъ писалъ письма лежа на постели, на кожанной подушкѣ. И такимъ образомъ онъ не оставлялъ переписку съ своими друзьями почти до самой своей кончины. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстны нѣкоторыя его письма, писанныя имъ 7 октября, т. е. за три дня до смерти [2]). По всему нужно думать, что отъ преосвященнаго Иннокентія осталось множество писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ настоящее

[1]) Письма Иннокентія къ Софьѣ С. Мещерской, п. 51, 69—70.

[2]) Нѣкоторыя письма Иннокентій во время своей болѣзни вынужденъ былъ поручать писать другимъ. Письмо Иннокентія къ Мещерской, стр. 75.

время, но много ихъ и до сихъ поръ сохраняется только въ рукописяхъ у разныхъ лицъ. Между тѣмъ письма его заслуживаютъ серьезнаго вниманія по ихъ религіозно-назидательному содержанію. Справедливо выразилъ одинъ изъ его почитателей, что для ищущихъ духовнаго сокровища письма его составляютъ самый драгоцѣнный подарокъ: это жемчужины, изъ глубины благодатнаго моря извлеченныя" [1]). Но въ письмахъ Иннокентія кромѣ религіозно-нравственныхъ наставленій встрѣчаются и свѣденія, очень интересныя для характеристики религіозно-нравственнаго состоянія пензенской паствы, какъ духовенства, такъ и простаго народа. Вотъ что напримѣръ разъ писалъ Иннокентій въ письмѣ въ Петербургъ недѣли двѣ спустя (іюля 6) по своемъ пріѣздѣ въ Пензу. „На сихъ дняхъ ко мнѣ явился Тихонъ Смирновъ, который проповѣдуетъ всеобщее покаяніе. Нынѣ въ великій четвертокъ онъ самъ публично въ церкви предъ народомъ съ позволенія настоятеля принесъ покаяніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, желаетъ (просилъ комитетъ библейскій), чтобы ихъ напечатали для смиренія его собственнаго и во образецъ смиренія прочимъ. Теперь живетъ у меня. Онъ изъ монастыря Краснослободскаго, пензенской епархіи. Ревность къ проповѣданію или распространенію покаянія, иначе обращенія къ Богу, имѣетъ непреодолимую силу. Умру, говоритъ, а не отстану отъ своихъ мыслей, отъ даннаго мнѣ побужденія распространять славу Божію. Онъ семь лѣтъ полагаетъ временемъ покаянія и потому внушаетъ поспѣшность, совѣтуетъ завести училища, гдѣ бы обучали только страху Божію и благочестію, а не языкамъ и наукамъ. Жалуется на духовенство, впрочемъ не осуждая, чего крайне боится. Чтеніе и пѣніе въ храмахъ почитаетъ и называетъ очень безобразными, вниманія къ читаемому не находитъ [2]). Епархіальныя дѣла мало оставляютъ времени для бесѣды съ Тихономъ, но дотолѣ не разстанусь, доколѣ Господь не возьметъ его изъ рукъ

---

[1]) Протоіерей *А. Росницкій*. Странникъ 1868, сент. 139.

[2]) О томъ же самомъ предметѣ Тихонъ Смирновъ писалъ и въ Москву къ м. Филарету. Письмо м. Филарета къ архимандриту Антонію, намѣстнику Троице-Сергіевой лавры. № 911.

моихъ. Рѣзкая въ немъ ревность немногимъ полюбится, сочтутъ, такъ какъ многіе сочли и считаютъ, сумасшедшимъ. О, какъ бы я желалъ такъ горѣть всѣмъ сердцемъ, всѣмъ духомъ, чтобы восхотѣлъ лучше умереть, чѣмъ умолчать о покаяніи [1]).

По возвращеніи своемъ изъ Саратова онъ уже не поднимался съ одра болѣзни. Ненастная погода скоро наступившей осени усилила его болѣзнь и ускорила его кончину. Его силы начали быстро упадать. За нѣсколько недѣль до своей смерти онъ уже былъ не въ силахъ поднять и стакана съ водою, но зато онъ не оставлялъ пера для пастырскихъ трудовъ почти до самой кончины. Предъ глазами болящаго архипастыря постоянно находился крестъ Христовъ на особо устроенномъ пьедесталѣ. Этотъ крестъ составлялъ даръ графини А. А. Орловой-Чесменской. На крестѣ Господнемъ чаще всего останавливалъ свой взоръ преосвященный Иннокентій. При этомъ по лицу его нерѣдко струились слезы, но тутъ же отражалась на немъ свѣтлая небесная радость, которую онъ сопровождалъ всегда молитвою: „помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ“.

За нѣсколько дней до своей кончины преосвященный пожелалъ, чтобы его духовникъ находился при немъ неотлучно. Маститый старецъ, іеромонахъ Авраамій, весьма уважаемый преосвященнымъ, не смѣлъ сидѣть въ присутствіи его; но болящій святитель упросилъ его сидѣть у самаго его возглавія. Взаимною бесѣдою ихъ, часто за полночь, было слово о безконечной любви распятаго за насъ Господа. Послѣ одной изъ бесѣдъ преосвященный сказалъ своему духовнику: „недавно началъ я писать свои мысли при крестѣ. Мысли мои не связны; и рука перестаетъ служить. Возьми, старецъ мой, на память эти записки. Онѣ плодъ нашихъ съ тобой собесѣдованій у подножія достопокланяемой святыни“. Записочекъ оказалось много. Изъ нихъ сохранились нѣкоторыя и до настоящаго времени; а двѣ записочки даже изданы въ печати [2]). Вечеромъ 10 октября послѣдовала замѣчательная

---

[1]) Письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, письмо 59—60, 69—70.

[2]) Мысли при крестѣ, преосвящ. Иннокентія еп. пензенскаго и сарат. «Странникъ» 1868 г.. Сентябрь, 139—141. Сообщеніе протоіерея А. Росницкаго.

истинно-христіанская кончина преосвященнаго Иннокентія [1]. 13 октября происходило его погребеніе. И здѣсь произошло довольно рѣдкое и любопытное явленіе: предшественникъ преосвященнаго Иннокентія, преосвященный Аѳанасій совершилъ погребеніе своего преемника. При отпѣваніи тѣла покойнаго, инспекторомъ пензенской семинаріи Василіемъ Алявдинымъ (впослѣдствіи епископомъ тобольскимъ) была произнесена глубоко-трогательная надгробная рѣчь [2].

Погребеніе отличалось сколько торжественностью, столько же умилительностію и трогательностію. При совершеніи его общая скорбь народа перешла въ неудержимыя рыданія. Плакали и женщины и мужчины, и духовные и свѣтскіе, плакали всѣ болѣе или менѣе знавшіе покойнаго. Въ придѣлѣ пензенскаго каѳедральнаго собора, устроенномъ во имя св. великомученицы Екатерины, въ томъ самомъ мѣстѣ, надъ которымъ утвержденъ престолъ, предано землѣ тѣло преосвященнаго Иннокентія [3].

Графиня Орлова, съ такимъ рѣдкимъ усердіемъ ухаживавшая за Иннокентіемъ, когда онъ лежалъ больнымъ въ Москвѣ, поставила надъ склепомъ бѣлый мраморный памятникъ. Она же устроила и самую пещеру, послужившую Иннокентію и нѣкоторымъ другимъ пензенскимъ святителямъ усыпальницею. Пещера эта очень небольшая и безъ особенныхъ украшеній. Въ настоящее время благодаря извѣстной всему городу Пензѣ своими щедрыми пожертвованіями на богоугодныя дѣла М. М. Киселевой, эта пещера, послѣ нѣкоторыхъ къ ней пристроекъ, обращена въ церковь. Теперь всякій, посѣщающій эту церковь, легко можетъ видѣть въ лѣвой сторонѣ ея въ углубленіи и мраморный памятникъ, подъ которымъ

---

[1]) Подробности ея, написанныя на основаніи житія Иннокентія, составлен. Фотіемъ, сообщены въ жизнеописаніи преосвященнаго, напеч. въ 1 ч. его сочиненій. Спб. 1845. XXVI—XXVII; и у Троицкаго, 69—73.

[2]) Рѣчь непечатана въ 1 ч. сочиненій Иннокентія, XXVIII—XXXI.

[3]) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ, и жизнеописаніе его, напеч. въ 1-й части его сочиненій, стр. XXXI,—называютъ этотъ придѣлъ придѣломъ во имя Казанской Божіей Матери.

покоится тѣло незабвеннаго пензенскаго святителя Иннокентія. Тутъ же на стѣнѣ можно видѣть и портретъ его.

Не смотря на то, что преосвященный Иннокентій очень недолго святительствовалъ въ Пензѣ и послѣ его смерти протекло уже около шестидесяти пяти лѣтъ, память о немъ все еще жива въ православномъ народѣ и имя его съ благоговѣніемъ чтится и теперь не только пензенскими жителями, но и живущими вдали отъ Пензы. Въ послѣдніе четыре года въ Пензѣ замѣчается особенное чрезвычайное движеніе, тѣсно связанное съ именемъ Иннокентія.

19 декабря 1882 года, усыпальница преосвященнаго Иннокентія была обращена въ церковь, причемъ храмъ посвященъ св. Евлампію, празднуемому церковію 10 октября, т. е. въ день смерти Иннокентія [1]).

Въ прошломъ 1884 году, пензенское епархіальное начальство исходатайствовало у Св. Синода разрѣшеніе на торжественное отправленіе столѣтняго юбилея со дня рожденія преосвященнаго Иннокентія, падавшаго на 30 мая прошлаго года.

По словамъ одного изъ очевидцевъ, ко дню торжества столѣтняго юбилея Иннокентія, въ Пензу стеклась такая масса народа, въ особенности простаго, что каѳедральный соборъ, не смотря на его обширность, не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ почтить память святителя. Народъ вѣритъ, говоритъ тотъ же очевидецъ празднованія столѣтняго юбилея Иннокентія, въ дѣйствительность молитвъ святителя Иннокентія и даже въ чудодѣйственную силу, чрезъ него проявляющуюся; народная молва указываетъ даже и факты проявленія этой силы, изъ коихъ нѣкоторые засвидѣтельствованы мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ [2]).

По случаю юбилея Иннокентія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Пензы были прекращены занятія, а въ домовыхъ церквахъ

[1]) Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости за 1883 годъ, часть неофиціальная, № 2.

[2]) «Чудесное спасеніе отъ потопленія угодникомъ Божіимъ Иннокентіемъ», статья священника І. Благоразумова. Пензенскія Епарх. Вѣдомости 1883 г. № 2, часть неофиціальная. Газета «Востокъ» 1883 г., № 228. «Памяти святаго Иннокентія», статья священника Архангельскаго. Пензенск. Епарх. Вѣдомости 1885 годъ часть неофиціальная, № 5.

учебныхъ заведеній, равно какъ и во всѣхъ приходскихъ, были отслужены заупокойныя литургіи и панихиды по почившемъ святителѣ. 29 и 30 мая постоянно, почти не прерываясь, служились панихиды надъ гробницею Иннокентія. Крестьяне несли свои послѣднія лепты, чтобы возжечь свѣчу за упокой души благоговѣйно чтимаго святителя. Многіе изъ нихъ оставались въ Пензѣ на нѣсколько дней для говѣнія и причащенія св. таинъ. 29 мая за всенощнымъ бдѣніемъ, а 30 мая за литургіей въ каѳедральномъ соборѣ были прочитаны два слова изъ проповѣдей преосвященнаго Иннокентія. По окончаніи литургіи и торжественной панихиды, съ литіею въ самомъ склепѣ святителя, въ два часа дня въ залѣ дворянскаго собранія и въ залѣ городской думы, прочитано было жизнеописаніе преосвященнаго Иннокентія.

Въ ознаменованіе и увѣковѣченіе памяти Иннокентія, тогда же предложено было: 1) учредить въ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Пензы, нѣсколько стипендій имени Иннокентія, 2) открыть просвѣтительное общество съ наименованіемъ его Иннокентіевскимъ и 3) устроить богадѣльню для вдовъ и сиротъ епархіальнаго духовенства съ наименованіемъ ея также Иннокентіевскою. Изъ этихъ предположеній второе уже осуществилось. Въ томъ же 1884 году, вскорѣ послѣ празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія преосвященнаго Иннокентія, въ Пензѣ открыто было и начало свои дѣйствія „иннокентіевское просвѣтительное общество пресвятыя Богородицы“ [1]).

---

Не много пережилъ преосвященнаго Иннокентія и покровитель его петербургскій митрополитъ Михаилъ. Съ удаленіемъ изъ Петербурга Иннокентія митрополитъ остался совершенно одинокъ.

---

[1]) Столѣтній юбилей со дня рожденія почивающаго въ пензенскомъ каѳедральномъ соборѣ преосвящ. Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго. Пенз. Епарх. Вѣдомости, часть неофиціальная, 1884 годъ, № 10. «30-е мая въ Пензѣ». Пенз. Епарх. вѣд. 1884 годъ, № 12, часть неофиціальная. Иннокентіевское просвѣтительное общество пресв. Богородицы. Пензенскія Епарх. Вѣдомости 1884 годъ, часть неофиціальная, № 15.

Заступничество за Иннокентія предъ государемъ еще сильнѣе вооружило министра духовныхъ дѣлъ противъ митрополита. Голицынъ теперь на каждомъ шагу старался вредить ему. Въ то же самое время князь Голицынъ по прежнему покровительствовилъ мистицизму. Въ 1819 году въ С.-Петербургъ былъ вызванъ католическій пасторъ Линдль, пріобрѣтшій себѣ извѣстность своими экзальтированными проповѣдями. Здѣсь онъ нашелъ себѣ благосклонный пріемъ не только у князя Голицына, то и у самого императора Александра. Линдль получилъ позволеніе говорить проповѣди въ мальтійской церкви (при пажескомъ корпусѣ) и имѣлъ тамъ самый блестящій успѣхъ. Въ числѣ слушателей и почитателей Линдля находилось весьма много и православныхъ. Митрополитъ Михаилъ употребилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы удалить Линдля изъ Петербурга. Дѣйствительно онъ достигъ своей цѣли: весною слѣдующаго 1820 года Линдль подъ благовиднымъ предлогомъ былъ высланъ въ Одессу. Но усилія митрополита Михаила не принесли пользы. На мѣсто Линдля въ томъ же 1820 году княземъ Голицынымъ былъ вызванъ изъ Германіи другой проповѣдникъ одинаковаго направленія съ Линдлемъ, это Госнеръ. Пріемъ, оказанный Госнеру былъ еще благосклоннѣе, а краснорѣчіе его еще блистательнѣе, такъ что жители столицы всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и православнаго, толпами собирались по вечерамъ въ католическую церковь (на Невскомъ проспектѣ) слушать его проповѣди [1]). Госнеръ утвердился въ Петербургѣ на долгое время. Митрополитъ Михаилъ рѣшился дѣйствовать противъ враговъ ихъ же собственнымъ оружіемъ: онъ самъ говорилъ проповѣди почти при каждомъ своемъ богослуженіи и также своимъ краснорѣчіемъ привлекалъ много народа. Но къ сожалѣнію такихъ пастырей, каковъ онъ былъ самъ, у насъ тогда насчитывались единицы. А борьба съ такими силами была немыслима. Митрополитъ Михаилъ обратился къ единственному, какое находилось въ его распоряженіи, средству — это къ усиленію проповѣди въ православныхъ церквахъ. Въ этихъ видахъ Св. Синодъ, по его пред-

---

[1]) Записки *В. Панаева*. «Вѣстникъ Европы» 1867 годъ, т. IV, 83. Изъ записки Н. И. Греча, «Русскій Архивъ» 1868 г., 1404.

ложенію, издалъ отъ 25 января 1821 года циркулярный указъ, въ которомъ предписывалось епархіальнымъ архіереямъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ усиленію церковной проповѣди [1]). Это было однимъ изъ самыхъ послѣднихъ дѣйствій митрополита Михаила. 24 марта того же 1821 года онъ скончался—по говору толпы—отъ огорченій, причиненныхъ ему княземъ Голицынымъ. Не задолго до своей кончины онъ написалъ Государю, находившемуся въ то время въ Лайбахѣ, письмо, которое произвело сильное впечатлѣніе на послѣдняго. Въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, откровенно изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніе говорилъ: „Государь, когда до васъ дойдетъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь отдать отчетъ вышнему Судіи“ [2]).

Преемникомъ Михаилу назначенъ былъ московскій митрополитъ Серафимъ, которому, при содѣйствіи графа Аракчеева, удалось не только свергнуть князя Голицына, но даже уничтожить самое созданное имъ министерство духовныхъ дѣлъ. 15 мая 1824 года князь Голицынъ перестал быть министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и президентомъ библейскаго общества. Министерство народнаго просвѣщенія перешло къ А. С. Шишкову. Въ томъ же 1824 году, по инціативѣ статсъ-секретаря Кикина, подвергнута была пересмотру извѣстная книга Становича „Бесѣда на гробѣ младенца“, которая по отзыву разсматривавшей ее коммиссіи, признана вполнѣ полезною книгою и даже была напечатана вторымъ изданіемъ по высочайшему повелѣнію“ [3]).

---

[1]) «Прав. Обозрѣніе» 1866 г., кн. VII, замѣтки, 139. «Христ. Чтен.» 1872 г. т. I, 470. *Чистовичъ*. Исторія перевода библіи на русскій языкъ.

[2]) *М. Я. Морошкинъ*. «Русскій Архивъ» 1868 г., 1389—1390. И архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи (кн. II) говоритъ, что «немилость царская къ Голицыну явно открывалась за то особенно, что смерть митрополита Михаила также ему приписывали многіе, коего митрополита онъ, Голицынъ, началъ гнать за разныя пастырскія внушенія и дѣйствія въ пользу вѣры и благочестія».

[3]) Записки адмирала Шишкова. Чтенія въ обществѣ исторіи и древности

Въ слѣдующемъ 1825 году по инціативѣ митрополита Серафима составилась особая коммиссія изъ столичнаго духовенства подъ предсѣдательствомъ епископа ревельскаго Григорія, викарія с.-петербургской митрополіи, для разсмотрѣнія вредныхъ мистическихъ изданій, появившихся въ министерство князя Голицына. Коммиссія тянула возложенное на нее дѣло разсмотрѣнія вредныхъ книгъ очень долго. И только уже въ 1845 году, послѣ представленія полнаго отчета коммиссіи о мистическихъ книгахъ, Св. Синодъ постановилъ одни изъ мистическихъ сочиненій, болѣе вредныя, подвергнуть истребленію чрезъ сожженіе, другія, не противныя православному ученію, отобрать и пріостановить ихъ распространеніе въ обществѣ [1]).

**В. Жмакинъ.**

# Приложеніе.

Выдержки изъ писемъ князя Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова (въ иночествѣ іеромонаха Аникиты) къ своему брату князю Алексѣю Александровичу, относящіяся къ судьбѣ еп. Иннокентія.

Изъ письма отъ 30 мая 1818 года. «Въ наши времена разными нововыходящими книгами православіе нашей апостольской церкви хулится и въ членахъ оныя потрясается. Размножаются тайныя общества разныхъ степеней массонства, которыя всѣ болѣе или менѣе стремятся истребить христіанство и замѣнить оное сперва естественною вѣрою, а потомъ никакою. Несчастный примѣръ сего злоумышленія случился на дняхъ у насъ въ корпусѣ: примѣръ ужасный, открывающій непостижимо хитрую дѣятельность массоновъ, мартинистовъ и проч., сплетаемыя ими сѣти толь искусно разставляются повсюду, что надобно особенное дѣйствіе благодати Господней для избавленія отъ нихъ уловляемаго ими вѣрующаго. Домашній нашъ примѣръ есть слѣдующій. Іеромонахъ нашъ о. Іовъ, познаніями и благими нравами своими всякое почтеніе заслуживавшій, по несчастію познакомился съ людьми сего рода и чрезъ дол-

---

Россійскихъ. 1868 г., кн. III, стр. 18—19, 53—59. Сравн. Чтен. въ общ. ист. и древн. 1861 г. № 2, стр. 201—202. Дозволеніе одной книги.

[1]) Къ исторіи мистицизма въ Россіи. *Н. Барсова.* «Христ. Чтен.» 1876 г., январь—февраль, 128—142. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, *И. Чистовича.* «Христ. Чтеніе» 1872 г. томъ I, 690—709.

гое время внимая ихъ поученіямъ приведенъ ими былъ въ такое жалости достойное состояніе, что почелъ себя въ духовныхъ вещахъ совершенно слѣпотствующимъ и заблуждающимъ, дабы избавиться отъ отчаянія прибѣгъ къ мартинистамъ просить у нихъ свѣта и наставленія на путь истины. Просьба сія, яко плодъ ихъ долговременныхъ внушеній, не осталась безъ исполненія, и 14 сего мѣсяца введенъ онъ былъ въ ложу и принятъ въ число братіи. Сіе давно ожидаемое имъ благополучіе столько его восхитило, что, чрезъ нѣсколько дней послѣ пришедъ въ сумасшествіе или паче въ изступленіе, не могъ скрыть въ себѣ вліяннаго въ него духа мартинистовъ и обнаружилъ оный поруганіемъ святыни въ церкви. Образъ Божіей Матери мѣстный на холстѣ писанный прорѣзалъ ножемъ крестъ на крестъ и на прочихъ иконахъ положилъ знаменіе своего хуленія. Когда его обыскивали, опасаясь, не имѣетъ ли онъ при себѣ убійственнаго оружія, найдены у него въ карманахъ всѣхъ степеней его масонства знаки, а потомъ въ бумагахъ его между прочимъ подробное описаніе принятія его въ ложу и переписка съ начальникомъ оной. Самого его отправили въ Невскій монастырь, гдѣ онъ нѣсколько дней оставался въ своемъ изступленіи, но теперь сказываютъ выздоровѣлъ; знаки и бумаги препровождены къ его начальству и какой оборотъ возьметъ его дѣло, неизвѣстно. Вотъ одинъ изъ многихъ опытовъ нечестія тайно подрывающаго зданіе вѣры. Противъ сего чудовища со славою подвизается писаніями своими знакомый мнѣ по перепискѣ нѣкто Смирновъ, Степанъ Ѳеодоровичъ, московскій житель, достойный всякаго уваженія и всякой благодарности. Ежели тебѣ придется ѣхать въ Москву, не худо бы съ нимъ лично познакомиться»...

Изъ письма отъ 30 генваря 1819 года: «Ты помнишь, любезный другъ, посѣщавшаго насъ пріятеля Е. И. Станевича и помнишь конечно, что онъ писалъ книгу духовную. Онъ дѣйствительно ее написалъ и доставилъ мнѣ одинъ экземпляръ. Я читалъ ее съ удовольствіемъ сердечнымъ, то удивляясь иногда его глубокомыслію, для котораго чувствовалъ уже ума моего краткимъ, то плѣняясь его ревностію по православію. Вся книга его дышетъ сею ревностію и защищеніе нашей церкви видимой отъ нападеній на оную лжемистиковъ было главнѣйшею его цѣлію, и онъ достигъ до нее съ торжествомъ, обличилъ всѣ хитрости противниковъ и обнаружилъ тайные ихъ козни и ковы на христіанство подъ личиною христіанства. Книга сія прошла чрезъ духовную цензуру и Иннокентій почтеннѣйшій утвердилъ ее своимъ подписаніемъ. Но вдругъ врагъ, завидуя добру, воздвигъ на нее гоненіе. Книга сія запрещена; розданные экземпляры, между прочимъ и отъ меня, всѣ чрезъ полицію отобраны; и сочинитель въ 24 часа долженъ былъ выѣхать изъ сто-

лицы, не смотря на болѣзнь его весьма немаловажную. Почтенѣйшему Иннокентію чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и коммиссію духовныхъ училищъ объявленъ высочайшій выговоръ за пропускъ оной книги, въ которой нѣкоторыя и то весьма немногія и маловажныя рѣченія съ великою натяжкою противники истолковали въ худую сторону. Но всякъ садъ, его же не насади Отецъ небесный, искоренится, и потому будемъ спокойны».

Изъ письма отъ 3 февраля 1819 года: «Почтеннѣйшій нашъ наставникъ отецъ Иннокентій оставляетъ столицу и отправляется въ Уфу на престолъ святительскій. Другой уже былъ туда назначенъ, но вдругъ послѣдовало сіе новое назначеніе и сказываютъ велѣно въ теченіи десяти дней кончить посвященіе и отправленіе новаго епископа на епархію. Толико присутствіе его устрашаетъ противляющихся. На дняхъ поспѣшу побывать у него и можетъ быть проститься на долго. Феофилакту грузинскому посланъ бѣлый клобукъ».

Изъ письма отъ 27 февраля 1819 года: «Я сегодня собрался и былъ въ Синодѣ въ самомъ присутствіи при обрядѣ нареченія почтеннѣйшаго нашего отца Иннокентія въ епископы, но только уже не Уфы, а Пензы и Саратова. Господь чрезъ добрыхъ людей наклонилъ къ нему паки сердце царево. По окончаніи краткаго, но важнаго, сего обряда, новонареченный епископъ говорилъ Синоду рѣчь, краснорѣчивую, духомъ христіанскаго смиренія дышащую, при которой самъ проливалъ слезы и насъ всѣхъ привелъ въ умиленіе. Хиротонисаніе будетъ въ воскресенье въ Казанской церкви; ежели буду здоровъ, постараюсь присутствовать при семъ священнодѣйствіи» [1]).

**В. Жмакинъ.**

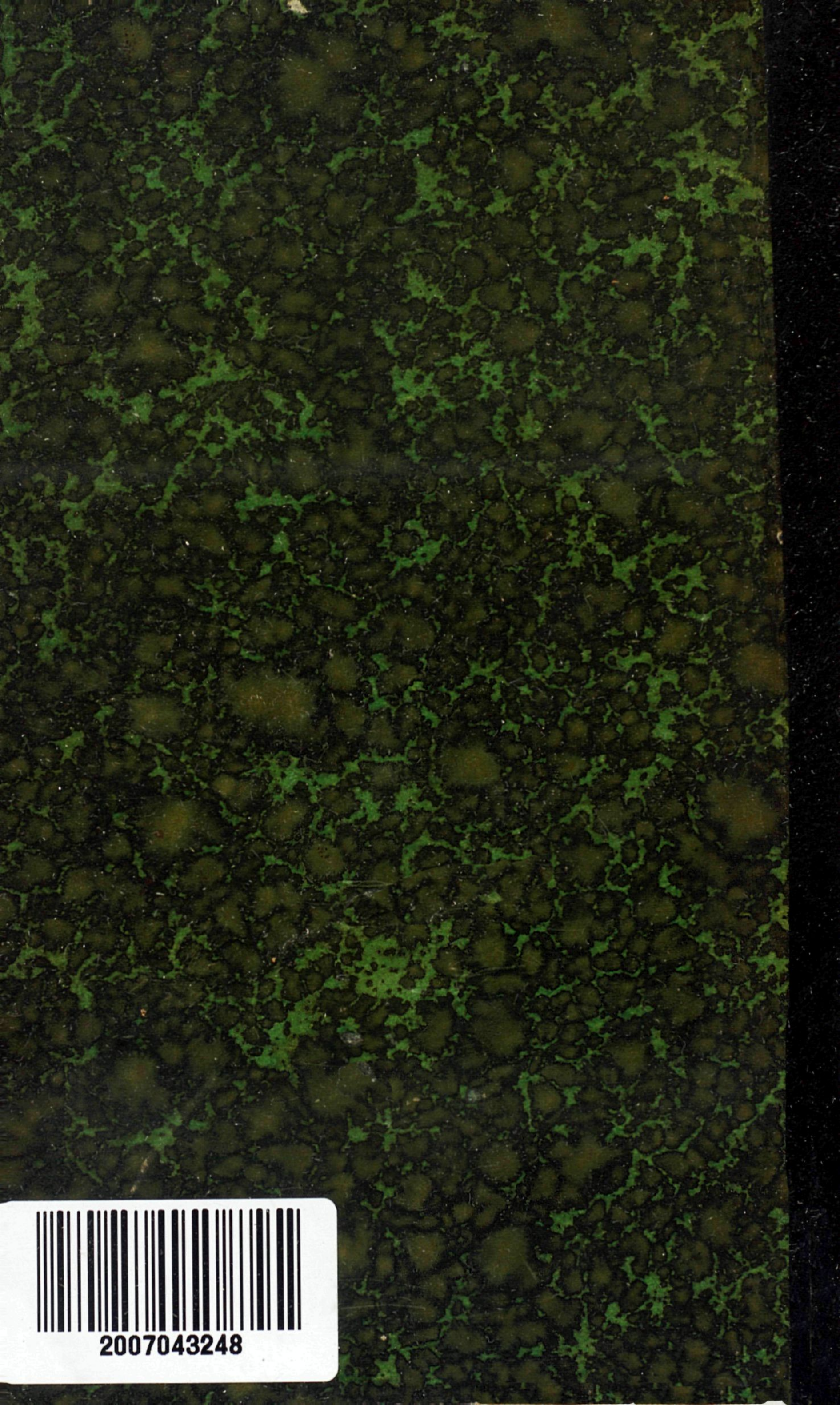
---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

(Изъ «Хр. Чт.» за 1885 г.).

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 7 Сентября 1885 г. Ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Иванъ Троицкій*.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій пр., д. № 134.


2007043248